

801-13
1920

~~№ 712~~

графъ

Александръ Николаевичъ Толстой

A 201
792

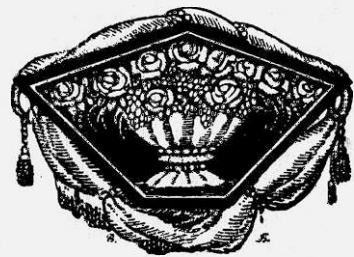
ПОВѢСТИ

и

РАЗСКАЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

и

ИЗД.

«ШИШОВАНЪ»

1911

~~№ 712~~

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ

А $\frac{201}{792}$

СОЧИНЕНИЯ

§ 1 тома 500 -

КНИГА ПЕРВАЯ

Изд. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Посвящаю моей жемѣ.

По низовому берегу Заволжья въ степяхъ и перелѣсахъ стоятъ коренныя помѣщичьи усадьбы, съ прудами, мельницей, старыми садами и красной кровлей на деревянномъ дому.

Когда-то Волга, ища свое русло, промыла здѣсь широкія долины, нанесла бугры изъ песку, поросшіе хвойнымъ лѣсомъ, и отошла къ Симбирску; золотыя главы его на горѣ далеко видны проѣзжему человѣку, чья плетенка, запряженная парой муругихъ, то ныряетъ въ буераки, то стѣною потряхивается, то стучитъ по корнямъ проѣзжей дороги, мимо пруда съ рябыми отъ отпечатковъ копытъ берегами, мимо старыхъ ветелъ и акаціевыхъ аллей, черезъ широкій дворъ усадьбы, гдѣ направо за рѣшеткой, сквозь зелень, бѣлѣютъ колонны родового Нальмовскаго дома... и подбѣгаютъ псы...

Но, знающій уѣздные порядки, непременно велитъ поворотить лошадей съ дороги; особенно если у окна

сидить въ халатѣ самъ Мишукъ Налымовъ, съ отвислыми усами и воловьимъ затылкомъ, поглядывая исподлобья на проѣзжій тарантасъ.

Крикнетъ Мишукъ, догонять гайдуки экипажъ и, если на дворѣ зима, метлу дадутъ, чтобы слѣдъ проѣзжій за собой заметъ—баринъ де не любитъ чужихъ слѣдovъ на своемъ снѣгу... Такъ, хочешь-ли, нѣтъ, а выльзешь изъ саней, а впереди, подъ мордами лошадей, сидятъ, поводя обмерзшими усами, сивые псы.

Сегодня ворота рѣшетки отворены и изъ конюшни, что напротивъ, разомъ отпущенная, срывается, стуча копытами о доски, тройка сѣрыхъ, запряженная въ вѣнскую коляску и, сдѣлавъ полукругъ, подѣзжаетъ къ крыльцу, такъ что, разомъ осаженыя, садятся пристяжны на хвосты, а коренной бьетъ рыхлую землю копытомъ.

Кучеръ, въ безрукавкѣ и малиновой рубахѣ, поправляетъ картузъ и, снявъ обсыпанную мѣломъ перчатку, сморкается.

Мишукъ долго, стоя у окна, смотритъ на тройку сѣрыхъ въ яблокахъ; расправляетъ усы и, сбросивъ халатъ, садится, протянувъ толстую ногу козачку, который надѣваетъ на нее и на другую тоже просторные панталоны, подаетъ поддевку, фуражку съ краснымъ околышемъ и короткй арапникъ и становится у дверей.

Мишукъ, гордо выпрямляя грудь, выходитъ на крыльцо, коренной, обернувъ къ нему морду, ржетъ, а приказчикъ въ долгополомъ сюртукѣ, безъ шапки, докладываетъ почтительно:

— Барышня Марья, да барышня Дуня, ваше превосходительство, да барышня, вотъ какъ ихъ—Тели-

патра, лошадей требовали поутру, черезъ конюха Якова, такъ я безъ вашего превосходительства не далъ.

Мишукъ сталъ краснѣть; откинувъ голову, поглядѣлъ на окна мезонина, гдѣ за кисейными занавѣсками цвѣла герань, погрозили арапникомъ, покраснѣлъ еще и крикнулъ:

— Не давать, выдумали еще—кататься.

— Слушаю,—сказалъ приказчикъ, переступивъ съ ноги на ногу,—а жаловался еще садовникъ, что малину, говоритъ, всю оборвали барышни...

— Убирайся, вели караулить...

И, сойдя съ крыльца, ступилъ Мишукъ въ коляску, которую тотчасъ же перекосило, и, грузно опустясь въ сидѣнье, сказалъ:—пуфъ!

Кучеръ, натянувъ возжи, обернулъ голову,—въ Рѣпьевку,—сказалъ Мишукъ и, когда лошади тронули, замахалъ рукою:—постой, постой, эй сбѣгай, позови ихъ сюда, живѣй!

Приказчикъ побѣжалъ наверхъ, и скоро пять дѣвушекъ, запахивая капоты, вышли на крыльцо: высокая и худая Клеопатра, впереди всѣхъ, презрительно повела плечами и поправила прическу; за ней испуганно улыбалась толстая Марья; красавица Дуня, прислонясь къ колоннѣ, глядѣла на небо и русыя дѣвѣ косы ея были перехвачены лентой; Фимка и Бронька, изъ деревенскихъ дѣвчонокъ, совсѣмъ еще глупыя, глядѣли, разинувъ рты, обѣ курносыя, въ зеленыхъ кофтахъ.

— Вы,—сказалъ Мишукъ, поводя рыжими усами:—смотрите, я на три дня уѣзжаю, такъ у меня—онъ хлестнулъ арапникомъ—чтобы ни одна... того...

— Вот еще,—сказала Клеопатра,—очень нужно, и вас хватить...

Дуня, зѣвнувъ, склонила голову на бѣлой шеѣ:—привезите сладкаго, мы сладкое любимъ.

Фимка и Бронька фыркнули...

Мишука привсталъ было въ коляскѣ, но, раздумавъ, сказалъ:

— Лошадей не кланчить, малину не рвать, а съ Яшкой я, прѣйду, расправлюсь... Пошелъ!—И уѣхалъ.

Дорогой, глядя направо, гдѣ росъ горохъ, и направо, гдѣ волнилась пшеница, вытиралъ Мишука круглое лицо платкомъ и, встрѣчая мелкопомѣстныхъ дворянчиковъ, прикладывалъ къ козырьку два пальца, сердито опустивъ глаза.

При проѣздѣ черезъ овражекъ окатило его грязью, на пашнѣ пыляло, въ лугахъ обдувалъ свѣжій вѣтеръ и пристяжная, взмывая, шла, звеня бубенцами, и видны кольца...

— Рѣшевскіе,—сказалъ кучеръ, кивнувъ головой впередъ на запряженную парой линейку, гдѣ покачивался красный зонтикъ и трепалъ вѣтеръ бѣлыя платья сидящихъ.

И, когда тройка пронеслась мимо и Мишука снялъ картузъ, съ линейки закричали:—дядя Миша, къ намъ, къ намъ...

Между рѣшевскими молодыми людьми—Никитой и Сергѣемъ—сидѣла, склоня овальное лицо свое къ плечу, дѣвушка, держа зонтикъ маленькой рукой въ митенкѣ; соломенная шляпка ея была откинута на лентѣ на спину, и сѣрые глаза, смѣясь, встрѣтились со взглядомъ Мишуки.

— Кому бы это быть,—подумалъ онъ:—не иначе какъ Ходанская Вѣра, пріемышь.

Лошади несли мягко подпрыгивающую коляску въ лѣсъ, и скоро, направо отъ кордона, сквозь просѣку, сталъ виденъ рѣшевскій садъ и далекія воды разлива.

II.

На террасѣ, бѣлыми ступеньками сбѣгающей въ садъ, и тѣнистой отъ кустовъ акацій, сидѣли братъ и сестра Рѣшѣвы, грѣясь.

Ольга Леонтьевна, въ кружевной наколкѣ и въ очкахъ, поджавъ губы, думала, вышивая шерстью дорожку для стола, а Петръ Леонтьевичъ помалкивалъ рядомъ на стулѣ, прищуря одинъ глазъ, другимъ лукаво поглядывалъ на сестру и топалъ носкомъ сапога, голенище котораго изъ моржевой кожи любилъ онъ бывало подтянуть, сказавъ:—вотъ вѣдь, двадцать лѣтъ ношу и нѣтъ износа. На головѣ надѣта у него бархатная скуфейка, и вѣтеръ вѣетъ на бѣлую бороду и рукава ситцевой рубахи...

— Не понимаю я,—сказала Ольга Леонтьевна,—чѣмъ все кончится...

— Что, Оленька?

Ольга Леонтьевна поморгала и поверхъ очковъ взглянула на брата:

— Прекрасно знаешь, о чемъ говорю...

— О Вѣрочкѣ?

Петръ Леонтьевичъ, опершись руками, привсталъ и сѣлъ удобнѣе...

— Перестань стучать ногой,—сказала Ольга Леон-

тьевна; братъ стукнулъ еще раза три и прищурялъ другой глазъ:

— Съ Сережкой у нихъ шуры муры...

— Ахъ, Петръ, это я безъ тебя давно знаю.. Здѣсь гораздо сложнѣе. Вѣра всю ночь плакала...

— Оленька, она сиротка, нельзя обижать ее...

— Ничего ты, Петръ, не понимаешь.

Петръ Леонтьевичъ опустилъ голову и наморщилъ лобъ, безпокоясь.

— Ихъ надо бы поженить,—сказалъ онъ,—предоставь мнѣ, я все устрою...—и подъ взглядомъ сестры сконфуженно отвернулся, слушая звонъ колокольца:—чей это колокольчикъ?—сказалъ онъ, спустя время,— послушай-ка...

Ольга Леонтьевна, снявъ очки, подняла голову:

— Мишука,—молвила она,—на сѣрыхъ ѣдетъ...

Мишука, ступивъ на балконъ, подошелъ къ ручкѣ Ольги Леонтьевны, поцѣловавшей его мимо головы, и облобызался со старикомъ, подумавъ:—цѣлуется, старая колода, а имѣнье протрясъ.

Петръ Леонтьевичъ, улыбаясь, потрепалъ его по колѣнкѣ и ничего не сказалъ, а Ольга Леонтьевна, продолжая вышивать, молвила не очень одобрительно:

— Давненько, Мишенька, не видѣлись...

— Да, занять, собранье скоро.

Петръ Леонтьевичъ живо поднялъ голову, словно конь старый, услышавъ трубу:

— А какъ земскіе выборы? опять мужичковъ провалили. Акимовъ съ товарищами засилить?

— Да, дворяне,—Мишука покосился:—крамольниче время прошло.

— Прошло,—вдохнулъ Петръ Леонтьевичъ и, потухнувъ, опять заулыбался, топая ногой...

— Давно я хочу поругать тебя, Мишенька,—заговорила Ольга Леонтьевна, обернувшись съ живостью, и задвигала руками такъ, будто въ нихъ были кнутъ и возжи,—достойно развѣ это дворянскаго званія шутки твои выкидывать...

— Что?—спросилъ Мишука.

Да вотъ завалъ въ гостиницу какого-то купчика, обыгралъ и выбросилъ поутру изъ номера, да не въ дверь, а головой его дерево проломилъ.

— А! Васька Севрюгинъ.

— Ахъ, батюшки, чтожъ изъ того, того три дня отпавали; гадко, Мишенька, недостойно...

— Севрюгинъ поутру въ корридоръ пошелъ,—сказалъ Мишука,—увидѣлъ лакея безъ фрака, какъ тотъ окошко мылъ, и принялся его бить. А лакей-старикъ, у отца крѣпостнымъ мальчишкой бѣгалъ, почтенный... Воротился Севрюгинъ и кричить:—я суконный фабрикантъ. Я ему говорю:—ты—хамъ, я тебя на ситцевого переворочу, и выбилъ имъ дверь, только и всего.

Мишука послѣ столь длинной рѣчи вытерся платкомъ, а Ольга Леонтьевна, отложивъ вышиванье, стала смѣяться по-старушечьи, трясясь.

Но вотъ, крича изъ сада:—здѣсь они,—вбѣжали на террасу, подобравъ бѣлое платье, Вѣра, за ней Сергѣй, въ красной рубашкѣ, и позади всѣхъ, приложивъ ладонь къ уху, улыбающій Никита.

Вѣра подала Мишукѣ горячія свои ладони и сказала, глядя любовно сѣрыми глазами:

— Познакомимся, дядя Миша, я помню, какъ вы меня на качеляхъ катали.

— Да, да.—Мишука поднялся съ трудомъ,—Вѣра Ходанская, какъ же, помню,—и вдругъ выпятивъ грудь, схватясь за усы.

Встрѣтивъ медвѣжи его зеленые глаза, покраснѣла Вѣра немного и, приподнявъ съ боковъ платье, присѣла, сказавъ:—завтра мнѣ девятнадцать лѣтъ, по-здравьте.

Рѣьевскіе старички оба вмѣстѣ засмѣялись, а Никита, приложивъ къ уху ладонь, спрашивалъ:

— А? Что она сказала?

— Завтра будемъ кататься на лодкахъ и въ саду зажгутся фонарики,—говорила Вѣра и сѣла на балюстраду, обнявъ некрашенный столбикъ.

— Вотъ, вѣдь,—сказалъ Мишука:—что я раньше не зналъ, я бы привелъ вамъ пони.

— Вы думаете, я такая бѣдная, дядя Петръ подарилъ мнѣ сегодня всѣхъ грачей въ саду, а тетя Оля—воробьевъ!

— Вѣрочка,—сказалъ Сергѣй, садясь рядомъ:—ты разспроси дядю Мишу, какъ онъ въ Петербургъ развѣдывалъ, всѣ три недѣли не выходя просидѣлъ въ гостилицѣ, и говорилъ: „нечего здѣсь смотрѣть“.

Сергѣй засмѣялся шумнымъ, какъ всегда, злымъ смѣхомъ, а Мишука нахмурился...

— Нѣтъ ужъ,—молвила Ольга Леонтьевна:—пусть не рассказываетъ...

— Нита, — Вѣра взяла Никиту за руку, — Сережа смѣется надъ дядей Мишей, нехорошо это, онъ злой, правда.—И прижалась щекой, къ его плечу, а Никита, уронивъ пенсне, заморгалъ, махая рукой:—не нужно, молъ, не смѣйтесь.

Мишука грузно захохоталъ, а Ольга Леонтьевна встала, сказала:

— Идемте пить чай.

Оставшись одинъ на балконѣ и, протирая платкомъ пенсне, стоялъ Никита у столбика и лицо его сдѣлалось печальнымъ и весь онъ — уютнымъ и огорченнымъ, въ чесучевомъ пиджакѣ и елѣтчатыхъ брюкахъ, аккуратно въ проборъ причесанный.

— Вѣрочка,—сказалъ онъ про себя, но довольно громко:—милая Вѣрочка.

— Нита, иди же въ столовую,—звала его Вѣра изъ залы, и, вернувшись, близко стала около, задумавшись.

— Мнѣ грустно, Нита, не знаешь, почему?

— А?

— Грустно мнѣ.

— Нѣтъ, Вѣрочка, не знаю...

— Девятнадцать лѣтъ, и вотъ уже старая дѣва. Она сорвала стручокъ акаціи:—сдѣлай свистульку...

—Сережа говорилъ вчера...

— Что?

— Что ты... у тебя много cashé.

— Ахъ.—Вѣра покраснѣла:—ты все выдумалъ.

— Ты очень любишь Сергѣя?...

— Конечно; я и тебя люблю...

Никита слабо пожалъ ей руку:—Сергѣй достоинъ тебя, въ немъ много жизни...

И, заглянувъ въ глаза, жалобно улыкнулся...

— Пойдемъ, Нита.

Вѣра взяла его подъ руку и, войдя въ столовую, сгорбилась, накинута на голову платочекъ и старушечьимъ голосомъ сказала:

— Матушка, барыня, угости страничку чайкомъ,

устала я, шедши отъ святыхъ угодниковъ...

Всѣ засмѣялись, аплодируя.

III.

Вдоль камышей подъ ветлами плавали лодки; въ передней сидѣли Вѣра, Сергѣй и Мишука, который гребъ, глубоко запуская весла, тяжелыя отъ запутавшихся водорослей и купавъ.

Глядя на смуглыя щеки дѣвушки и ловко поставленную на покатыхъ плечахъ шею, въ отложномъ воротникѣ легкаго платья, сопѣлъ Мишука, думая, что унижается изъ за дѣвченки.

— Жарко,—сказалъ онъ, и вытеръ усы.

— Дядя Миша, пустите меня на весла,—сказала Вѣра, вставъ, оперлась о Сергѣя и занесла ногу черезъ лавку, не стыдясь показать чулокъ и кружева широкихъ юбокъ.

— Модница вы, — сказалъ Мишука: — ажурные чулки надѣли.

— Развѣ это плохо? Пустите-ка меня...

— Упадешь, Вѣра, Вѣра,—закричали съ задней лодки двѣ родственницы.

Вѣра гребнула нѣсколько разъ и, поправивъ темные волосы, сказала:

— Нита насъ заждався въ бесѣдкѣ, а меня ужъ испекло... Нита!—закричала она звонко.

— Мы такъ никогда не приѣдемъ, Вѣра, гребни, не кокетничай,—сказалъ Сергѣй и снова сталъ перебирать струны мандолины, склоня горбоносое лицо свое на бокъ.

Глаза его, черные и хитрые, весело блеснули, шу-

рясь на воду, словно нарочно избѣгая Вѣры...

Вѣра-же, глядя на Мишуку, спросила:

— Дядя Миша, идетъ мнѣ платье?

Сергѣй громко разсмѣялся.

— Вѣра, тебѣ бѣлое платье очень, очень идетъ и сегодня ты прехорошенькая...

Вѣра вспыхнула, закусивъ губы, нахмурилась и загребла, брызгая веслами, а Мишука удивленно молчалъ.

Лодку ихъ перегнала другая, гдѣ на рулѣ сидѣла тетка Осоргина, одѣтая въ черное, въ красной шляпѣ, съ краснымъ бантомъ на груди, похожей на двѣ подушки, а гребли три ея дочки—Натушекъ, Шушу и Бебе, которыми она командовала, какъ собаченками.

Натушекъ, маленькая и толстая, отъ усталости украдкой всплакнула, не въ силахъ вывернуть изъ водорослей весла; у Шушу былъ длинный и красный носъ, а Бебе, черная и самая младшая, держалась, какъ англичанка, проглотившая аршинъ.

Перегоняя, дѣвчцы оглянулись на Вѣру, прошипѣвъ, а тетка Осоргина сказала груднымъ басомъ:

— Что же, новорожденная, пора намъ пить и ѣсть.

За мысомъ, среди густыхъ кустовъ, опрокинувшись четырьмя столбиками въ темновеленой водѣ, стала видна бесѣдка, съ острой крышей и трепаннымъ флагомъ; Никита сидѣлъ, облокотясь на рѣзные перила, привѣтствуя бѣлыми платкомъ подъѣзжающихъ...

Бесѣдку эту построилъ дѣдъ Рѣпьевъ, грустя о рано умершей супругѣ, и, когда галичкіе плотники срубили ее изъ любимыхъ покойницей деревьевъ, украсили рѣзнымъ кружевомъ, связали у входа березки вершинами и поставили гипсового купидона, сломавшаго лукъ,

вошелъ дѣдъ Рѣшевъ осенью въ бесѣдку и провелъ тамъ въ одиночествѣ весь вечеръ и ночь, глядя на туманъ въ комышахъ, и, шепча имя усопшей подруги, вырѣзалъ на столбикѣ стихи:

Подруга милая, увя,
Все въ жизни нашей быстротечно;
Я уйду туда, гдѣ въ
Жизнеи тихо и безвѣчно...

И занемогъ въ тотъ же день; не желая никого видѣть, съ утра уходилъ въ бесѣдку и умеръ тамъ, лежа лицомъ въ рукахъ; иные говорили, что утонулъ...

Вѣра за хозяйку сѣла на концѣ стола, и синія чашки на свѣжой скатерти, и хрусталь, и самоваръ, и узкія руки дѣвушки, на которыя не отрываясь глядѣлъ Мишука, были свѣжими и душистыми, какъ разливаемый чай.

— По двѣ чашки съ молокомъ, кусокъ хлѣба и масло,—приказала тетка Осоргина дочерямъ, посадивъ ихъ по бокамъ себя.

Двѣ родственницы, умилая Вѣринимъ платьемъ, говорили, пробуя добротность:

— Вотъ вѣдь, кому Богъ дастъ, такъ ужъ отвалить...

— Дядя Миша, почему все молчите?—спрашивала Вѣра...

— Смотрю на васъ...

— Дядя Миша усталъ, возя насъ по пруду... пойдемъ купаться,—приставалъ къ нему Сергѣй.

— Вечеромъ въ воду не хожу...

— Неужели, глядя на ночь, въ воду полѣзете?—молвили родственницы, а тетка Осоргина отрѣзала:

— Только уходите за мысь, при дочеряхъ оголяться не позволю...

Вѣра, перегнувшись къ Сергѣю, прошептала:

— Ты меня обидѣлъ на лодкѣ два раза, попроси прощенья...

— Твои губы такъ близко, что поцѣлую,—отвѣтилъ Сергѣй тоже шопотомъ.

— Что? что?—любопытствуя нагнулся къ нимъ Никита, а Мишука сказалъ:—шепчутся, неприлично...

Щеки у Вѣры такъ покраснѣлись, что она отерла ихъ платочкомъ и вдругъ воскликнула.

— Фонарикъ, вонъ первый фонарикъ зажгли, идемте танцевать...

Сергѣй заигралъ на мандолинѣ, всѣ встали и, тѣнясь на мосткахъ, пошли къ дому.

Въ вѣтвяхъ липовой аллеи горѣли красные, желтые и зеленые фонарики; скрипачъ татаринъ, сидя на дерновой скамѣ, игралъ дикую, степную пѣсню, глядя печальными глазами передъ собой, дѣвушки стояли въ кумачевыхъ сарафанахъ подъ деревьями, шушукаясь и махая руками на парней, которые изъ вѣжливости пришли безъ сапогъ—въ чулкахъ...

— Ну-ка, дѣвки, спляшите, и мы потопчемся,—зубоскалили парни...

— Да шутъ его знаетъ, какъ играть то гололобый нескладно, дудки принесли бы или гармонь...

На стульяхъ поодаль сидѣли Ольга Леонтьевна съ братомъ, Осоргина съ дочерями и двѣ неумлыбающіяся родственницы; одна изъ нихъ, на примѣръ, крупитчатая по званью дѣлается, живя одинешенька на хуторкѣ, занесенномъ сугробами, у другой разбойника сына...

Все ждали молодежь, убѣжавшую костюмироваться и съ ними, къ удивленію Ольги Леонтьевны, увязался и Мишука.

— Охъ, не нравится мнѣ это,—шептала она брату...

Въ кустахъ посыпались искры, зашипѣла, разрывая листву, ракета, провела въ ночномъ небѣ красный шнуръ и, ухнувъ, разсыпалась огнями...

Деревенскія дѣвушки дождались, когда она разорвется, шарахнулись и завизжали; а Ольга Леонтьевна сказала:

— Ахъ, какъ красиво, Сережа, еще одну пусти.

Выбѣжала изъ темноты амлеи и сдѣлала реверансъ Вѣра, въ томъ же платьѣ, поверхъ котораго накинула турецкую шаль и на голову надѣла газовый прабабкинъ чепецъ...

— Она хороша,—сказала Осоргина басомъ, посмотрѣвъ сверху внизъ на дочерей.

За Вѣрой шелъ, одѣтый кучеромъ Никита, поправляя пенсы, и Мишука, въ намотанной поверхъ поддевки простынѣ, бумажный колпакъ онъ держалъ въ рукѣхъ, недоумѣвая.

— Танцовать, танцовать,—сказала Вѣра и закружилась, схвативъ Никиту, а Мишука топтался, какъ гусь. Поднялась еще ракета, разсыпался искрами буракъ, и вдругъ на народъ выскочилъ изъ кустовъ чортъ, въ овчинѣ, измазанный сажей. Схвативъ отчаянно визжавшую дѣвушку, въ зеленомъ сарафанѣ съ длинной косою, сталъ вертѣть ее чортъ, которымъ былъ одѣтъ Сергѣй.

Вверху загорѣлся фонарикъ и упалъ...

Вѣра, обмахиваясь вѣеромъ, глядѣла пристально на прыгавшаго Сергѣя, не слушая, что гудѣлъ надъ

ухомъ ея Мишука; потомъ подошла къ дѣвушкѣ, взяла ее за лицо, заглянула и поцѣловала въ длинные влажные ея глаза, сказавъ:

— Сережа, какая красавица...

— Барышня Васенку то поцѣловала,—ахнули дѣвушки; Ольга Леонтьевна строго позвала:— Вѣра; а барышни Осоргины зашипѣли, какъ эмѣнное гнѣздо:— фу, фу, какъ неприлично...

Принесли квась въ хрустальномъ графинѣ и жамки для угощенія. Ольга Леонтьевна поднялась и пошла съ гостями въ домъ, а Вѣра вдругъ сказала:

— Идемте, дядя Миша!

Взяла его подъ руку и они пошли по влажной травѣ поляны къ заросшему трельяжу.

— Такъ душно подъ липами, и деревенскія дѣвушки надоѣли...—продолжала она, садясь на скамью, и облокотилась о плечо Мишуки, а потомъ вздохнула:

— Ахъ, дядя Миша,

— Вѣра.

— Что?

— Ты, вѣдь, сирота?

— Сирота, дядя Миша...

Мишука разглядывалъ ея блѣдный въ лунномъ свѣтѣ профиль и придвигался все ближе, старался не громко дышать.

— Вамъ бы въ губерніи значеніе приобрести нужно.

— Нужно, дядя Миша,—протянула Вѣра, закрывая глаза...

— Вы любите меня?..

— Люблю, дядя Миша...

Мишука осторожно протянулъ руку и вдругъ, за-

хвативъ Вѣру, вытянулъ лицо, зарылся усами въ ея тихій ротъ, мыча:

— Поѣдемъ ко мнѣ, ко мнѣ ѣдемъ, брось ихъ, обѣнчаемся... женой будешь...

Ахнувъ, вытянула Вѣра руки, испарала Мишукѣ лицо, освободилась, покинувъ шаль и чепецъ, пробѣжала по травѣ до середины луга и, сжавъ грудь, вскрикнула, задыхаясь:

— Вы съ ума сошли... что теперь будетъ...

Мишука подошелъ, дико на нее глядя:

— Ъдемъ ко мнѣ; понимаешь, кто я?..

— Вы пьяны... вы знаете, кто... я васъ ударю...

Изъ-за трельяжа показался Никита, дѣлая видъ, что попалъ сюда случайно.

— Ахъ, Нита,—сказала Вѣра, подбѣжавъ и беря его подъ руку:—что, уже пошли ужинать?... доведи меня до комнаты...

Мишука стоялъ посреди поляны, бросая на траву длинную тѣнь; а, отойдя къ дому, сказалъ Никита, заикаясь:

— Я все видѣлъ и слышалъ, Вѣрочка.

Рука Вѣры стала тяжелой, и задрожали колѣни...

— Что дѣлать, онъ съ ума сошелъ, не говори Сергѣю.

IV.

Ушли деревенскія дѣвушки, смѣясь и крича изда-лека—то парни, должно быть въ темнотѣ, пощипывали ихъ, толкали къ водѣ, а тѣ, хватаясь за подружекъ, возмись, разгоряченныя и душистыя, какъ спѣлыя плоды.

Только нѣсколько ихъ осталось въ липовой аллеѣ,

гдѣ, догорая, тлѣли фонарики, и Сергѣй, положивъ испачканную сажей голову на колѣни Васенкѣ, рассказывалъ страшнымъ голосомъ исторію, а она глядела его по волосамъ, заботливо наклоняясь.

— Сидить это ночью дѣдъ въ бесѣдкѣ,—шептали Сергѣй,—а изъ камыша по водѣ выходитъ мертвая бабушка...

— Васень, это ты меня толкнула?—спрашиваетъ шпотомъ одна изъ подругъ...

— Ей-Богу нѣтъ... А что?

— Перестаньте,—перебиваетъ Сергѣй,—слушайте... Вышла и выглядываетъ по берегу... Дѣда страхъ взялъ; прижался онъ къ бесѣдкѣ, а глаза блестятъ... Бабушка засмѣялась и укавала пальцемъ на его глаза... Дѣдъ самъ не свой поднялся, снялъ сапоги и кафтанъ, не перекрестясь, сошелъ по лѣсенкѣ, бросился въ прудъ, поплылъ. А бабушка скользятъ отъ него, встала надъ омутомъ, манить, заманила; обняла и ушла съ нимъ подъ воду...

Дѣвушки со страха полегли другъ на друга и, когда, внезапно подойдя, позвалъ Никита:—Сергѣй?...— вскрикнули, закрываясь руками...

— Что ты, Нита?—недовольно спросилъ Сергѣй,—и послѣ приду...

— Нѣтъ, сейчасъ, случилась очень непрятная исторія.

— Опять исторія?

Сергѣй неохотно поднялся и, перепрыгнувъ черезъ дѣвушкамъ, пошелъ съ Никитой къ пруду.

— Ахъ вотъ что?—молвилъ онъ, узнавъ по дорогѣ обо всемъ:—ай да Намымовъ! Знаешь, его надо проучить. Гдѣ онъ сейчасъ?

— Въ бесѣдѣ. Сначала подошелъ къ Вѣрочкиному окну и крикнулъ, что будетъ ждать; кажется, увѣренъ, что она придетъ...

Никита, рассказывая, задыхался немного и, сжимая Серезжину руку, наткнулся на кусты.

Надъ прудомъ стоялъ мѣсяцъ, серебрились листья и въ колдовской тишинѣ росли деревья.

Мишука, сидя въ бесѣдѣ, думалъ, что стариковъ Рѣльевскихъ ни капельки не боится, а все-таки было скверно на душѣ.

— Сдашься,—повторялъ онъ,—моли Бога, что же- нюсь на тебѣ; приемышь, а тоже спѣсивая... Завелись около два кобеля, и хвостомъ завертѣла... Пусть только Серезжа или Никитка сунутся—вотъ этимъ угощу...

Мишука мрачно осмотрѣлъ волосатый свой кулакъ и обернулся на приближающиеся шаги... Подходили братья Рѣльевы, и онъ отвернулся, чуя недоброе...

— Что все это значитъ?—нахальнымъ тономъ спросилъ Сергѣй, становясь около; позади Никита, приложивъ ладонь къ уху, внимательно слушалъ.

— Что тебѣ нужно?

— Я спрашиваю, какъ объяснить вашу наглость съ Вѣрой Ходанской?

Никита сочувственно закивалъ:—такъ, такъ.

— Убирайся къ чорту...

— Ахъ, вотъ какъ, тогда мы должны стрѣляться.

— Что?—Мишука привсталъ, но тотчасъ же схватился за щеку, рѣзко по которой ударилъ его Сергѣй, отскочивъ на мостки; какъ слѣпой полѣвъ было драться, но, задѣвъ за столъ, грузно сѣлъ на скамейку...

— Ну, ну,—сказалъ Мишука.

Братья послѣшно ушли и дорогой, цѣлуя Сергѣя въ плечо, шептавъ Никита:—ты герой, герой...

— Здорово я его напугалъ,—весело спрашивалъ Сергѣй,—а онъ не удержитъ?

— Все равно... А ты не переодѣнешься? Такъ въ шкурѣ и мазаный будешь стрѣляться?—смѣялся Никита, дрожа и хватаясь за брата.

Взявъ дуэльный ящикъ и полотенце, вернулись они къ пруду, но въ бесѣдѣ не было никого, и на окликъ:—господинъ Налымовъ, Михаилъ Ивановичъ, Мишка!—откликнулася лишь жалобно филинъ, летая надъ сырою травой.

— Вотъ тебѣ разъ,—сказалъ Сергѣй,—удралъ... ну, поугаежь его,—и, зарядивъ пистолеты, выстрѣлили два раза, прислушиваясь къ ночному эху, и вдрогнуль отъ крика вблизи.

— Это Вѣра,—прошептавъ онъ...

За кустами на полянѣ, недалеко отъ нихъ, отъ волненія не въ силахъ молвить, стояла Вѣра, хватая руками воздухъ, какъ бы не въ силахъ вздохнуть...

Увидавъ братьевъ, побѣжала, наклонилась къ рукамъ Сергѣя и, быстро цѣлуя, молвила:

— Прости меня, братецъ.

— Господь съ тобой, сестренка,—и, поднявъ ея лицо, увидѣлъ Сергѣй любящія глаза, полныя слезъ, и чувствуя, что Вѣра сейчасъ прижметъ къ нему, легко отстранилъ ее рукой, сказавъ:—все глупости, не говори только никому ни словечка, не волнуйся,—и ушелъ, засвиставъ маршь...

— Серезжа!—вскрикнула Вѣра, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ...

— Вѣрочка, онъ, я думаю, умываться пошелъ, — сказалъ Никита, — пойдемъ и мы...

— Я гадка, противная...

— Слушай, я увѣренъ, Сережа тебя любитъ...

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Я то очень люблю...

— Братикъ, — Вѣра прижалась къ его, плечу — не думай объ этомъ... Смотри, я опять веселая... Неприятно, что такъ нехорошо кончился мой праздникъ...

Въ то же время Мишука, черезъ кусты и канавы по мокрой травѣ, шелъ кругомъ сада, останавливаясь по временамъ, и въ страхъ глядѣлъ назадъ.

Услышавъ же далекіе у пруда голоса, присѣлъ въ тѣнь, увѣренный, что сейчасъ начнутъ его искать съ собаками...

— А фронтъ, фронтъ, — повторялъ онъ, — ухъ, прониеси, Пресвятая Богородица...

Когда два раза подрядъ выстрѣлили, обмеръ; но, увѣрясь, что враги далеко, разозлился совершенно и, вскочивъ, зашагалъ по полянѣ, гдѣ на берегу стояла, опустивъ голову, стреноженная лошадь.

— Ага, ты вотъ чья, — выставивъ челюсть, сказалъ Мишука; подбѣжалъ, закрутилъ лошади хвостъ и толкнулъ ее съ берега въ воду...

Ощеривъ зубы, поплыла она, фыркая, къ тростнику; Мишукіно сердце немного отлегло. Мысли прояснились и, ударивъ себя по лбу, онъ сказалъ:

— Отниму лѣсъ; довольно вамъ спускать, выдумали тоже, что межа черезъ Червивую Балку пошла, врешь, межа отъ Черемашни до Собачьяго Лога... Вотъ вамъ и рѣвевскій лѣсъ — кукишъ!..

V.

— Три раза въ годъ въ Москву ѣдимъ, — грязя соломинку, говорилъ налымовскій кучеръ, животомъ лежа на травѣ около конюшни, — есть у насъ такая тамъ Софья Ивановна — барышенъ поставляетъ; намерись всучила Телипатру; ну и дѣвка, черная, какъ головня, и люта... Прибыла это она къ намъ на хуторъ — всѣ пожитки другихъ барышенъ на дворъ выкинула... Побѣжали барышни въ рубашкахъ подбирать, вотъ-то мы съ бариномъ со смѣху надорвались... Откуда только шустрая такая — дивно...

— Татаринъ, прости Господи, баринъ твой, — нараспѣвъ сказала, сѣдя на колѣняхъ у садовника, скотница.

— Съ жиру, — молвилъ садовникъ, — ну ты, малый, что-жъ пересталъ? — обратился онъ къ мальчику, державшему двѣ тростяныя дудки, вправленные въ бычачій рогъ, — любитель я по ночамъ дудки слушать...

Мальчикъ заигралъ; топали на конюшнѣ кони, и тѣнь отъ крыши густо лежала на сизой подъ мѣсяцемъ травѣ.

— Имянины были у насъ, — продолжалъ налымовскій кучеръ: — два дня гостей помли, а на третій, которыхъ поплоче, носили на ледникъ опаматоваться. И что же баринъ нашъ выдумалъ — повелъ гостей къ барышнямъ, а самъ говорить мнѣ — бѣги, принеси съ пасѣки колоду... Колоду мы просунули въ окно, а пчелы, извѣстно, грѣха человѣчьяго не любятъ, и принялись барышенъ да гостей какъ огнемъ жечь... Смѣхота.

— Да, — сказали садовникъ, — не нравится мнѣ; это вотъ у насъ господи тихіе.

— Мелкопомѣстные.

— Что-жь, а правильные; а ты бы молчалъ, чѣмъ барина срамить—холопъ.

Отвѣтить хотѣлъ было налымовскій кучеръ, но, види подходящаго Мишуку, всталъ поспѣшно и снялъ картузъ...

— Запрягать,—крикнулъ ему Мишука, и обернулся къ сидящимъ,—что расѣлиси, знаете, съ кѣмъ разговариваете? Маршъ!

Мальчикъ ушелъ въ каретникъ, а скотница спрягалась за спину садовника, который спокойно свертывалъ табакъ.

— Ты что, гадъ! — подступилъ къ нему Мишука.

— Гадъ, да не вашъ, — отвѣтилъ садовникъ, освѣтивъ сѣрничкомъ зубы и черную свою бороду.

— Что? а этого хочешь?

— Не трогай, баринъ, лихо будетъ...

Чуя бѣду, скользнула скотница вдоль стѣны, но ее остановилъ Мишука:

— Эй, баба, поди сюда... Кто ты таковая?

— Скотница я...

— Вотъ тебѣ, дура, три рубля, отрѣжь соски у коровъ, дамъ еще столько же, потомъ...

— Ахъ, батюшки, что вы; виданное ли дѣло у коровъ соски рѣзать...

— Ну, на еще два рубля...

— Возьмите ваши деньги, грѣхъ какой.

Лошадей подали, Мишука плюнулъ на Рѣпьевскую землю и уѣхалъ, позвонивъ колокольцомъ.

— Ну, хахалъ,—сказалъ садовникъ... и добавилъ, спустя время,—благодатная сегодня ночь.

Въ рѣпьевскомъ дому полегли гости спать на перинахъ и сѣнникахъ, только у Петра Леонтьевича теплился въ окнѣ свѣтъ.

Каждый вечеръ заходилъ онъ къ сестрѣ проститься, заставляя Ольгу Леонтьеву то за расходными книгами, то читающую въ постели листокъ отрывного календаря, раздумывая, кто это такъ хорошо въ календаряхъ сочиняетъ, не иначе, какъ старецъ мудрой и высокой жизни...

Всегда, оставаясь одна, придумывала она что-либо пріятное и видѣла интересные сны: то пещеру съ ангелочками, то ситцевый пологъ надъ пахотнымъ полемъ, чтобы градъ не побилъ ржи.

Пощеломать руку и давъ свою для лобзанія, перекрестилъ Петръ Леонтьевичъ сестру и сказавъ:—помогилась бы на сонъ грядущій,—вошелъ къ себѣ, тихо притворивъ дверь, и вдругъ увидѣлъ на бѣлой печкѣ таракана.

Осторожно снявъ сапоги, влѣзъ Петръ Леонтьевичъ на лежанку и, покрутивъ пальцемъ по шугатуркѣ, сталъ гада заговаривать; тараканъ удивился, шевеля усамы, поползалъ и ушалъ.

Петръ Леонтьевичъ хитро улыбнулся.

— Кто это выстрѣлялъ?—подумалъ онъ, становясь на молитву,—опять деревенскіе пошми по уткамъ, вотъ я задамъ.—И сталъ слушать.

Окно съ желѣзной сѣткой выходило въ садъ, никогда не затворяясь—свѣжій воздухъ любилъ Петръ Леонтьевичъ лѣтомъ, а зимою тепло и хорошую баню... Парясь до седьмого пота, выскакивалъ онъ на свѣтъ, катался и поддавалъ еще квасомъ, чтобы былъ легче

парь, а послѣ, надѣвъ бѣлый кафтанъ и полотенце на голову, пилъ чай.

Тихо стало послѣ выстрѣла, а потомъ приблизились голоса Вѣры и Никиты.

— Милый, голубчикъ, я не люблю тебя, Нита, что миѣ дѣлать, скажи?

— Конечно, какой я тебѣ мужъ.

— Не думай о сегодняшнемъ, покойной ночи, Нита.

И Вѣра, хлопнувъ балконной дверью, вошла въ домъ.

— Вотъ оно что,—сказалъ Петръ Леонтьевичъ и, подмигнувъ, слушалъ черезъ стѣну, какъ Вѣра сѣла на кровать и, сначала сдерживаясь, все громче плакала; Петръ Леонтьевичъ накинулъ кафтанъ и постучался къ дѣвущкѣ...

— Ну вотъ ты и плачешь,—сказалъ онъ, садясь на стулъ и топая ногой...

— Дядя, уйдите...

— Ни за что; ну ка, кто тебя обидѣлъ?

— Ужасно, Сережа дрался на дуэли съ Нальмовымъ.

— А я думалъ, это за утками; что же, поугали другъ друга? Вотъ шалуны.

— Сережа меня презираетъ.

— А ты любишь его, крошка?

— Да.

Петръ Леонтьевичъ погладилъ Вѣру по головѣ:— зачѣмъ же дѣло стало, взяли и поженились.

— Ахъ, дядя, вы ничего не знаете...

— Это мы увидимъ; я буду твой свать, скажу Се-

режкѣ:—ты гость богатый, а у насъ товаръ, купить его—золота не хватитъ; что, дѣвочка, испугалась!..

— Бога ради, не говорите съ нимъ.

— Ложись спать, глаза то всѣ проплакала.

И долго еще, кладя у себя передъ темнымъ кѣлотомъ поклонъ, улыбался, между привычныхъ словъ молитвы, въ густую бороду Петръ Леонтьевичъ, самъ не замѣчая того.

VI.

Съ подвязаннымъ колокольчикомъ прѣхавъ на востокъ солнца домой, оставивъ Мишука лошадей у конюшни и, накричавъ на работниковъ, еще мирно спавшихъ подъ прохладными навѣсами, побѣжалъ къ барышнямъ въ мезонинъ, увѣренный, что застанетъ врасплохъ у нихъ приказчика или конюха Яшку.

— Попались, твари,—скрипя зубами, говорилъ онъ и, войдя по винтовой лѣстницѣ, ударилъ ногой дверь.

Въ душной спальнѣ, сумеречной отъ розовыхъ шторъ. Фимка и Бронька подняли взлохмаченныя свои головы съ одной постели и, увидавъ грозно оглядывающагося барина, быстро нырнули подъ одеяло.

— Вставать!—крикнулъ Мишука.

Толстая Марья, забормотавъ спросонокъ, потянулась такъ, что выворотилась вся и, взглянувъ, испуганно прихлопнула рукой ротъ... Дуня повернулась голой спиной и русая коса ея упала на коврикъ. Клеопатра, закинувъ острые локти, спала, строго закрывъ глаза.

— Эй,—сказалъ Мишука въ дверяхъ стоящему казачку въ черномъ сюртукѣ не по росту,—балыкъ, икры и водки.

Фимка и Бронька стали поспѣшно одѣваться...

— Не надо, останься въ рубашкахъ, — сказала Мишука и потянулъ Клеопатру за локоть, — продери глаза, грачиха.

Снявъ кафтанъ, сѣлъ онъ въ чесучевой рубахѣ за столъ, ѣлъ и пилъ, поглядывая, какъ Марья, разинувъ ротъ, слѣдитъ глазами куски балыка, Фимка и Бронька вродѣ двухъ цыплятъ, стоятъ, переминаясь у печки, а Клеопатра, положивъ ногу на ногу и обдернувъ рубашку, курить, пуская дымъ черезъ носъ, и вдругъ засмѣялся, тряса животомъ столъ...

— Что, цыпочка, — сказала, подбѣгая, Дуня и сѣла ему на колѣни, ласкаясь... — Какъ мнѣ спать хотѣлось, а увидѣла тебя, такъ сонъ отъ радости и прошелъ.

— Эхъ, ты подлиза, — скрививъ отъ злости ротъ, прошипѣла Клеопатра, а Мишука, захлебываясь отъ смѣха, молвилъ: — какъ я... какъ я... ихъ съ лѣсомъ то околпачилъ... вотъ тебѣ и... Червивая балка...

Изъ вѣжливости Фимка и Бронька тоже посмѣялись, сдѣлавъ куриные рты, и вытерлись, а Мишука всталъ, наконецъ, изъ-за стола, сладко потягиваясь.

— На мою постель ляжете? — заглядывая въ глаза, говорила Дуня, а Клеопатра дернула плечомъ: — съ эдакимъ чортомъ — лучше повѣситесь...

Окончательно развеселившись, схватилъ Мишука Фимку и Броньку, стукая ихъ другъ объ дружку и оттолкнувъ, хватилъ Марью по спинѣ такъ, что та, ахнувъ, присѣла...

— Ничего, — сказалъ Мишука, для этого тебя и держу, корова...

Затѣмъ началась возня и всевозможныя игры; Мишука барахтался, хохоча, подъ навалившимися кучей

на него дѣвушками, и половицы тряслись такъ, что звенѣла хрустальными подвѣсками люстра, внизу, въ пустой залѣ.

Клеопатра стояла у окна, злая и сутулая, но, настойчиво позванная Мишукой, кинулась и принялась ногтями царапать дѣвушекъ, дергать съ силой за волосы, кусать...

— Оставь, оставь, — смѣялся довольный Мишука, и притянулъ Клеопатру, тиская для усмиренія со всей силой.

Дѣвушка перегнулась, упала на коверъ, на губахъ ея выступила пѣна...

— Унесите, — сказалъ Мишука, — водой отлить...

Марья, Фимка и Бронька понесли дѣвушку въ соседнюю комнату, а Мишука, отирая полотенцемъ потъ, легъ спать.

Вечеромъ надвинулась гроза; за балконной дверью шумѣлъ дождь и открывалось синеватымъ свѣтомъ небо; деревья сада направо чернѣли четко, а съ лѣвой стороны словно отдѣлялись отъ земли и, слѣпительно освѣщенные, отодвигались вглубь.

Мишука, сидя на жесткомъ диванѣ, слушалъ шумъ вѣтра, подложивъ ладонь подъ острую морду борзой суки, бѣлой какъ снѣгъ и по имени Снѣжка.

Взглядывая выпуклыми своими глазами на хозяина, опускала собака вѣки и вдрагивала при ударахъ грома, обернувъ голову къ окнамъ, тихо скулила.

Стучали на очагѣ часы съ мраморными колонками; пахло влажными листьями и Мишука думалъ о заключеніяхъ вчерашняго дня.

— Нищая, дѣвченка, Бога должна молить, что хотѣлъ жениться; обивай теперь юбки около меня, по-

лучше тебя найдемъ... Я не какой-нибудь мальчишка Рѣпьевскій...

Только теперь додумался онъ тяжелымъ своимъ умомъ до вчерашняго афронта и, крѣпче сердясь, искалъ случая къ чему-нибудь придратъся.

— Не уважать меня, Налымова; что хочу, то и сдѣлаю... губернію переверну...— и онъ глядѣлъ на темные портреты напротивъ, чьи рамы мерцали тусклымъ золотомъ въ свѣтѣ грозы; собака, прислушиваясь, подняла голову, Мишука ее погладилъ; а въ пріотворенныя двери съ дальней веранды сталъ слышеть, въ промежуткахъ между раскатами грома, шопотъ:

— Яшенька, останься со мной, баринъ давно спать полегъ...

— Не по душѣ ты мнѣ, Телипатра, черна очень...

— Неужели тѣ то лучше меня...

— Не лучше.

— Яша!—Клеопатра помолчала,—у меня деньги въ Москвѣ лежать...

— Яшенька,—громко крикнула сверху Дуня:— Яша!

— Вотъ какъ!—сказалъ Мишука, сбросивъ собаку съ дивана,—эй, казачекъ!—и ударилъ въ ладоши...

...Наверху суетились дѣвушки, дрожа отъ страха и холода, такъ какъ Мишука приказалъ открыть окно и дождь хлесталъ въ потемкахъ на продрогнувшія спины и руки, завязывающія узлы съ пожитками...

У крыльца ходили мужики съ фонаремъ и на облучкѣ телѣги, запряженной клячей, сидѣлъ, накрывшись попоной, Яшка, мокрый, побитый и получившій расчетъ.

— Сяди ихъ, подсаживай!—говорилъ Мишука, вы-

ходя на крыльцо, и отъ удовольствія потиралъ бока,—узлы-то, краденое то кидай...

Дѣвушки, всхлипывая, кутались въ платки, сходили по лѣстницѣ на дождь и скользили.

— Ты денечки мои отдай,—остановилась Клеопатра передъ Мишукой.

— Ну, пошла, спроси у Якова.

— Нѣтъ, ты мнѣ давай, эй, дѣвушки, что замолчали.

Дуня обернулась, сидя въ телѣгѣ:

— Да, мода какая, барышень въ дождь прогонять...

— Не уѣду безъ денегъ,—кричала Клеопатра.

— А кнута хочешь?

— Ударь...

Мишука лѣниво хлестнулъ Клеопатру, съ воемъ, сбѣжавшую внизъ; чьи-то руки подсадили ее, и телѣга тронулась...

Мишука вошелъ въ домъ, громко смѣясь веселой выдумкѣ и вспоминая отомщенный за всѣ обиды...

А работники, уходя съ фонаремъ отъ крыльца, увидѣли въ свѣтѣ грозы, какъ съ увѣжавшей телѣги прыгнула худая женщина, путаясь въ мокрыхъ юбкахъ; побѣжала къ освѣщеннымъ окнамъ; поскользнулась на дорогѣ и, взмахнувъ руками, упала въ грязь...

— Видишь ты, привычная какая къ дому,—сказали работники, удивясь.

VII.

Петръ Леонтьевичъ, войдя въ комнату мальчиговъ, которая называлась такъ по старой памяти, и, никого не найдя, взялъ со стола рѣзную рамку, качая головой

неодобрительно, потому что великій былъ мастеръ Петръ Леонтьевичъ выпиливать изъ дерева и мѣди, въ долгіе и скучные вечера.

Комната была, какъ и всё, высокая и оштукатуренная, но на двухъ стѣнахъ висѣли распластанныя крылья копчиковъ, утокъ, пестраго дятла и воронъ, измятыя и пропыленные насквозь.

Лѣтъ десять назадъ, когда Сергѣй надумалъ охотиться, отовсюду, пугая обитателей Рѣльевки, громыхали его выстрѣлы; въ саду, хлопая крыльями, утопали подстрѣленные грачи, а изъ уютныхъ уголковъ доносился такой запахъ, что Ольга Леонтьевна перестала ходить въ садъ...

Но дурной запахъ однажды пробрался въ домъ и прислуга, отыскивая повсюду, гдѣ гниетъ, добралась до комнаты мальчишковъ.

Въ голову ударило всёхъ, когда отворили дверь, то воняли на стѣнѣ срѣзанныя и прибитыя крылья—славные трофеи.

Все приказано было выбросить, но Сергѣй, снова собравъ, посыпалъ крылья какимъ-то порошкомъ и прибилъ опять.

Случай этотъ много лѣтъ рассказывали со смѣхомъ родственникамъ, пріѣзжавшимъ посумерничать, и Петръ Леонтьевичъ велъ всёхъ въ комнату мальчишковъ, держа высоко свѣчу, отчего, казалось, ползали безглавыя, косматыя вороны по голой стѣнѣ.

Отложивъ рѣзную полочку, Петръ Леонтьевичъ сталъ смотрѣть на крылья, понемногу вспоминая прошлые годы, когда въ непроданномъ еще имѣньи—Коровино-Эрмитажъ—тожь—рѣзались на покатои къ рѣкѣ лужайкѣ Сережа и Никита, среди чудесныхъ розъ, а на

балконѣ, обвитомъ плющемъ, стучали посудой милые гости.

Бывало отецъ Мишуки, старый Нальмовъ, въ холщевой поддевкѣ, подшучивалъ надъ дамами, кушая грушу съ нюхательнымъ табакомъ.

Хозяйка дома, милая Машенька, всегда въ бѣломъ капотѣ, улыбалась, слушая гостей, и смотрѣла на изображеніе свое въ самоварѣ, такое ангельское до болѣзни, а Ольга, красивая, веселая и загадочная, пріѣзжала въ синей амазонкѣ; снявъ высокую перчатку, давала цѣловать узкую свою руку, которой многие добивались, жестоко страдая, но не получивъ никто.

Петръ Леонтьевичъ cadaго трепалъ по колѣнкѣ, улыбаясь; а потомъ велъ осматривать образцовыя коношни, куда лошадей еще никакъ не могъ собраться купить, или строящуюся фабрику раковыхъ шеекъ. Двѣ предыдущія—суконый заводъ, съ запасомъ на много лѣтъ шерсти, сгорѣлъ наканунѣ страховки, а табачная фабрика, устроенная въ помѣщеніи домашняго театра, гдѣ на сценѣ щипали табакъ выписанныя спеціально изъ Курляндіи нѣмки, въ крахмальныхъ чепцахъ, не пошла по неизвѣстной причинѣ.

Но за то третья должна была покрыть всё убытки: въ рѣкѣ Чермашнѣ и озерахъ водилось столько рака, матерого и вкуснаго, что рвались бредни, и деревенскіе мальчишки, купающіеся, бывали нерѣдко кусаны за животики и другія мѣста.

Раковый заводъ ловить раковъ или покупаетъ по три копейки за ведро, варить изъ нихъ черепаховый супъ и въ красивыхъ горшочкахъ отправляетъ за границу.

Гость удивлялся почти оконченной постройкѣ, даже

флагъ на которой уже вѣялъ по вѣтру, а у входа два каменные рака поднимали клешни; но и это сорвалось: чума пришла особаго рода и въ Чермашнѣ, въ озерахъ, даже въ самой Волгѣ вылѣзли раки на берегъ и, корчась, всѣ вымерли...

Это было почти разореніемъ...

Тогда Петръ Леонтьевичъ построилъ конный утюгъ, чтобы влекомый по снѣгу, раскаленными желѣзными боксами расчищать зимнія дороги.

Крестьяне издалека съѣзжались посмотрѣть, какъ въ облакахъ пара и дыма ѣхала машина, растапливая снѣгу; но первый, вылетѣвъ на бѣговыхъ санкахъ на новую дорогу, раскатился Петръ Леонтьевичъ на зеркальномъ льду, упалъ и сломалъ ногу...

Утюгъ велѣлъ поставить въ сарай и не изобрѣталъ больше ничего, такъ какъ Коровино—Эрмитажъ тоже—пошло съ торговъ, и съ мальчиками переѣхалъ Петръ Леонтьевичъ къ сестрѣ—доживать тихіе дни, выпиливая по дереву и мѣди.

Мечтая, Рѣшневъ не услышалъ подошедшаго саади Сергѣя.

— Ты ко мнѣ, папа?

— Да, да!

Вставъ, Петръ Леонтьевичъ взялъ сына повыше локтя, тряся головой:—притвори-ка дверь, я по дѣлу...

И, поглядѣвъ нѣкоторое время въ глаза, спросилъ шепотомъ:

— Ты, Сережа, любишь способенъ?

— Да, папа, очень.

— Ну, а того человѣка... смотри, никому пока ни слова; ахъ, Сережа, какой это человѣкъ. Знаешь, ты

прямо-таки недостоевъ его; у тебя легкомысленные глаза.

— Легкомысліе иногда полезно.

— Это какъ такъ?

— Хотя бы ты, папочка; наша хроника обогатилась многими, благодаря тебѣ...

— Ахъ, Сережа, ты все меня сбиваешь, я возьму и позабуду, зачѣмъ пришелъ.

— Ты хотѣлъ спросить, люблю ли я Вѣру?

— Погоди; дѣвушка, о которой я говорю, дѣвушка не просила быть меня сватомъ, я самъ, видя, что у васъ ничего не налаживается, пришелъ и говорю:— у тебя легкомысленные и негодные глаза... Я веду разговоръ о Вѣрѣ, необходимо, чтобы ты женился.

Сергѣй, заложивъ руки въ карманы, прошелся по комнатѣ, а слѣдя за нимъ глазами, Петръ Леонтьевичъ сказалъ таинственно:

— Ты стрѣлялся изъ-за Вѣры съ Налымовымъ, я все знаю и хочу облегчить твое признаніе, самъ посватавшись...

— Папа, прости, но я не могу.

— Не можешь?

— Я очень люблю Вѣру; но этого сдѣлать не въ силахъ... На что будемъ жить? Зависѣтъ отъ тети Оли? Я долженъ быть свободенъ. Я осенью уѣзжаю въ Трансвааль.

— Трансвааль?

— Какъ инженеръ, поступлю на золотые пріиски, тамъ непочатый край; только наши дѣлтяги сидятъ въ провинціальныхъ городишкахъ на сторублевомъ жалованіи; а тамъ работа подъ африканскимъ солнцемъ и дождь золота... А?

Сергѣй, волнуясь, бѣгалъ, взмахивалъ руками, говорилъ, и блестя выпуклые армянскіе его глаза...

Увлекся и Петръ Леонтьевичъ, но, когда все было оговорено, рассчитано и составленъ примѣрный чертежъ какой-то машины, вдохнувшись, вспомнивъ, зачѣмъ пришелъ.

— Какъ же съ Вѣрочкой?—спросилъ онъ недоумѣвая.

— Пусть выходитъ за Никиту, они будутъ счастливы... Хочешь, я поговорю.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Петръ Леонтьевичъ испугался, а потомъ покачалъ головой:

— Не такъ поступали въ наше время, Сережа.

VIII.

Вѣра перебирала клавиши рояля; глядя на спустившіяся сумерки, Ольга Леонтьевна, положивъ вѣзанье, сидѣла, откинувъ голову на высокую спинку кресла; Никита, опершись локтями въ колѣни, молчалъ...

— Осталась одинока со своей дѣвичьей грустью,— тихо пропѣла Вѣра,—Сережа ѣдетъ въ Трансвааль.

— Вѣра, перестань,—сказала Ольга Леонтьевна, закрывая глаза.

— Мнѣ, бѣдной, нельзя сегодня даже пѣть... Нита, почему ты кисленькій?

Никита сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и опять склонился...

— И я уѣду въ Москву,—продолжала Вѣра,— поступлю на курсы; отрѣжу волосы, стану курить папироски...

— Не люблю, когда этимъ шутятъ,—молвила Ольга Леонтьевна,—ни на какіе курсы ты не поѣдешь, не думай только, что я осуждаю курсы... тамъ учатся хорошія и честныя дѣвушки.

— Останусь я здѣсь, буду смотрѣть, какъ упадутъ желтые листья; на голыя мои липы полетятъ дождики и все замерзнетъ. Поутру я и Нита подойдемъ къ балконной двери и увидимъ бѣлый снѣгъ на землѣ и перилахъ...

Вѣра прижала голову къ холодной доскѣ рояля. Никита всталъ и, сутулясь, вышелъ.

— Охъ,—шумно вдохнула Ольга Леонтьевна,— какіе всѣ глупые.

— Я тоже, тетя?

— Свѣтъ бы зажечь, нѣтъ, ужъ не надо, словно въ больницѣ станетъ желто.

— Тетя Оля,—спросила Вѣра, не поднимая головы,—я очень плохая?

— Нѣтъ, не очень.

— Мнѣ Ниту жалко, отчего онъ печальный, я бы все сдѣлала, чтобы не былъ такой.

Ольга Леонтьевна насторожилась:—Вѣрочка, все?— и, подойдя, обняла голову дѣвушки,—родная моя; думаешь, я не знаю, какъ тяжело быть отвергнутой, дѣвушкѣ всегда это грозитъ, даже самой красивой; не оцѣнять сокровища и все тутъ; только иное сокровище должна ты охранять—душу; пускай будетъ она прозрачная, какъ небо осенью, въ этомъ счастье, все пройдетъ, и любовь, и обиды, а голубизна останется, отъ этого безконечная радость на склонѣхъ лѣтъ... Твои теперь страданія очищаютъ душу, я знаю по себѣ.

— Не понимаю, тетя, о чем вы говорите, какія страданія.

— Ну, ну, будто бы я ничего не знаю, такъ говорю... Видишь, какая скрытная. Это тоже не хорошо; а у дѣвушекъ часто бываетъ,—стыдливость и скрытность.

Сѣвъ рядомъ, прижалась Ольга Леонтьевна къ Вѣриному плечу:

— Вотъ мы—старики жили тихо на землѣ, радостей большихъ не было и страстей,—Ольга Леонтьевна помолчала,—нѣтъ, страсти были, и такъ тяжело въ молодости вздыхалось безъ милаго друга... А теперь мысли у меня легкія и тѣло чистое.

Вѣра, бѣдѣя въ сумеркахъ платьемъ, вытянулась, снявъ съ плеча руку Ольги Леонтьевны:

— Хорошо, я останусь съ вами и дядей Петромъ навсегда, замужъ мнѣ не хочется—я шутила.

— Ахъ, не то говоришь!—съ отчаяніемъ толкнула Ольга Леонтьевна дѣвушку,—Вѣра, развѣ жертвы нужны, развѣ мы, старики, примемъ жертву отъ тебя, ты же красавица; Иисусе Христе, умъ за разумъ заходитъ, ерунду плету.

— Что же вамъ нужно?

— Вотъ! спрашиваетъ, какъ ножомъ отрѣзаетъ; да развѣ одной мнѣ счастье ты можешь дать, развѣ для монастыря родилась?...

— Хорошо,—сказала Вѣра, подумавъ,—я выйду за Никиту.

Ольга Леонтьевна всплеснула руками, но походка ея, когда она выходила, была веселая.

Пришелъ, очевидно, ею позванный, Никита, и робко сталъ у печки, темнѣя на холодныхъ изразцахъ.

— Никита,—спросила Вѣра,—ты ходилъ сегодня на охоту?

— Я никогда не охотился еще, Вѣрочка.

— Ахъ, да; ну, что же; печи скоро станутъ топиться соломой.

— У насъ, Вѣрочка, не соломой топятъ, а дровами.

— Холодно мнѣ; я бы пошла къ себѣ, а ты скажи Марфушѣ лампу заправить и передай съ ней книжку, только не особенно интересную.

— Хочешь журналъ?

— Нѣтъ... ну, все равно... смотри, какъ въ саду тихо...

Подойдя Вѣра взяла Никиту за голову и губами коснулась лба, а онъ, не успѣвъ поймать ея руки, смотрѣлъ на темноту двери, за которой, легко шурша, скрылось милое платье.

Съ открытой книгой, но не читая, лежала Вѣра на низенькомъ канapé, обитомъ голубымъ штофомъ, затѣненная легкими ширмочками отъ свѣта лампы, когда негромкій, но властный позвалъ изъ сада голосъ Сергѣя...

Вѣра помедлила, волнуясь, и, подойдя къ окну, сердито прошептала:

— Ты зачѣмъ?

— Можно къ тебѣ?

— Нѣтъ!—и отъ лица Сергѣя были близки темные ея, невеселые глаза...

— Ну такъ я самъ.

И онъ вскочилъ на подоконникъ:—намъ нужно поговорить, я скоро уѣзжаю...

Вѣра молчала; Сергѣй, глядя въ упоръ, вдругъ

усмѣхнулся; ноадри ея вадрогнули; упершись въ подо-
конникъ ладонями, сказала она быстро:

— Что тебѣ нужно? Уйди!

Сергѣй взялъ ея руку и поцѣловалъ; притянувъ
поцѣловалъ еще разъ въ шею, гдѣ завивались волосы.

— Не гони, не будь злая,—сказалъ онъ.

Вѣра, закрывъ глаза, молчала, только по лицу ея
словно скользили темныя молнии.

— Я люблю тебя; Вѣра, зачѣмъ ты хотѣла свадьбы,
къ чему открытость; я буду приходить по вечерамъ;
столько прелести любить тайно...

Вѣра коротко вздохнула, поможивъ на плечо Сергѣя
голову.

— Ты не сердись? понимаешь, мы не можемъ
пожениться...

Онъ гладилъ ее дрожащей ладонью, и цѣловалъ
лицо:—пусти меня къ себѣ, я потушу лампу.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Вѣра протянула руку, но онъ спрыгнулъ на ко-
веръ, завернулъ лампу, и привлекъ дѣвушку, сѣвъ
на канапѣ.

— Почему ты молчишь? Я поцѣлую твои ноги.

— Нѣтъ!—Вѣра одергивала платье,—не трогай меня,
Сережа, я ослабѣю.

— Сергѣй, сидя на полу, быстро цѣловалъ Вѣру и,
путаясь въ ея платьѣ, задыхаяся.

Вѣра вытянулась и медленно, съ трудомъ, словно
отрывая слова отъ сердца, сказала:

— Оставь! Сегодня я дала слово Никитѣ; я невѣста..

— Пусть, Никита твой мужъ, не все ли равно, а
я—любовникъ.

— Сережа, что ты говоришь?

— А что?—Сергѣй смутился,—глупенькая, въ томъ
нѣтъ грѣха: ты любишь не его и не ему отдашься...
Такъ всѣ дѣлаютъ...

— Сережа, ты шутишь?—Вѣра поднялась, все еще
не вырвавъ руки изъ рукъ Сергѣя.

— А тетя Оля, развѣ не имѣла любовниковъ? Вотъ
еще, добрый десятокъ; помнишь лѣсничаго, пьяницу,
она съ нимъ въ мужицкой избѣ цѣлый мѣсяцъ ку-
тила.

Вѣра рванула руку, кусая губы и сдерживаясь,
и, обезсилѣвъ, упала въ уголъ канапѣ; рыдая, прятала
лицо и руки въ подушку...

— Какъ унижительно... за что,—говорила она.

А Сергѣй, ища графинъ съ водою, побѣжалъ къ
Ольгѣ Леонтьевнѣ, страшаясь будущаго.

IX.

Хотя въ домѣ объ этомъ не говорили и Никита не
сдѣлалъ формальнаго предложенія, но всѣ, и дворян,
и родственницы, и Рѣбевы готовились къ свадьбѣ,
называя невѣсту и жениха.

Выписанная изъ города швея, похожая на англій-
скую собаченку, съ выпуклыми глазами, шла на ма-
шинѣ приданое въ комнатѣ Ольги Леонтьевны, кото-
рая, обсуждая, какую гладью вышить рубашку, смо-
трѣла всегда на одинъ зубъ у швеи, отъ частаго пере-
кусыванья нитки, выщербленный желобкомъ.

Вѣра съ утра ложилась на канапѣ и, держа книгу
открытой, глядѣла въ окно на садъ, на синюю воду
пруда, на желтые, зеленые и темные квадраты полей;

задумчивая, одѣтая всегда въ бѣлое платье—дѣвичий трауръ.

Никита, робѣя оставаться съ нею одинъ на одинъ, хотя и привѣтливой, но молчаливой, поѣхалъ съ Ольгой Леонтьевной въ Симбирскъ, гдѣ у ювелира чистились фамильные драгоценности; ими тетка Ольга хотѣла немного порадовать Вѣру.

А Сергѣй пропадалъ всѣ дни на охотѣ, ворочаясь поздно домой съ полнымъ яхташемъ, и пахнулъ лѣсомъ, болотнымъ иломъ и пухомъ птицъ.

Однажды, зайдя въ топкую глушь сосѣдняго лѣса, принадлежавшаго Налымовымъ, разсѣянно слѣдилъ онъ за концомъ бѣлаго хвоста собаки, быстро колотившаго напоротники вправо и влево, и думалъ о Вѣрѣ, когда она сидѣла съ закрытыми глазами на окнѣ, до боли близкая и готовная и ускользнувшая такъ глупо.

Фррр... вдругъ вылетѣлъ тетеревъ изъ подъ каменной стойки, Сергѣй выстрѣлилъ на удачу; нѣсколько перьевъ закружилось между листьями, но подраненная птица улетѣла, а невдалекѣ затрубилъ рогъ и слышенъ сталъ зычный голосъ:—эй, кто стрѣляетъ? я дамъ;—затѣмъ слѣдовало крѣпкое ругательство и трескъ вѣтвей.

— Мишука,—подумалъ Сергѣй и робко оглянулся.

Въ сторонѣ на полянѣ росъ многовѣтковый дубъ, упоминавшійся во всѣхъ налымовскихъ и рѣзевскихъ хроникахъ, широко раскинувъ расщепленную грозой крону, съ которой рисовалось обычно геральдическое дерево, съ дупломъ и корявыми сучьями.

Сергѣй подбѣжалъ къ дубу; на поляну вылетѣла, задравъ морды, пара краснопѣгихъ псовъ, звонко лая;

лягашъ, скуля отъ страха, прижался къ ногамъ; Сергѣй подсадилъ его въ дупло, и тогда, радвига вѣтви, появился верхомъ Мишука, въ зеленомъ кафтанѣ съ мѣднымъ черезъ плечо рогомъ, тучный и красный, и, осадивъ коня, крикнулъ на весь лѣсъ:

— Ага, это ты, гнусь... Ату его, улю-лю!..

Собаки, норовя укусить, подбѣжали, визжа, и Сергѣй, подтянувшись, вспрыгнулъ на дубъ и полѣзъ вверхъ, посматривая на арапникъ, которымъ Мишука щелкалъ и хлесталъ по зеленымъ вѣткамъ...

— Дядя Миша, не волнуйтесь,—хихикнулъ Сергѣй, плотно усаживаясь,—желудокъ разстроите,—и бросилъ желудемъ; а Мишука, запрокинувъ голову, ревълъ:— Ату, его! ну, слѣзь, ну, слѣзь...

Лягашъ, высовывая носъ изъ дупла, вылъ, а гончія прыгали, лая, или, сѣвъ, яростно чесали себя лапой...

— Все равно, дядя Миша, не достанете, а только соскучитесь, и ѣсть захочется,—сказалъ Сергѣй.

— Дерево велю срубить.

— Дубъ завѣтный.

— Саѣзь, пожалуйста.

Долго они ругались и, когда надоѣло, Сергѣй сказалъ примиряюще:

— Охота вамъ, дядя Миша, сердиться, я тоже остался съ носомъ—Вѣра то за Никиту выходитъ...

— Что ты!—удивился Мишука.

— Чѣмъ такъ-то яритесь, поѣхали бы мы на лѣсной хуторъ... Выпили... Вино есть?

— Привезъ.

— А то найдется?

И Сергѣй, подмигнувъ, сдѣлавъ понятный жестъ,

отчего, уцѣпившись за луку, принялся Мишука смѣяться, глядя вверхъ.

— Ступайте-ка, дядя Миша, а я послѣ обходомъ приду.

Мишука подумалъ, но чувствуя сильный отъ жды и волненія голодъ, свистнулъ собакъ и ускакалъ.

На лѣсномъ хуторкѣ, Мишука уже пилъ водку съ чаемъ, когда вошелъ Сергѣй и, сбросивъ яхташъ, сѣлъ рядомъ...

Мишука покосился:

— Храберъ ты, что пришелъ...

— Что дѣлать-то намъ, дядя Миша; налейте-ка; я васъ люблю...

— Разказывай.

— Честное слово. Люблю въ васъ богатирство, не то что отецъ и всѣ наши, полумертвые... какіе-то.

— Крамольники они.

— Нѣтъ, такъ отъ добродѣтели киснуть... А въ все равно, что князь въ старыя времена... Молодецъ!

Мишука, польщенный, довольно усмѣхнулся и потрепалъ Сергѣя по плечу:

— Ты умный мальчишка; золь былъ я на тебя, думаю, придетъ пить чай, задамъ; такъ богатырь, говоришь, я... сходство есть?...

— А мнѣ, дядя Миша, хоть въ маркеры идти...

— Что такъ?

— Денегъ нѣтъ свое дѣло начать, а служить, ярно тянуть—нѣтъ, мерси... Хотѣлъ было ѣхать въ Трансвааль, да видно сорвется...

И Сергѣй разказалъ о золотыхъ розсыпяхъ, горячася и завлекая размякшаго Мишуку...

Много было выпито и, когда ядреная солдатка, за которой послали въ село, сѣла рядомъ съ Мишукой, хлопнувъ онъ ладонью по столу, сказать:

— Хорошо, деньги будутъ, а, можетъ быть, и самъ туда поѣду.

X.

Родственники, обсуждая по всякому предстоящую свадьбу, понашили платьевъ, готовясь къ великолѣпному балу, потому что кто-то распускалъ слухи о необычайности будущаго торжества.

Нѣкоторыя изъ дамъ передѣлывали старое, наметывая кружево и бантики, инья съ Нижегородской ярмарки привезли кисей, а тѣ, что похитрѣе, посѣщали жену прокурора, польку Сурвилло, извѣстную туалетами и легкомысленнымъ поведеніемъ, и выпытывали у ней парижскія новости, называя душенькой и ужъ не знаю чѣмъ.

Любезничали дамы теперь до приторности, хотя избѣгали m-me Сурвилло въ обыкновенное время, разказывая такой, напримѣръ, возмутительный случай:

Зимой прокуроръ уѣхалъ въ уѣздъ, а жена устроила ужинъ въ гостиницѣ, пригласивъ однихъ мужчинъ, явившихся тайно, нѣкоторые даже съ задняго крыльца проползли. Кавалеры перепились до того, что ихъ выносили, завернувъ въ мокрыя простыни; а когда внезапно пріѣхавшій мужъ отворилъ дверь номера, въ комнатѣ колыхался синий дымъ, на коврѣ лежала разбитая гитара, и, въ безчувствіи на кровати, жена, совершенно нагая, обнимала пустую бутылку отъ шампанскаго...

Прокуроръ повелъ носомъ, громко плюнулъ и съ тѣми же лошадьми ускакалъ въ уѣздъ.

Съ очаровательной любезностью м-ше Сурвилло, сдѣлая дамъ въ щечки, раскрывала тайны туалетовъ; совѣтовала шить платье такъ, чтобы, отстегнувъ одну кнопку, падали сразу всѣ до одной юбки къ ногамъ, идя навстрѣчу нетерпѣливости поклонниковъ.

О поклонникахъ говорила она просто, какъ о кушаньяхъ, и немного скандализованныя дамы упивались ея словами, все-таки въ тайникахъ сердца не рискуя нарушить супружескій завѣтъ...

Городъ оживился, начиная съ пьяницы саложника, косматая голова котораго въ окошкѣ всѣмъ надоѣла, до юнкеровъ, приготовлявшихся лихо танцовать; отражали ихъ ротами и полуротами на балы, вбивая въ стриженныя головы, что нельзя, разинувъ ротъ, стоять у стѣнки, когда у дамъ нѣтъ кавалера, и ухъ какъ топали ногами юнкера, пропачивая насквозь казенныя куртки съ краснымъ кушакомъ.

Одна только Ольга Леонтьевна, бѣгавшая, въ сопровожденіи Никиты, изъ магазина въ магазинъ, безпокоилась втайнѣ, ожидая случайностей, и торопилась до заката попасть на паромъ черезъ Волгу и домой.

Никита поспѣшно сѣменилъ короткими ногами, дожидаясь у дверей магазиновъ тетку, и тоскливо поглядывалъ на многоводную рѣку, съ торопливыми пароходиками вдали, медленнымъ караваномъ баржей, плотами, похожими на островки, рыбацкими лодками, парусами и селомъ на томъ берегу.

Тамъ одна оставалась Вѣра, блуждая, можетъ быть, по пустымъ комнатамъ, или вышла на балконъ; облю-

коясь о перила, думала, не въ силахъ глубоко вздохнуть, что принесетъ ей грядущее.

— Вотъ вы гдѣ, наконецъ, Никита Петровичъ; я рада, поздравляю васъ съ очаровательной невѣстой.

Такъ воскликнула, внезапно подойдя, м-ше Сурвилло и подала руку, высоко ее приподнявъ, а другой подобрала платье, изогнувшись и томно глядѣла исподлобья...

— Я съ тетей, — сказала Никита, — вы, можетъ быть, ее...

— Это смущенье на лицѣ я такъ понимаю, но знайте, — она погрозила пальчикомъ, — нельзя быть строгимъ съ женой, въ васъ я вижу деспота... Ахъ! — и она, смѣясь, прижалась къ Никитѣ, окутывая запахомъ духовъ и нудры...

Никита, думая, что она упадетъ, придержалъ ее за талию, но вышла Ольга Леонтьевна изъ магазина, мгновенно сдѣлавъ рѣшительное лицо.. Остановились прохожіе и мальчишка съ лоткомъ.

— Ольга Леонтьевна, — заглѣла Сурвилло, — я дѣлала Никитѣ комплименты.

— Не нуждается онъ въ нихъ, матушка, — сказала Ольга Леонтьевна, подавая концы пальцевъ. — Вѣдемъ-ка, батюшка, и такъ запоздали...

И уже трясясь на извозникѣ подъ гору, спросила: — о чемъ ты съ бабенкой любезничалъ? стыдно, же-нихъ...

— Ахъ, тетя, всѣ рады и веселы, а Вѣра не любить меня.

— Не разговаривай, грохотъ такой, все равно не услышу...

Подъ горой у перевоза, гдѣ стоять пахнущіе съномъ и дегтемъ воза, мужики галдѣли неизвѣстно о

чемъ, держа лошадей за поводья, продавецъ въ фартукѣ, расхаживая между телѣгъ, продавалъ прожки, и въ бакалейной лавченкѣ зажгли фонарь, а на горѣ горѣли еще старымъ золотомъ луковицы церковей, и слышна была изъ сада музыка.

Медленно, огибая дугу, приближается къ берегу паромъ, полный, какъ муравейникъ, головъ, дугъ, конскихъ гривъ, на возахъ бабъ и мальчишекъ.

Заскрипѣли связки прутьевъ у борта, конторку качнуло, и съ шумомъ, въ беспорядкѣ, стали выѣзжать испуганныя лошади, топая по дереву подковами.

За возами, прижимаясь къ оглоблямъ коренника и фыркая, прогремѣла тройка горячихъ коней, запряженныхъ въ плетушку и, вынеся ее на песокъ, мягко зашуршала колесами; метнувшись къ экипажу, крикнула Ольга Леонтьевна дикимъ голосомъ:—Вѣра!

Вѣра быстро оглянулась, а кучеръ осадилъ коней. — Что съ тобой, лица нѣтъ, случилось что-нибудь? — спрашивала Ольга Леонтьевна, толкая народъ и протискивалась, пожелтѣвъ вся и моргая.

— Нѣтъ, — сказала Вѣра, — я не за вами, я прокатиться... — голосъ ея задрожалъ, — до свиданья!

Молча, ухвативъ коренника за уаду, повернула Ольга Леонтьевна коней обратно и, приказавъ Никитѣ итти сзади, сѣла въ телѣжку, обнявъ крѣпко дѣвушку рукой...

— Зонтикъ гдѣ? — сказала она и раскрыла, — не къ чему, — и, закрывъ, сунула подъ козлы...

А Вѣра, низко склонивъ голову, закуталась въ сѣрую шаль, вдрагивая иногда, и присмирѣла.

XI.

Три дня и три ночи шумѣли родственники въ гостинницѣ Краснова; въ коридорѣ висѣлъ чадъ отъ табачнаго дыма и ѣды, и буйные крики всю ночь вылетали изъ номеровъ, гдѣ рѣзались въ карты полураздѣтые помѣщики, выпивая огромное количество вина, бутылки отъ котораго складывались тутъ же въ углы, для изумленія вновь приходящихъ.

Очумѣлые полове бѣгали по грязнымъ половикамъ и на площади передъ окнами собирались зѣваки привлеченные свѣтомъ и шумомъ, говоря съ уваженіемъ:—Заволжье гуляетъ...

Дамская половина, куда обезилленный, съ чадной головой, перебрался Никита, тщетно стараясь быть героемъ недѣльнаго торжества, помѣщалась въ противоположномъ крылѣ двухэтажнаго зданія гостинницы, и никто изъ дамъ не осмѣливался приходить въ мужскую, такъ какъ по ночамъ устраивались тамъ кавалерійскія атаки.

Сергѣй и Мстиславъ Ходанскій—отставной корнетъ, во главѣ молодежи, всѣ въ ночномъ бѣльѣ, сядились на стулья верхомъ и, обнаживъ сабли, ѣздили по коридору, строясь въ колонны, дѣлали атаки на любителей и брали прислуживающихъ дѣвушекъ въ плѣнъ.

Иногда, подговоривъ пожилыхъ дядюшекъ освѣжиться, вели ихъ во дворový садъ и, подсадивъ какого-нибудь толстяка на тонкое дерево, просили раскачаться... Толстякъ, показывая силу, раскачивался, и дерево, сломанное у корня, валилось на землю—это называлось, неизвѣстно почему, „на полчасака поставить самоварчикъ“.

На четвертые сутки весь Симбирск поплылъ въ винномъ чаду. Но, наконецъ, прѣѣхала Ольга Леонтьевна съ невѣстой и братомъ, и много нужно было ушатовъ воды—освѣжить хмѣльные головы; къ двумъ часамъ, хотя и поддерживая другъ друга подъ локти, всѣ прибыли въ соборъ...

Во время службы Мстиславъ Ходанскій и Сергѣй, одѣтые во фраки, держали вѣнды надъ невѣстой, блѣдной и молчаливой, и надъ женихомъ, пряможа ладонь къ уху, переспрашивающимъ священника; Ольга Леонтьевна поглядывала на родственниковъ очень строго, обуздывая только этимъ „разыгравшихся жеребцовъ“, которые начинали уже отпускать словечки; Петръ Леонтьевичъ тихо молился, улыбаясь въ сѣдую бороду; Натушекъ, Шушу и Бебе, въ бѣлыхъ платьяхъ съ букетами, опустили глаза и сложили губы, оскорбленный выскочившей замужъ безприданницей и непонятными людьми.

Чинно и въ порядкѣ прошелъ обрядъ, и молодые, извинясь, что не останутся пировать, проѣхали на пароходъ...

Тамъ всѣ выпили шампанскаго, бокалы бросили въ воду, крикнули три раза ура! и пароходъ отчалилъ.

Никита махалъ платкомъ, а Вѣра закрыла рукою глаза...

Въ разгарѣ пира, когда прыщавый юноша, въ чиновничьемъ сюртукѣ, что-то принимаясь говорить о ласточкахъ, которыя улетѣли, съ шумомъ лакеи отворили дверь, и въ залу важно вошелъ въ синей поддевкѣ Мишука, обведя сидящихъ осовѣянымъ взглядомъ. Всѣ встали. Ольга Леонтьевна тревожно наклонилась къ брату, но спокойно подошелъ къ рукѣ ея Нальмовъ,

поцѣловалъ Петра Леонтьевича, не успѣваго отереть усы, и, больше ни на кого не глядя, сѣлъ у стола, наливъ себѣ большой стаканъ водки.. У всѣхъ отлегло. Мишука выпилъ графинъ, сѣлъ судака, гуся и еще чего-то и только тогда сказалъ:

— Хотя племянница меня и обидѣла и этотъ вотъ ея шурина, обиды не хочу помнить, пью здоровье и дарю лѣсъ отъ Чермашины до Собачьяго Лога, а самъ я скоро помру.

Послѣ обѣда, пока въ залѣ настраивался оркестръ, кавалеры пили ликеры въ гостиной, тупо и безъ уваженія глядя на дамъ; дамы у оконъ щебетали, отряхивая пальцами кружевныя оборки; а Сергѣй держалъ Ходанскаго за пуговицу фрака и, плеча изъ рюмки, говорилъ нетвердо:

— Стива, твою сестру я люблю, и она меня любитъ, а замужъ вышла для отвода глазъ...

Мстиславъ, высокий и мускулистый, стоялъ, откинувъ орлиную свою голову съ черными бакенбардами, блѣдный отъ вина и нахальный...

— Что? ты, кажется, не въ мѣру пьянъ?

— Стива,—схвативъ его за полу фрака, шепнулъ Мишука, сидя на диванчикѣ,—плюнь Сережкѣ въ глаза, онъ подлый хамъ...

— Я это вижу!—сказалъ Мстиславъ, бѣлые и ровные показавъ зубы.

Сергѣй засмѣялся невесело, но, догадавшись, что его оскорбили, толкнулъ Мстислава:—ты мнѣ отвѣтишь.

— Скандаль, скандаль,—заговорили кавалеры, окружая противниковъ;—скандаль, скандаль!—зашептали

дамы у оконъ, обмирая отъ интереса; а Мишука, вставъ, сказалъ громко:—дѣло кончить можно дуэлью.

Вечеромъ въ номеръ Нальмова пришли двое молодыхъ людей отъ Ходанскаго, и секунданты Сергѣя принесли ящикъ съ пистолетами; всѣ, стоя у стола, обсуждали мѣсто и время поединка, выпивая рюмки, въ которыхъ Мишука подливалъ коньякъ.

— Ерунда,—сказалъ Мишука,—куда мы ночью поѣдемъ, цускай дерутся здѣсь.

Секунданты переглянулись, подумали, и, выпивъ всѣ сразу, молвили:—идея!

Одинъ изъ нихъ даже заржалъ неестественно и пошелъ за противниками.

Сергѣй вошелъ блѣдный, озираясь кругомъ. Мишука похлопалъ его по плечу, подведя къ бутылкѣ:

— Выпей-ка передъ смертью...

Мстиславъ Ходанскій во фракѣ, съ цилиндромъ на затылкѣ и въ высокихъ ботфортахъ, остановился въ дверяхъ, помахивая стекломъ:

— Идемъ,—сказалъ онъ...

Мишука его обнялъ:

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, прольешь ты кровь... Ахъ, Стива!

— Хорошо,—сказалъ Мстиславъ,—начнемте...

Противниковъ развели въ углы, и Мишука мѣломъ начертилъ крестики на лѣвыхъ лацканахъ ихъ фракъ объясняя:—стрѣлять сюда...

— Нѣтъ,—сказали секунданты,—сюда,—и поставили кресты на правыхъ лацканахъ.

— Не понимаете, вотъ куда,—крикнулъ Мстиславъ и, повернувшись, начертилъ кресты сзади...

— Ты, ты,—завизжалъ Мишука, захлебываясь...—

ставъ ихъ носомъ въ уголь, пусть стрѣляются черезъ плечо... Вотъ такъ, давай пистолеты... теперь слушай команду—разъ!..

— Постойте,—сказалъ одинъ, менѣе всѣхъ пьяный, секундантъ, надо предложить мириться...

— Ну ихъ...

— Пусть стрѣляется.

Сергѣй, положивъ пистолетъ на плечо, качнулся и, бормоча несвязное, упалъ лицомъ къ стѣнѣ.

— Упился,—крикнулъ Мишука,—что дѣлать?

Мстиславъ, обернувшись, выстрѣлилъ въ горяшко бутылки. Сизой струей потянулся дымъ, и, захвативъ его носомъ, Мишука чихнулъ...

— Шампанскаго,—крикнулъ онъ;—да подавать лошадей, всѣ ко мнѣ ѣдемъ; а этого въ кошму завернуть и въ ноги: у меня дострѣляются...

Скоро тройки съ гикомъ и свистомъ понеслись по мирнымъ улицамъ Симбирска, и обыватели, любопытствуя, всматривались въ ночную темь, говоря заспаннымъ своимъ женамъ:

— Заволжье гуляетъ съ Нальмовымъ.

XII.

Жарко натопленная печи, легкій запахъ вымытыхъ половъ, зимній свѣтъ сквозь морозныя стекла и тишина опустѣвшаго дома покоютъ увядающую жизнь Ольги Леонтьевны, и тихо улетаетъ время ея за письмами, разговорами вполголоса, ожиданіемъ вѣстей.

Въ гостиной у столика, въ видѣ почки съ инкрустацией, исписываетъ старая тетка хрустяще листки крупнымъ почеркомъ, откидываясь иногда въ кресло,

и думает больше о Сергѣѣ, рѣдкія письма котораго пахнутъ солнцемъ и морской водой.

— „Милая тетя, я теперь въ Египтѣ, карабкаюсь на пирамиды, иду въ песокъ всякую дрянь. Здѣсь очень дешево муміи и, слушай, что можно устроить... Привести какую-нибудь фараоншу въ Россію, закопать въ лѣсу и посыпать фосфоромъ... Мѣсто это по ночамъ свѣтится будетъ. Пойдутъ слухи; монахи найдутъ; лѣсокъ то я имъ и продамъ; сунутся они раскапывать—мощи; гостиницу, конечно, построятъ, и вотъ, когда начнеть собираться народъ, покажу монахамъ кусочекъ отъ муміи съ моей печатью:—пожалуйте сто тысячъ...“

Видишь—недурной я коммерсантъ. Сообщи также дядѣ Мишѣ, что послалъ ему, какъ онъ просилъ, живого крокодила въ банкъ съ водой“...

Ольга Леонтьевна долго смѣется надъ глупыми шапеласами Сергѣя и зоветъ брата...

Розовый и сѣденькій приходитъ Петръ Леонтьевичъ, весь въ опилкахъ и, склоняясь, слушаетъ письмо.

— Не нравится мнѣ это,—говоритъ онъ,—Серяжка всегда былъ безбожникъ, а теперь кощунствуетъ... Скажи ему, чтобы не писалъ такіа письма, а я за него сегодня помолюсь; да и ты, Оленька, не очень усердствуешь, смотри, скоро поздно будетъ...

— Да, поздно,—говоритъ Ольга Леонтьевна, глядя на бѣлыя поля, на медленный обозъ вдаль,—ступай, братецъ, выпивай.

И, вдохнувъ, принимается за письма къ Сергѣю и Вѣрѣ.

— „Милая Вѣрочка, я понимаю эту постоянную грусть: она происходитъ отъ ожиданія ребенка, но

послѣ, когда станешь матерью, успокоишься:—это такое счастье.“

А Никита, вѣдь, очень ибѣжный и несчастливый.

Ты пишешь—онъ утомляется на службѣ, все молчитъ и не спитъ ночью; пожалѣй его, Вѣрочка; или ходите въ театръ; говорятъ, Александринскій театръ очень интересный; заводите знакомыхъ—нельзя же, никого не видя, вдвоемъ сидѣть на Петербургской Сторонѣ да слушать, какъ вѣтеръ воеетъ, этого у насъ въ Рѣвневкѣ достаточно.

Вотъ, посмотри на дядю Петра—спокойный и ясный, только, очень я тому беспокоюсь, сталъ по ночамъ видѣть свѣтъ и утромъ встаетъ восторженный; рѣже сталъ выпивать, хотя придумалъ какую-то пищалку отъ комаровъ—отъ ея писка комары должны поѣсть на листья и умереть съ голоду, такъ какъ не смогутъ летать... Хотѣла бы и я успокоиться, да Богъ видно не допустилъ, начталась смолоду всякихъ книжекъ...

А ты пораздумай, можетъ быть, ко всенощной походишь...

Дѣвчонку, которую тебѣ послала, держи въ строгости, спрашивай ежедневно отчетъ, иначе, если изворуется, виновата будешь ты“.

Гаснутъ зимніе дни, смягчая снѣгъ полей опаловымъ закатомъ, и Ольга Леонтьевна съ братомъ, сидя близь друга около друга на концѣ длиннаго стола, пьютъ чай, и слышенъ въ большой столовой только звонъ ложечки о стаканъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ прѣѣхалъ нарочный съ запиской, каракулями нацарапанной на клочкѣ бумаги:—„Прѣѣжайте, Михаилу Ивановичу плохо, хочеть видѣть васъ“...

Ольга Леонтьевна торопливо собралась и поѣхала къ Нальмову по сугробамъ и ухабамъ въ морозномъ сумракѣ, мертвенномъ отъ полной, съ тремя радужными кольцами, луны...

За полночь сани, скрипя, остановились у Нальмовскаго крыльца, на которомъ стояла высокая дѣвушка, кутаясь въ бѣлую шаль.

Съ трудомъ разгибала ноги, поднялась Ольга Леонтьевна въ сѣни и, оправляя шелковое платье, спросила:

— Гдѣ же больной?

Дѣвушка, идя впереди, отворяла одностворчатые двери, оглядываясь; подошла борзая сука и ткнула холоднымъ носомъ въ ладонь; Ольга Леонтьевна погладила собаку, а дѣвушка сказала спокойно:

— Сюда, въ столовую, они ждутъ.

У стола, подъ лампой, увидѣла тетка Ольга Мишуку, раздувшася до нечеловѣческаго вида; облѣлая голова его лоснилась, желтыя, словно налитыя масломъ, щеки закрыли глаза, подъ локтями и, поддерживая грудь и затылокъ, привинчены были къ креслу деревянные бруски, на которыхъ, опустя опухшія кисти рукъ, висѣлъ онъ, тяжело отдуваясь.

— Мишенька, — воскликнула Ольга Леонтьевна, подбѣгая, — до чего ты себя доведъ...

— Сестрица, — съ трудомъ сказалъ Мишука, — спасибо.

И, подолгу глотая воздухъ, дышала.

— А я все сижу; лежать не могу. Водянка...

— Гниеть у нихъ въ груди, — сказала Клеопатра.

На нечистой скатерти стояла тарелка съ ѣдой, усы

Мишуки и цветнистый подбородокъ испачканы жиромъ...

— А ты все ѣшь? — всплеснулась Ольга Леонтьевна, — доктора то звали?

И, сѣвъ на стулъ, вскопчила испуганно:

— Это что за гадъ на столѣ.

— Крокодилъ, — сказала Мишука, — Сережка присмалъ; подохоъ сегодня, значить и я...

Въ ужасѣ, сжавъ руки, глядѣла Ольга Леонтьевна то на звѣря, то на Мишуку; а, стоя у буфета, молвила Клеопатра спокойно:

— Докторъ былъ, сказалъ, что помрутъ сегодня или завтра.

— Зав...зав...зав... — сказалъ Мишука, поднявъ брови.

Клеопатра быстро достала изъ буфета завѣщаніе и стала читать, наклонясь къ лампѣ:

„Поля, лѣса, хуторъ, пахотныя земли и пустоши отходятъ дальней родственницѣ Вѣрѣ Ходанской, которой дано на соответствующую сумму векселей; денегъ пятнадцать тысячъ дарить дѣвкѣ Марѣ Шитиковой, по прозванію Клеопатрѣ, за вѣрность ея около умирающаго, а ближайшіе родственники не получаютъ ничего“...

— Псы они, — оживясь, молвилъ Мишука, — родня-то.

Ольга Леонтьевна, строго поджавъ губы, выслушала чтеніе до конца, поблагодарила и подивилась отчего Вѣрѣ такая честь.

— Обезчестить хотѣлъ, — сказалъ Мишука, — за это и дарю.

— Обезчестить, — всполохнулась Ольга Леонтьевна, — что?

— Черезъ нее насъ всѣхъ выгнали ночью,—усмѣхнулась Клеопатра.

— Да какъ ты посмѣлъ,—Ольга Леонтьевна поспѣшно совала въ ридикюль очки и носовой платокъ,— за гадость свою вотчинами отвязаться хочешь... Да ты въ умъ?.. Ногой стоять въ гробу, а пакостничаетъ... Дай-ка завѣщаніе... Вотъ тебѣ...

Она, секунду помедливъ, рванула бумагу и бросила Мишукѣ въ лицо:

— Прощай.

Клеопатра вскрикнула. Мишука, глядя, какъ немощная собака, задыхалась часто, закативъ глаза, и захрипѣлъ... Клеопатра, заткнувъ уши, отошла, прижимая разорванное завѣщаніе локтемъ, а Ольга Леонтьевна обернулась въ дверяхъ...

— Батюшки, да онъ кончается...

Мишука приподнялся весь, такъ что, сломавшись, съ шумомъ упалъ брусокъ; закинувъ голову, опустился; кровь отлила отъ землистаго лица его и изъ носа и рта потекла сукровица.

— Молись, молись, Мишенька,—зашептала, подбѣгая, Ольга Леонтьевна и, ставъ на колѣни, прижалась головой къ креслу.

— Нынѣ отпускаешь раба твоего...

За дверьми протяжно завывла сука; Клеопатра, вскрикнувъ, убѣжала...

Когда, съ трудомъ собирая силы, поднялась Ольга Леонтьевна, опустивъ низко голову, сидѣлъ неживой Мишука, и открылись стеклянные, спокойные его глаза...

I.

У тетушки Анны Михайловны, чтобы мыши не ѣли мыло, всегда подъ рукомоиникомъ стояла тарелка съ накрошеннымъ въ мюлокъ хлѣбомъ, и никогда не позволяла тетушка заводить у себя ловушекъ, говоря про мышъ:

„Что же, она тоже живая, а ты ее въ мышеловку, да еще которая поперекъ живота прихлопнется“.

Кромѣ рукомоиника въ спальнѣ былъ комодъ, три шифоньерки по угламъ, на одной—ваза съ высохшимъ апельсиномъ, надъ кроватью, темный коврикъ на тумбочкѣ подчасникъ и баулка съ папиросами.

Тетушка курила табакъ крѣпкій и не вредный для здоровья; любила также выйти на крыльцо и затлнуться, глядя на сизыя осокори за прудомъ, на синіе дымъ села.

Дверь спальни отворялась въ коридоръ бывшихъ лакейскихъ. Въ концѣ его витая лѣстница вела на верхъ въ девять барскихъ комнатъ, куда никто теперь

не ходилъ, и деревянная рѣшетка въ главной залѣ, когда-то овитая плетенью, очаги, похожіе на пещеры, шкафы въ библиотекѣ, поставленные другъ на друга столы и кресла въ углу—все было покрыто густой пылью, потому что во всѣхъ комнатахъ на полъ-аршина лежала пшеница, золотистая и пахучая, и хозяйничали мыши.

Иногда по ночамъ отъ тяжести хлѣба тресали полая балки, и тетушка въ нижней юбкѣ, съ узелочкомъ волосъ на маковкѣ, шла со свѣчей посмотреть, гдѣ сломалось.

Но къ трескамъ привыкли, и болѣзненная Дарюшка крестилась только на кухнѣ, съ просонокъ, вѣруя, что ходитъ это прадѣдъ Петръ, который на портретѣ съ трубкой изображенъ на костыляхъ, запахнутый въ пестрый халатъ.

Пожалуй и не одинъ онъ шагаль осенними ночами, по колѣно въ пшеницѣ—много ихъ огорчалось запустѣніемъ шумливой когда-то Туреневской усадьбы, а одна бабушка приходила прямо изъ пруда, стуча въ стекла костяной рукой.

Всѣ вымерли, унеся съ собой въ сырую землю веселье, несбывшіяся мечты, деньги, и тетушка Анна Михайловна одишенька осталась въ просторномъ Туреневскомъ дому; выходила каждый вечеръ глядѣть, какъ съ поемныхъ луговъ поднимается изъ Заволжья, туманъ, кутааетъ садъ, бесѣдку съ колоннами, обрываетъ веревки на качеляхъ и ползаетъ до крыльца.

Заложивъ руки назадъ, ходитъ тетушка все по одной аллеѣ, и папироска давно потухла.

— Что вы, дѣвченки, не спите, вотъ ужъ безстыд-

ницы,—зайдя въ кухню, ворчитъ тетушка и, разыскавъ въ сѣняхъ парня съ деревни, даетъ ему шлепка...

Потомъ, накрошивъ мышкамъ хлѣба, ложится въ кровать, думая о несчастныхъ своихъ племянникахъ, или о томъ, какъ бы обернуться съ платежами—это обертыванье и составляло ея специальность съ юности.

— Кому бы это пріѣхать такъ поздно,—сказала сегодня тетушка, слушая звонъ колокольца:— неужто Африканъ Ильичъ, кому-же кромѣ.

Накинувъ старенькую юбку,—другой у нея не было, потому что по воскресеньямъ всякій могъ просить у тетушки что угодно, и деревенскія бабы за недѣлю еще нацѣплялись на какую-нибудь юбку поновѣе,—вышла Анна Михайловна въ кухню, но, къ удивленію, ни одной изъ дѣвченекъ не оказалось, а въ дверь уже влѣзалъ высокій и сутулый человекъ въ коричневомъ армякѣ, стряхивая пыль, которая по всему Заволжью такая густая и обильная, что, при видѣ пріѣхавшаго, не знаешь—арапъ это такой черный, или самъ чортъ. Но вошедшій, вытеревъ лицо, оказался Африканомъ Ильичемъ, правда отъ природы темнокоричневымъ. Подоидя къ ручкѣ, онъ сказалъ весело:

— Вотъ и я, ваше превосходительство!

Тетушка поцѣловала его въ круглую и стриженую макушку, которой Африканъ Ильичъ гордился, говоря: „вотъ это голова, не то что у теперешней молодежи“—и, боясь выказать неумѣстную усталому съ дороги человѣку радость, молвила:

— Вотъ это какъ хорошо, что вы пріѣхали, сейчасъ самоварчикъ поставимъ, только бѣда у меня съ дѣвченками—разбѣжались.

— Недурно самоварчикъ,—сказалъ Африканъ Ильичъ, съ удовольствіемъ оглядывая столовую, гдѣ буфетъ, въ видѣ ковчега—тотъ же, и спящія мухи на стѣнѣ, и недопитый на окнѣ стаканъ съ теплымъ квасомъ.

Внося тарелки съ ѣдой, открывая и закрывая жалюзи буфета, суетилась тетушка немного безтолково, ступая мягкими своими, скромными шагами, и даже задохнулась, пока Африканъ Ильичъ не прикрикнулъ:

— Да сядьте вы, ваше превосходительство, на кухнѣ четыре дуры сидятъ, я вотъ ихъ...

Тетушка сейчасъ же сѣла, ласково улыбаясь, отъ чего овальное и старинное лицо ея стало милымъ.

— Новость привезъ,—молвилъ Африканъ Ильичъ,—скажу послѣ, какъ поѣмъ...

И, наливъ изъ рюмки половину водки на ладони, вытеръ ихъ о салфетку, другую половину выпилъ и, крикнувъ, закурилъ...

— Какая-же новость,—спросила тетушка,—ужъ не про Николушку ли?

Но Африканъ Ильичъ принялся рассказывать новый анекдотецъ, при чемъ ѣлъ и пилъ между словами, растягивая ихъ на полъ-аршина, а тетушка терпѣливо слушала, задумчиво улыбаясь, когда онъ смѣялся, и все думала—о комъ же это новость.

— Совсѣмъ забылъ,—сказалъ Африканъ Ильичъ,—статейку привезъ, угадайте кого—Дорошевича, то есть такъ радѣльвается...

— Другъ мой, а когда же о томъ расскажете?

Африканъ Ильичъ, зная, что тетушка все равно до сообщенія новости статью слушать не станетъ, вздохнулъ, сказавъ:

— Завтра Николай пріѣзжаетъ съ Настасьей.

— Господи Иисусе,—тетушка перекрестилась, пристала и сѣла опять въ кресло.

— Ъхать на лошадахъ со мной не захотѣли, теперь почиваютъ въ номерахъ Краснова.

— Какъ же они согласились? Вѣдь, не хотѣли.

— Не хотѣли,—огрызнулся Африканъ Ильичъ,—пороть шелопа надо, потомъ спрашивать; не хотѣли! а съ голоду подохнуть хочется... Настасья то послѣдніе брилліанты заложила, отыгрывалась въ карты, а Николушка въ буфетѣ шампанское пилъ. Я, не долго думая, ихъ изъ клуба да въ номера; что вы, говорю, о двухъ головахъ, или итъ: завтра же подъ заборомъ будете ночевать. Мы, говорятъ, тетушку стѣснимъ, притомъ неудобно, что Настя не жена мнѣ, а такъ, и ея прошлое... Я говорю: тетушка вамъ отписала, что, если Настасья тебя, дурака, любить, отъ прежней жизни отказалась, такъ будетъ она тетушкѣ дочь, а тебѣ жена. Однимъ словомъ, ваше превосходительство, хотя считая затѣю эту ерундой...

— Другъ мой,—перебила тетушка,—это не ерунда, у Николушки честная натура, а Настино сердце лежитъ не къ этой жизни, я ужъ вижу. Одного только боюсь—скучновато имъ будетъ здѣсь послѣ столицы, ну да постараюсь...

— Что постараетесь, я просилъ бы не стараться,—цыкнулъ Африканъ Ильичъ,—довольно съ нихъ, что хлѣбъ дадите...

Тетушка опустила глаза и, покраснѣвъ отъ смущенія, сказала:

— Вы знаете, для себя самой я не люблю жить, дружокъ.

Африканъ Ильичъ, глядя мягкую, въ морщинахъ тетушкину руку, поцѣловалъ ее, умилился...

— Вотъ вы какая рѣшительная, ваше превосходительство,—сказалъ онъ.

II.

Проснулась тетушка по обычаю до свѣта, зажгла свѣчу, осторожно ходя по комнатамъ, гдѣ некрашенныя половицы, такія еще прочныя днемъ, теперь скрипѣли, и тетушка сокрушалась, боясь перебудить домъ половинной своей бѣготней.

Чтобы занять время до чая, вытирала она пыль на ризахъ старыхъ иконъ, съ дѣтства еще побавляясь глядѣть на родовой образъ Спасителя, темный и живой, въ тяжелой отъ каменьевъ оправѣ; перепробала въ шкатулкѣ бумажки съ волосами давно умершихъ Туреневыхъ, Налимовыхъ, Ходанскихъ; припрятала подалеже, вдругъ вспомнивъ неприятное, косяной футляръ для зубочистки, разыскивала что-то...

Всѣ вещи разговаривали на задумчивомъ языкѣ своемъ съ тетушкой, самой молодой среди нихъ и послѣдней, а она любила больше всего широкое кресло, обитое коричневымъ штофомъ, съ пружиной, торчащей изъ мочалы...

На немъ родилась тетушка и всѣ девять ея покойныхъ теперь сестеръ.

— Вотъ и пришло испытаніе,—думала тетушка, садясь въ кресло,—хватить-ли силъ переработать такихъ вѣтрогоновъ. Настенька попроше, въ темнотѣ жила, любовь ее освѣтила, и раскрылась душа, какъ цвѣтокъ... Богатыхъ любовниковъ побросала, продала

все, значить, полюбила... А Николушка—это козырь. Видишь—денегъ ни гроша, а шампанское пить; попро-буй-ка такого приучить къ работѣ, скажетъ, птичьего молока. Ну, да Богъ поможетъ направить заблудшихъ овецъ, благо вернулись... Съ батюшкой нужно Николушкѣ-то поговорить, большая сила у отца Ивана, и не откладывать, а, какъ пріѣдутъ, сразу и начать разгово-рять.

Волнуясь не могла тетушка сидѣть и вышла въ корридоръ, гдѣ попрохладиѣе.

Подъ потолкомъ горѣла подвѣренная лампа въ желѣзномъ кругѣ; изъ полуотворенной двери слышенъ былъ храпъ Африкана Ильича, такой густой, будто въ носу спящаго сидѣлъ шмель; на сундукѣ, уронивъ худенькую руку, тихо спала, оголяясь, любимица тетушки, чернобровая Машутка...

— Ишь, разметалась-то какъ, еще увидить кто,—шептала тетушка, наклоняясь надъ смуглымъ ея лицомъ; на щеки дѣвушки падала тѣнь отъ рѣсницъ, и полуоткрылся дѣтскій ея ротъ.

— Красавица-то какая, Господь съ тобой.

Тетушка задумалась, и колѣни ея подогнулись отъ страха:

— Нѣтъ, ты смотри у меня, Николушка, въ обиду Машу не дамъ,—и она погрозила пальцемъ въ темноту корридора...

Наверху бѣгали мыши по пшеницѣ, хотѣлось чайку, а разсвѣтъ еще не брезжилъ, и тикали отчетливо часы на кухнѣ...

Насталъ тяжелый день; посланная для наблюденія на крышу Машутка кричала оттуда, что „никовошеньки

не ѣдет кромѣ дядюшки Федора, и пѣгая корова сади привязана...”

Къ поднику Африканъ Ильичъ пришелъ заспанный и злой, прихлебывалъ, вдыхая, чай и курить вертуны, сидя бокомъ на стулѣ.

— Дарья, — позвать онъ.

— Дарьюшки нѣтъ, я распорядусь сама.

— Насчетъ чего распорядитесь, вѣдь, не знаете насчетъ чего, — прикрикнулъ Африканъ Ильичъ.

— Лошадей, — сказала тетушка робко, — вы, другъ мой, устали, позвольте я съѣзжу въ Симбирскъ, право, мнѣ полезно освѣжиться, сию здѣсь, сию, вотъ со-всѣмъ засидѣлась.

Африканъ Ильичъ медвѣжьими глазками, выставивъ челюсть, уставился на тихую, но не робкую тетушку, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончился споръ ихъ, но незамѣтно, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, подѣхалъ экипажъ.

Всѣ обитатели Туреневскаго дома поспѣшили на крыльцо, дѣвченки въ пестрыхъ кофтахъ шушукались, сади нихъ покуривалъ Африканъ Ильичъ, а тетушка, улыбаясь, ежилась покатыми своими плечами, старенькая среди всѣхъ.

Изъ телѣжки, ухватясь рукой, безъ перчатки, за козла, тяжело вылѣвъ Николушка, въ верблюжемъ, армякѣ, и, разставляя по-кавалерійски ноги, поспѣшилъ въ тетушкино объѣзье.

На высокихъ подушкахъ сидѣла Настя, худая, въ англійской шляпкѣ, удивленно глядя большими, какъ сѣрое стекло, глазами; тетушка прилянула ей руку и сказала: „Ну вотъ привелъ Богъ увидѣться, милости

прошу, Настенька“... И Настя, аккуратно обдергивая юбку, выпрыгнула на лужокъ.

— Что вы такъ поздно, а мы заждались, — говорила тетушка, ведя всѣхъ въ спальню...

— Анна Михайловна очень беспокоилась, — замѣтилъ Африканъ Ильичъ.

Николушка, прохаживаясь по комнатѣ, вздернула плечи и развелъ руками; розовое, съ полнымъ вырѣзаннымъ ртомъ и изломанными бровями, лицо его было-бы красиво, если не одутловатость подъ глазами и морщины на лбу, какъ у обезьяны.

— Вотъ мы и пріѣхали къ вамъ, учите насъ уму-разуму, ругайте, тетя, — сказалъ онъ, слегка сутулясь.

— Что ты, милый, не мнѣ васъ учить, поживите здѣсь, отдохните отъ столицы, видишь, какіе замореные.

— На подножный кормъ ихъ, — сказали Африканъ Ильичъ.

— Не шутите сейчасъ, другъ мой. — Тетушка ваяла Николушку за руку, посадила рядомъ съ собой на кровать и обняла.

— Ты, милый, прости, если скажу не по душѣ, отъ сердца говорю и не нужно слова эти откладывать въ долгій ящикъ...

— Конечно, тетя, я давно хотѣлъ поговорить...

Тетушка подумала и начала издалека:

— Знаешь, что такое земля?...

Николушка удивленно посмотрѣлъ.

— Вотъ то-то, что не знаешь; у васъ въ городѣ пролетѣлъ на лихачѣ съ арфисткой — день и прожилъ; а у насъ день долгій, есть время оглянуться на себя. Вотъ дѣды твои, Николушка, никогда съ земли не съѣзжали,

въ городъ Симбирскъ являлись одинъ разъ въ году, на выборы ли, или насчетъ продажи, а о скукѣ или бездѣльи—думать то было стыдно: бездѣльничъ скучается, а у пахаря, когда за сохой идетъ, сзади крылья ангельскія. Колыбель твоя—земля, въ ней родился, къ ней и вернись...

Тетушка дергала Николушку за руку, ему было неловко сидѣть, и подкуривалъ Африканъ Ильичъ крѣпкимъ табакомъ.

— Не смотри, что имѣние разорено, всё дѣла поправимъ, объ этомъ заботится Африканъ Ильичъ, не покладая рукъ, и большое ему отъ всего нашего Турневскаго рода спасибо. А пока примись, за что хочешь, черепичный заводъ оборудуй или рѣжь торфъ; грибы можно сажать, я и каталогъ выписала—шампиньоны шибко идутъ за границу. А лѣтъ черезъ тридцать подрастеть лѣсокъ—встанемъ тогда на ноги. Примись-ка, имѣние спасешь и самъ человѣкомъ сдѣлаешься. А главнѣе всего—полюбить нужно трудъ, Николушка, чтобы сердце открылось, а тогда—увѣруешь...

Тетушка, волнуясь, встала въ сѣромъ своемъ платьѣ, въ морщинкахъ, и голосъ ея сталъ твердый.

— Въ Бога увѣруешь; никто теперь въ Бога не вѣритъ, потому что мода такая пошла, и недомыслие... Соловьевъ философъ тоже къ молодости не вѣрующей былъ... Лѣннимся мы думать объ этомъ. А я говорю: есть Богъ, и вѣрю въ это, духомъ всѣмъ вѣрю...

Тетушка стукнула ладонью по комоду.

Въ это время отворилась дверь, и въ парусиновомъ подрясникѣ, длинная какъ жердь, вступила въ комнату фигура попа Ивана. Попъ Иванъ оглядѣлъ новоприхав-

шихъ и ухмыльнулся, открывъ подъ рѣдкими усами желтые, какъ у старой лошади, зубы; да и лицо его все походило на кобылье, длинное съ широкой челюстью и большимъ между губой и носомъ разстояніемъ.

Только темные глаза были велики и прекрасны, но попъ щурился, нарочно придавая сатирическое имъ выраженіе, что происходило болѣе отъ смущенія, чѣмъ отъ природной насмѣшливости.

— Однако,—сказалъ попъ,—накурено.

За нимъ, каждое мгновеніе готовая улетѣть, вошла племянница Рая, въ свѣтлыхъ кудряшкахъ и розовомъ платьѣ.

— Вотъ я рада, что пришли,—сказала тетушка, поцѣловавъ Рачку и подводя попа за рукавъ къ приѣхавшимъ; Африканъ Ильичъ воскликнулъ:

— Э, попъ, да и съ дѣвицей.

— Неожиданное происшествіе,—проговорилъ попъ Иванъ, подавая руку лопаткой,—надолго ли въ наше захоluste?

— Николушка съ женой на всю зиму,—отвѣтила тетушка.

— Такъ,—и попъ устроилъ зловредную улыбку,—какія причины побудили васъ обречься на сидѣніе здѣсь?..

— Ну и язва,—захохоталъ Африканъ Ильичъ.

— Я хочу работать,—отвѣтилъ Николушка скромно,—въ дѣтствѣ меня не учили этому.

— Да,—сказалъ попъ,—полезно...

— Исполняя волю Анны Михайловны, буду я работать, тогда какъ, по собственному желанію, нѣтъ,—Николушка, горько усмѣхнувшись, взглянулъ на хо-

рошенькую Раечку.—Вот, онъ протянулъ руки,—когда-то подковы гнули, я сумѣю пойти за сохой, но въ душѣ останется вѣчная ночь, я слишкомъ знаю жизнь, чтобы чему-нибудь еще радоваться...

Николушка отошелъ и сѣлъ въ тѣнь, а Раечка воскликнула:—Господи...

Тогда Настя рѣзко засмѣялась; всѣ вздрогнули, и Николушка крикнулъ сердито:

— Тебѣ, маенькій, нечему смѣяться, глупо.

— Это хорошо, что вы себя осудили,—заговорилъ попъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ Николушку,—сдѣлали первый шагъ, всегда свойственно намъ другихъ обвинять.

— Онъ только и дѣлаетъ—другихъ ругаетъ,—горлоливо выговорила Настя.

— А теперь себя осудилъ... Невѣрующій?

— Да,—проговорилъ Николушка неувѣренно.

— Вотъ. Второй вашъ шагъ будетъ любовь, а послѣдній,—попъ поднялъ палецъ,—вѣра. Вотъ Анна Михайловна думаетъ, что мужикъ землю пашетъ и отъ этого вѣрить, а по-моему, ковыряя землю, земляного бога и найдешь, вонъ какъ у насъ на горѣ въ часовнѣ въ лаптяхъ Христосикъ сидитъ; по ночамъ, говорятъ, въ село ходитъ—бабамъ холсты бѣлить. Не такой нуженъ Богъ... Не такая нива.

Вчера попадья говорить:—сiju это я, попъ, на крыльцѣ и думаю, къ чему звѣзды... Ага, вотъ она нива то!

Попъ сердито ткнулся въ углы и сѣлъ.

— Батюшка, не будемъ сегодня спорить,—сказала тетушка,—я очень взволнована.

— У насъ попъ философъ,—воскликнулъ Африканъ Ильичъ и, засмѣявшись, закашлялся.

III.

Послѣ ужина, когда повеселѣвшій Африканъ Ильичъ добился таки прочесть статью Дорошевича и, окутанный дымомъ, развернулъ газету, вышелъ Николушка въ садъ, глубокой и сырой подъ яснымъ мѣсяцемъ задувающимъ легкій туманъ въ кустахъ и меланхолично настроившимъ томные голоса древесныхъ лягушекъ.

Рѣзко и нахально врываясь въ лунный ихъ хоръ, кричала на водяномъ листѣ зеленая квакуша, охваченная любовнымъ пыломъ, и въ лѣсу стонала сова.

По сгнившимъ ступенямъ Николушка вошелъ въ бесѣдку, въ концѣ сада надъ заводью, куда весной подходитъ широководная Волга, гоня вывороченныя деревья, подмывая зеленые берега, и, чиркнувъ спичкой, спугнулъ безтолково завозившихся подъ кровлей голу-бей.

Отсюда видны поемные луга съ пушистыми отъ тумана, овальными озерами, смутная куца мельничной запруды и далеко—Волга, стальной полоской.

Вдыхая ночной запахъ, вспоминалъ Николушка давнее, и дѣтскіе сны влетали въ то, что было много лѣтъ назадъ здѣсь и въ городѣ...

Въ этой бесѣдкѣ сидѣла мать въ лиловомъ платьѣ, пахнущемъ старинными, какихъ нѣтъ теперь, бархатными духами, и, опустивъ на руку блѣдное, съ темными вѣками, лицо, обнимала за плечи Николушку, смиреннаго, въ теплой матроскѣ.

— Кто эти бѣлые, что кружатся надъ водой,—спра-

шиваль онъ шопотомъ—правда ли, за кустами ходять хромые старики и продають черного жука.

— Мы одни теперь, совсѣмъ одни,—отвѣтила мать.

— А мы поѣдемъ къ папѣ?

И Николушка не понимаетъ, почему на руку ему падаетъ слеза...

Вытянувъ голову, съ перекладки внимательно прислушивается голубь, а Николушкѣ кажется, будто это такой маленький человѣкъ съ пичьей головой сидитъ; страшно отъ этого и интересно... Или глядятъ Николушка на огонь и на тѣни, которыя, если прищуриться, представляются воинномъ въ шлемѣ, или домою, или еще чѣмъ-нибудь.

Въ кабинетѣ отецъ говоритъ посыльному изъ магазина, чтобы за деньгами пришель завтра, а посыльный проситъ сейчасъ, хотя бы тысячу...

Слушая, какъ отецъ достаетъ деньги изъ стола, думаетъ Николушка, что мама сегодня просила купить сладкаго хлѣба, а лакей сказалъ: „баринъ, когда надождать, сердятся“. Тогда мать стала ѣсть сухарикъ и плакать.

Николушка хочетъ раздобыть деньги на печкѣ, куда въ хорошіе дни закидываетъ грязные мѣдяки, спускаетъ ноги на коверъ, но въ прихожей звонокъ, и, шурша платьемъ, въ кабинетъ проходитъ дама.

— Какъ вы добры,—говорить ей отецъ, должно быть, улыбаясь ласково и нѣжно.

Дама, вздыхая, быстро и обижено рассказываетъ; отецъ ходитъ по кабинету, восклицая: „ни за что!“—бросаетъ тяжелое на полъ, дама вскрикиваетъ, и въ то время, какъ бьется въ тишинѣ Николушкино сердце, слышенъ долгій поцѣлуй...

Стиснувъ горло руками, хочетъ бѣжать Николушка, но въ дверяхъ, придерживаясь голою до локтя рукой за бархатную занавѣсь, стоитъ въ монашескомъ платьѣ мать, покинутая, блѣдная, ужасная.

— Иди, иди отсюда, нельзя слушать,—говоритъ мать и увлекаетъ Николушку въ спальню.

Въ спальнѣ пахнетъ лѣкарствами и воскомъ. Нѣсколько желтыхъ свѣчей зажжены передъ образницей въ стѣнной нишѣ. Около—низкій стулъ съ высокой спинкой для положенія лба—такъ на колѣняхъ долгіе часы молятся мать, умерщвляя плоть поясомъ изъ желѣзныхъ прутьевъ, сжимающихъ грудь.

Остальные три стѣны до потолка закрыты рамочками, плотно повѣшенными другъ къ другу, но картинъ въ нихъ за вѣчнымъ сумракомъ не разглядѣть, да и не стоило бы—вырѣзываются онѣ изъ журналовъ, изъ конфеточныхъ коробокъ, иногда мать сама нарисуетъ голову Богоматери на золотомъ полѣ. Рамочникъ, страшный плутъ, приходитъ раза два въ недѣлю за долгомъ и, шепчась съ матушкой, соблазняетъ ее новыми багетами, тогда Николушка разыскиваетъ въ чуланѣ или за шкафомъ старый журналъ, и умильные картинки уносить благочестивый старичекъ, низко кланяясь и шаркая по ковроу.

— Никогда, слышишь ты, никогда не подслушивай, что говорятъ въ кабинетѣ,—порывисто шепчетъ мать,—твой отецъ высокой души человѣкъ, не тебѣ его судить...

Мать ставитъ Николушку рядомъ съ собой на колѣни передъ образницей, онъ глядитъ на свѣчу, и лучики кажутся пушистыми, влажными, раскнутыми повсюду.

Нелюбовь отца къ матери захватываетъ, переносится на сына, раздражая скрытую и большую ревность Николушки. Онъ растетъ между образницей и кабинетомъ, гдѣ часто разсматриваетъ закинутый и орлиный профиль отцовскаго портрета, съ глазами большими и чувственными. Вдыхая тонкій запахъ сигаръ, трогаетъ Николушка неубранный халатъ на спинкѣ кресла и фотографію незнакомой дамы на столѣ, блѣднѣя отъ непонятнаго чувства. Однажды Николушка поднялъ съ ковра забытую перчатку, сладко пахнущую, прижалъ вдругъ къ губамъ и носилъ подъ курточкой, не разставаясь...

Во снѣ сталъ видѣть пустыя, освѣщенные желтоватымъ, какъ бы сквозь стекло, свѣтомъ улицы города и ходилъ по нимъ, глядя на негорящіе фонари, на открытыя окна, гдѣ видся тонкій холодъ, и вдалекѣ, въ прорѣзи улицы, вставала фигура и отчетливая, и неясная, какъ будто женщины; темный запахъ духовъ захватывалъ дыханіе, нелъзы было бѣжать, и сонъ застывалъ, желтоватый, словно картонный... Вѣщій сонъ.

Николушка шумно вздохнулъ, два голубя, задѣвая крыльями о вѣтки, вылетѣли изъ-подъ крыши, а невдалекѣ слышны голоса тетушки, Насти и Раи.

IV.

Ужасно меня поразило, какъ онъ рассказываетъ, — тоненько говорила Рая.

— Мастеръ рассказывать, — отвѣтила Настя насмѣшливо.

— Знаете, Анна Михайловна, я никогда не видѣла ничего, — продолжала Рая, — и мнѣ сдѣлалось такъ интересно.

— Неужели?

— Какъ онъ сказалъ: „я все испыталъ въ жизни, въ душѣ моей вѣчная ночь“, я такъ и присѣла.

Николушкѣ было видно, какъ онъ подошли къ скамьѣ, и тоненькая Рая, стоя на краю дорожки, оглядывалась на далекій свѣтъ окна.

— Здѣсь совсѣмъ волшебю, никогда бы на нашемъ мѣстѣ отсюда не уѣхала, особенно сегодня, не знаю почему, мнѣ такъ радостно и сердце бьется. По правдѣ сказать, дядя Ваня за послѣдній годъ сердитый сталъ какой, раньше со мной въ перегонки бѣгалъ, увѣрялъ, что ему всегда весело, а теперь читаетъ по ночамъ или говорить примется, какъ люди Бога не знаютъ, я слушаю, слушаю и заллачу.

Тетушка засмѣялась, притянула къ себѣ Раечку и, обнявъ, посадила рядомъ...

— А сегодня такъ вотъ здѣсь и прыгаетъ, вы всѣ хорошіе, — она поцѣловала тетушку, — и Николай Михайловичъ.

— Смотрите, не влюбитесь, — перебила Настя.

Раечка осѣклась, а тетушка, вставъ, сказала дѣловито:

— Идемте-ка, Настенька, спать, вотъ и чихаете, постели вамъ въ кабинетѣ постланы, и вы, Раечка, маршъ спать.

— Анна Михайловна, я бы посидѣла здѣсь, ужъ очень хорошо, дядя Ваня позоветъ меня, какъ домой идти. Можно?

— Птичка божья, — цѣлуя ее, смѣялась тетушка, — и ушла, уведя Настю.

Тогда Николушка усталымъ шагомъ вышелъ изъ бесѣдки; Рая ахнула и встрепенулась.

— Любуется ночью, — сказал онъ, — я завидую юности, какъ ваша; сколько прекрасныхъ мечтаній впереди, ахъ, дай Богъ никогда не знать вамъ горя, вы словно ангелъ пролетите надъ землей...

Николушка устремилъ неподвижные глаза вдаль, говоря въ забытїи:

— Завидуешь красивой жизни и страшишься: неужели и она разобьется, упадетъ въ грязь? — и онъ бокомъ поглядывалъ на дѣвушку.

Закусивъ березовый листокъ, сидѣла Рая, опустивъ глаза, и прошептала:

— Расскажите... вашу жизнь.

— Рассказывать... Нѣтъ, вы не должны знать всю грязь, всѣ пороки, которые унесли мою молодость... Ахъ, хотѣлось бы теперь участїя свѣтлой, чистой женщины: поддержать, спасти меня, быть можетъ.

— Боже мой! — Раечка раскраснѣлась и горестно всплеснула ладошами...

Глаза Николушки поблѣзли и остановились, губы оттянулись внизъ.

— Женщины насильно похищали мою молодость, опустошали душу и, взявъ все, бросили пустую, сморщенную ветошку, и эти волшебныя озера не для меня! — Онъ оборвался; а отъ дома позвалъ Настинъ голосъ: — Кока, иди спать...

— Вотъ, вотъ, кто тянетъ на дно, эта женщина! — зашептала вдругъ Николушка и, махнувъ рукой, пошелъ по аллеѣ, а лунный свѣтъ трогалъ лицо его и спину ясными пятнами...

Скоро позвали и Раечку; попъ Иванъ повелъ ее черезъ ограду старой церкви по росистому лугу.

— О чемъ съ нимъ говорила? — спросилъ попъ Иванъ.

— Николай Михайловичъ такой несчастный.

— Ага, да ты плакала, кажется?

— Нѣтъ, я не плакала, а вамъ, дядя Ваня, нехорошо.

— Что нехорошо?

— Учите меня, что людей любить нужно, а сами такъ отзываетесь.

— Какъ отзываются, я тебѣ ни слова не сказала.

— Я и такъ вижу...

Попъ фыркнулъ.

— Ничего не видишь... А этотъ барчукъ...

Онъ открылъ ключемъ калитку и, пропустивъ Раечку впередъ, замѣшкался...

— Дядя Ваня, что вы, — спросила она.

А попъ Иванъ, стоя посреди аллеи, откуда какъ въ рамѣ видны дымные луга и выѣзъ мѣсяца по озерамъ, обернулъ удивленное лицо и, казалось, отъ радости у него польются слезы изъ глазъ...

— Рая, Рая, — говорилъ попъ Иванъ, — гляди же сюда, что мнѣ открылось...

Когда Николушка и Настя вошли въ приготовленную имъ на ночь комнату, у стола передъ свѣчей сидѣла тетушка и, глядя на кожаные сундуки — остатки Николушкинаго благополучїя, думала, что хорошо бы все это пожечь.

— На какія деньги куплено, тряпки всякія, притирания — грязь одна; заживешь тутъ по новому.

— Ну вотъ нашли шагуна, — сказала она Настѣ, — ночи-то какія у насъ, чудесныя; особенно въ разливъ,

бывало, до свѣту сижу на балконѣ. Ну, отдохайте, я пойду, устала съ непривычки старая тетка...

Тетушка встала и спросила дѣловито:

— Въ сундукахъ-то что?

— Въ этомъ платьѣ бальныя, а тамъ Кокино...

— Дорогое?.. Къ чему вамъ это теперь, пожечъ бы, право; станете здѣсь наряжаться... Тебѣ, Ницолушка, отличный дѣдушкинъ сюртукъ подойдетъ, въ талии пошире тебя будетъ, а вамъ, Настенька, перешью бабушкино платье, шелковое, куда если выѣхать... А ну-ну... спите, потомъ поговоримъ, Господь съ вами.

И тетушка, виновато улыбаясь, ушла.

Замкнувъ за нею дверь, съ привычнымъ жестомъ—руки въ бока, подошла Настя къ Ницолушкѣ и, поджавъ губы, зашипѣла:

— Ты къ чему это дѣвченкѣ голову морочить, развѣ я не знаю, какъ плакался передъ ней. Всѣ подлыя слова твои знаю,—она ткнула его указательнымъ пальцемъ въ лобъ.—этого не допущу.

— Убирайся отъ меня, дура.

— Ахъ, ты толкаешься, да я сейчасъ всю твою красную рожу расцарапаю...

Ницолушка зашелъ за кровать и, поглядывая, какъ надвигалась Настя, вдругъ крикнулъ:

— Если не отстанешь, тетю позову.

V.

Тетушка, сидя на высокомъ стулѣ передъ конторкой, сводила счета по объемистымъ книгамъ, заказаннымъ еще братомъ Аггѣемъ, ежедневно до трехъ часовъ проводившимъ время не здѣсь, гдѣ пахло махоркой и

мужичьими полшубками, а въ сосѣдней комнатѣ, соединенной съ этой окномъ.

Аггѣй, лежа на матерчатомъ диванѣ, пять подрядъ лѣтъ читалъ романъ Дюма—Виконтъ де Бражелонъ, забывая начало, когда переваливалъ къ концу, мечталъ, глядя въ окно, и толстѣлъ непомѣрно.

Объемиться, правда, и густою по всему тѣлу обростать шерстью началъ онъ со студенческихъ лѣтъ, когда на вакаціяхъ съѣдалъ за завтракомъ девять котлетъ, а десятую нюхалъ, увѣряя, что пахнетъ керосиномъ.

Во время дѣловыхъ разговоровъ мужикъ просовывалъ голову въ окошко, а Аггѣй, переверотаясь на спину, говорилъ:

— Ну, что тебѣ, пошелъ бы къ приказчику, видишь, я читаю.

Сегодня тетушка считала, противъ обыкновенія, невнимательно, думая о вчерашней суетлоктѣ, о предстоящей борьбѣ со всѣмъ, что нужно искоренить... Нарушилось недавнее равновѣсіе, будто маятникъ часовъ, что стояли у стѣны въ длинномъ ящикѣ, тронули грубой рукой, заметался онъ, неровно отбивая тактъ, остановились и побѣжали, нарушая мѣрность времени, рѣзныя стрѣлки.

— Сто двадцать три рубля, шестнадцать копеекъ,—держка перо въ зубахъ, шелкала счетами тетушка,—семнадцать рублей...

Въ контору, тѣснясь и топоча сапогами, вошли Сидоръ, Спиридонъ, Никитай и еще семь мужиковъ.

— Ну что, мужички, скажете?—положивъ перо, приѣжливо здоровалась тетушка.

— Да вот,—молвил Сидоръ,—къ вамъ мы, Анна Михайловна,—и побряхтѣвъ, оглядываясь на своихъ.

— Да,—подтвердилъ Никитай,—къ вамъ.

— Насчетъ луговъ, мужички, цѣну послѣднюю я сказала, уступить могу, пожалуй, только два рубля.

— Нѣтъ, не насчетъ луговъ,—мялся Сидоръ,—какъ порѣшили съ лугами, такъ и будетъ, обижать не станемъ, а мы на счетъ этого.

— Баловники,—сказалъ Никитай,—озорники.

— Да о чемъ говорите?

— Ребята наши огорчились, спалить хотѣть.

— Кого спалить?

— Да васъ, Анна Михайловна, ужъ не обижайтесь, на этой недѣлѣ спалимъ.

— Вѣрно,—сказали мужики,—такъ и порѣшили, въ пятницу или субботу.

Тетушка, облокотясь о конторку, задумалась, мужики молча топтались.

— Гумна палить или домъ?

— Зачѣмъ домъ, оборони Богъ, гумна.

Никитай, ступивъ впередъ, отворотилъ полу шубы и вытеръ ею носъ... Дѣдушка Спиридонъ облокотился на палку и, слезаясь, глядѣлъ на тетушку, весь бѣлый съ гусиной шеей.

— Съ батюшкой вашимъ Михаиломъ Петровичемъ на охоту ходилъ я,—сказалъ Спиридонъ,—волка тогда огромнаго убили батюшка вашъ. Бывало скажетъ: „знаешь, Спиридонъ, приведи мнѣ коня самаго что ни на есть рѣзваго“; вскочить на него и пошелъ, и пошелъ...

Спиридонъ пожевалъ лютватыми губами.

— И дѣдушку вашего Петра Михайловича помню,

ей Богу,—обернулся онъ къ мужикамъ,—высокій былъ баринъ...

— Чайку приходи ко мнѣ выпить, Спиридонъ,—сказала тетушка,—давно мы не толковали. Вотъ ты еще бодрый, а Глѣбушка ходить не можетъ, дохнетъ до крыльца, посидитъ, пошепчетъ, а ноги и слабы.

— Камердинеръ,—вѣжливо улынулся Никитай,—очень при баринѣ бѣгалъ много.

— За что же вы,—тетушка вздохнула,—неприятность мнѣ, мужики, дѣлаете, чѣмъ я провинилась передъ вами? Нехорошо это, сами на себя бѣду наводите, село заняться можетъ.

— Да мы имъ говорили, развѣ-бы сами по себѣ стали... А ребята-то листки читаютъ, шутъ ихъ знаетъ, откуда.

Мужики потолкались и скоро вышли, оставивъ въ комнатѣ духъ крѣпкій, не скоро выводимый.

— Вотъ, другъ мой, слышали, что хотѣть сдѣлать,—обратилась тетушка къ вошедшему Африкану Ильичу, заспанному, въ разстегнутой жилеткѣ.

— А пускай ихъ, гумна застрахованы.

— Мнѣ не это горько, другъ мой.

— Добротой, ваше превосходительство, мужиковъ до этого довелъ; конечно, станетъ на него Анна Михайловна жаловаться, жги ее во всѣ корки, а я вотъ сейчасъ къ становому.

— Нѣтъ, вы не ѣздите, Африканъ Ильичъ.

— Ужъ вы извините, поѣду.

— Я просила-бы не ѣхать.

Африканъ Ильичъ разставилъ ноги и крикнулъ:

— Много вы бабьимъ умомъ понимаете, ваше превосходительство... Эй, Машка, лошадей.

Но, конечно, не у́халь, и тетушка, сказавъ напо- слѣдокъ: „такъ-то, для ради гнилой соломы не губите человѣка“, просила его позвать въ контору Машутку.

Босыми ногами прибѣжала Маша и стала близъ тетушки, положивъ загорѣлую руку на конторку и спросивъ:

— Звали, тетенька?

— Вотъ что,—погладивъ ее, сказала тетушка,—ты помнишь, что Богъ всегда знаетъ, кто правду говорить, кто нѣтъ, и строго за неправду накажетъ.

— Помню,—вадохнула Машутка.

— Богъ слышитъ правду и радуется, а, когда Богъ радуется — дождикъ свѣтлый идетъ или свѣтитъ солнце.

— Развѣ я врала чего, тетенька?

— Нѣтъ, Машенька, не врала, а напередъ говорю; ты о чемъ съ молодымъ баринѣмъ сегодня утромъ разговаривала.

Машутка покраснѣла, ногтемъ царапая конторку:— Николай Михайловичъ спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ и кто мамынька у меня.

— Еще что?

— Еще, что больше нравится—бусы или полушамка. А потомъ сказалъ: „Машенька, принеси папироску изъ комнаты“.

Тетушка прижала къ груди Машину голову и напутствовала:

— Съ тобой молодой баринъ все шутить, а ты долгу не разговаривай, не надѣдай, черноглазая моя.

И закрыла конторскія книги, глядя, какъ за окномъ на тусклой сирени прыгали, пища, хитрые воробы, и долго качала неодобрительно головой.

Съ тетушкой въ дверяхъ столкнулся Николушка и голосомъ выдвораживающаго воскликнулъ:

— Дайте мнѣ работу, тетя, я не могу даромъ ѣсть хлѣбъ.

— Какую же тебѣ, батюшка, работу, отдохни сперва.

— Я буду исподволь приучаться, хоть библиотечку можно разобрать.

— Вотъ удружилъ. И каталогъ гдѣ-то старый валяется... Сейчасъ народъ къ тебѣ сгоню,—сказала обрadowанная тетушка и поспѣшила распорядиться.

VI.

Въ библиотекѣ на полъ-аршина лежала пахучая пше- ница, раздаваясь и хрустя подъ ногами; пыль густо покрывала карнизы и на поверхности столовъ расхо- дились слѣды мышиныхъ лапокъ.

Лопатами Матвѣй-кучеръ и дѣвченки погнали пше- ницу изъ библиотеки въ залу, поднимая густое облако, отъ чего лица и рты сдѣлались сѣрыми; косою лучъ кру- жилъ, золотя, пыль; мышиха покидала въ открытомъ гнѣздѣ розовыхъ мышатъ; испуганный голубь леталъ подъ потолкомъ, задѣвая крыльями рѣшетку.

— Довольно,—сказалъ Николушка, вытирая потное лицо,—подметите теперь и ступайте...

Въ библиотекѣ открыли окна, и травянистый влился въ залесневѣлую комнату воздухъ вечера. Николушка, стоя на лѣстницѣ, открылъ узкую дверцу перваго шкафа, откуда легко посыпалась труха свѣденныхъ мышами книгъ.

— Ай,—крикнула, отряхиваясь, Машутка; Нико-

лушка обернулся; дѣвушка стояла у стола, поглядывая исподлобья на молодого барина.

— Ты зачѣмъ тутъ,—сказала Николушка и, захвативъ обѣими руками труху, бросила ее на Машутку:— а это видѣла!

— Только подмели, баринъ, а вы сорите,—сказала Машутка, махнувъ косенкой.

— Дай-ка я тебя отряхну.

Сойдя нѣсколько ступеней, нагнулся онъ и, растрепавъ Машуткѣ волосы, легонько погладилъ ее круглую, какъ яблоко, грудь...

— Не надо,—сказала Машутка шопотомъ, но не отошла.

Николушка разсмѣялся и, открывъ второй шкафъ, гдѣ не хозяйничали мыши, съ трудомъ вынулъ изъ плотной кипы книгу въ желтой кожѣ съ золотомъ.

— Что съ книжками то сдѣлаете?—спросила Машутка.

— Читать, глупая, буду, вотъ слушай: сочинение Вкартгаузена—„Семь таинствъ природы“. А вотъ: „Путешествіе Анахарсиса Младшаго“, поняла?

— Поняла.

— Ну и выдумываешь; а вотъ,—Николушка сощелъ съ лѣстницы и сѣлъ, читая:—„Неонилла или распутная дщерь“.

— Чего это?

— Слушай... „погубивши въ своемъ жестокомъ распутствѣ благороднаго кавалера виконта де Зарно, тщеславная продолжала гнусныя козни, противныя столь же людямъ, сколь и Творцу, создавшему мерзкую тварь“...

Машутка, рассматривая картинку, изображающую

Неониллу, безъ рубашки, въ постели, лицомъ внизъ и камеристку около, приготовляющую аппаратъ для облегченія желудка, а въ дверяхъ кавалера де Зарно, придвинулась и дышала Николушкѣ на щеку...

...но обладала распутная,—продолжалъ читать Николушка,—столь совершенной красотой, что даже духовникъ, забывая свой санъ, плясалъ передъ ней, поднимая ясу“...

Машутка дышала такъ близко и коса ея касалась лица такъ нѣжно, что раскраснѣвшійся Николушка, взглянувъ въ темные глаза дѣвочки, привлекъ ее за сталь и медленно поцѣловалъ въ полуоткрытыя, тихія губы.

Случилось такъ, что тетушка, желая освѣжить пыльную залу, отворила балконную дверь и, войдя, увидѣла Машутку перекинутую назадъ съ руками, упирающимися въ плечо Николушки, и его, охмѣлѣвшаго въ долгомъ поцѣлуѣ; кругомъ же—брошенные книги.

— Это что такое,—воскликнула тетушка...

— Николай!—въ волненіи ходя по бібліотекѣ, говорила она,—Маша взята мною на полную отвѣтственность, ей теперь шестнадцать лѣтъ, ты понимаешь?.. Я знаю, человекъ ты молодой, кровь кипитъ, Машутка красавица... Да что, въ самомъ дѣлѣ, мало тебѣ одной бабы; отъ бездѣлья на грѣхъ идешь. Да какъ ты догадался къ Машуткѣ лѣзть. Покаянись передъ крестомъ,—изъ-подъ кофточки вынула тетушка связку образковъ и крестиковъ,—на крестѣ покаянись не трогать Машутку. Не выпущу, пока не дашь клятву...

Испуганный Николушка покаялся, и тетушка отвернулась къ окну, гдѣ въ зелени березъ, скромный и старенькій, горѣлъ въ закатѣ крестъ турневецкой церкви; а въ саду ходили Настя и Раечка.

Охвативъ Раю угломъ пуховой шапки за плечи, говорила Настя, близко наклоняясь.

— Не вѣрьте ему, миленькая, мастеръ онъ плести чудеса, такимъ несчастнымъ представится—заревешъ, какъ дура, хотя знаю его, насквозь вотъ какъ стеклышко. Какой онъ несчастный, старая женщина его подобра, такъ онъ въ два года грива тысячь ея денегъ протрясъ, а потомъ со мной связался... — А безъ разговоровъ никакъ не можетъ, такая природа; для этого и сюда прѣхали, чтобы разговаривать.

Настя фыркнула и крѣпко прижала Раечку.

— Не вѣрите вы мнѣ, душенька, думаете, я его, правда, загубила; я сейчасъ покажу, какъ онъ со мной поступаетъ.

Растегнувъ пуговицу обшлага, подняла Настя рукавъ на худой и бѣлой рукѣ своей; повыше локтя шелъ розовый шрамъ, съ одной стороны еще не зажившій.

— Онъ полоснумъ; озвѣрьте, такъ ему что чело-вѣкъ, что стѣна, все равно.

Настя съ поднятой, голой рукой стояла передъ Раечкой... Потомъ сказала измѣнившимся голосомъ:

— Поцѣлуйте!

— Господи,—воскликнула Раечка, и губы ея задрожали,—зачѣмъ все это мнѣ рассказываете.

— А вамъ что, жалко?

— Не знаю, неправда все, неправда.

— Знаете, что, бросьте-ка Николку жалѣть, съ меня хватить жалости. Видишь нашлась...

И уперла уже Настя руки въ бока, но, взглянувъ на часто моргающую дѣвушку, схватила ее за шею и порывисто, по-мужски, поцѣловала.

— Цыпочка моя, люблю васъ, настоящій ангелочекъ.

Какъ ребенокъ прижалась Раечка къ Настиной груди, готовая заплакать, и шептала...

— Не сердитесь на меня, вы хорошая.

— Знаете что, ангелочекъ, будемъ подругами, вы мнѣ все рассказывайте, а я вамъ, спать будемъ вмѣстѣ, Николку я прогону, ляжемъ подъ одѣяло, тепло васъ обниму, такъ и заснемъ... хотите, золотая...

— Хочу,—лепетала Раечка.

— Что мужчины! всѣ на одинъ фасонъ: грязные да грубые. А васъ, нѣжненькая, цѣловать нужно, какъ цвѣточекъ.

— Не понимаю я...

— Понимать вамъ нечего, сядемъ здѣсь... — Ставь на колѣни, цѣловала Настя Раечкины руки, заглядывала въ глаза, сжимала ее, трепетную и покорную.

VII.

Николушку отправили въ лѣсъ—провѣтриться. Узнавъ о предстоящемъ поджогѣ, раскричался онъ, грозя перестрѣлять всѣхъ мужиковъ, и, упрекнувъ тетушку въ потакательствѣ, вооружился съ головы до ногъ, приведя этимъ въ неописуемое восхищеніе всѣхъ дѣвченокъ на кухнѣ, но тетушка, отобравъ кинжалы и пистолеты, посадила его въ телѣжку, дребезжащую такъ, будто была она и кузницей въ то же время, и проводила за ворота...

— Ступай, батюшка, просвѣжись.

Николушка, похлестывая лошадедку, тихо ѣхалъ, лицо его было рѣшительно.

— Эй, дѣдъ, отворяй,—крикнулъ онъ у околицы.

Изъ шалаша, похожаго на войлочный колпакъ, вы-

шелъ старичекъ и долго, задрать голову, глядѣлъ на новаго барина.

— Сейчасъ, сейчасъ,—молвилъ старичекъ, неторопливо отворяя ворота,—откудова ты, милый?

— Но Николушка, не отвѣтивъ, покатилъ подъ горку, и долго вслѣдъ ему глядѣлъ и трясъ головой забытый старичекъ, среди голаго поля у трехъ дорогъ. Лѣсъ, куда Николушка ѣхалъ, долженъ стать, по выраженію Африкана Ильича, кладомъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ. Когда-то, при дѣдахъ Туреневыхъ, шумѣли онъ, далеко раскинувшись, мачтовый и глухой; валили его на постройки, съ осени перекручивая у комля проволокой, и отъ этого дерево становилось крѣпкимъ, какъ желѣзо, янтарнымъ и долговѣчнымъ.

Теперь-же, все время вывертывая возжу изъ-подъ рѣпницы лошаденки, которая не столько отъ мухъ или дурной привычки махала хвостомъ, сколько выкасать желала этимъ пренебреженіе сѣдоку, увидалъ Николушка тощую основную балку, вдоль оврага и на опущѣ обципанннй орѣшникъ, гдѣ прыгалъ спутанный конь.

— Гдѣ здѣсь туреневскій лѣсъ?—спросилъ Николушка у мальчишки, караулившаго лошадей.

— А вотъ,—сказалъ мальчишка,—только и есть!—И ударилъ, лежа на животѣ, сзади себя пятками.

Николушка, оставивъ тарантасъ, пошелъ по тропинкѣ черезъ оврагъ, и мшистые стволы, сырватый запахъ листьевъ и небо синее, какъ прохладная вода, заставили его меланхолично задуматься, вспоминая далекіе парки Парижа и всю милую, легкомысленную, испорченную, какъ крыло тронутаго рябчика, залитое сухимъ Аи, жизнь свою.

Съ удивленіемъ оглядывая теперешній свой нарядъ страдальчески наморщилъ онъ лобъ и легъ на землю. Надъ головою немолчно шумѣли деревья, кричала иволга, и кто-то невдалекѣ ходилъ, ломая иногда сухую вѣтку, и вдругъ запѣлъ:

„Летѣли бѣлые гуси, за море далеко“.

Николушка открылъ глаза и увидалъ Раю.

— Ахъ,—воскликнула она.

— Пріѣхалъ я посмотрѣть на наше заустѣніе,—говорилъ Николушка,—все прахомъ пошло, и домъ, и лѣсъ, и люди...

— А я люблю этотъ лѣсокъ; смотрите-ка, сколько грибовъ собрала, бѣлые, а вотъ рыжики.

— Да, много, и какъ пахнутъ.

— Ни одной червоточки.

Раечка остановилась на минутку и глубоко вдохнула:—воздухъ очень чистый... А я все думала, отчего люди несчастные.

Николушка сразу сгорбился послѣ ея словъ, скорбныя морщины легли на лбу и въ угмахъ рта, руку онъ положилъ на грудь, сказавъ:

— Нѣтъ, лучше не будемъ говорить обо мнѣ, рана, нанесенная людьми, не скоро заживетъ; только любящая рука могла-бы исцѣлять ее. Эхъ, все равно, буду прозябать, забывъ мечты о лучшемъ, придетъ кто-нибудь, сильный, столкнетъ меня, какъ ненужную вещь.

— Николай Михайловичъ, зачѣмъ такъ говорить, смотрите—лѣсъ какой свѣжій... Я бы не знаю, что сдѣлала.

— Нѣтъ, нѣтъ, забудьте меня, вы должны полюбить сильнаго человѣка, помѣщика, архитектора...

— Архитектора?—спросила Раечка.

— Да, спасибо за участие, оно врачует меня; иногда, смотря на эти деревья, я плачу—почему я не крестьянинъ съ топоромъ въ рукахъ, рубящій громадыя сосны; летать щепки, капаетъ, какъ слезы, смола...

— Боже мой, какъ вы говорите...

— Да, я несчастный; утѣшаюсь мыслью, что скоро всему конецъ...

— Я хочу помочь вамъ, но я, правда, глупая.

— Любите меня, — въ неудержимомъ порывѣ восклицая Николушка, — вы — ангелъ, ахъ, что я говорю, простите, простите...

Локончики у Рая развились, грибы падали изъ лукошка, и свѣтило солнце на розовое ея платье...

— Рая, — сказалъ Николушка и взявъ ея руку, — спасите меня, — лицо у него перекошилось, и, опустивъ на колыни, прижался онъ къ ногамъ дѣвушки, всхлипывая, цѣлуя горячія Раечкины руки...

...Часа два спутся Николушка бѣгалъ по корридору и, растворяя двери, кричалъ въ пустыя комнаты: — тетя, тетя...

— Кто тебя, батюшка, укусили, — сказала тетушка, высовываясь изъ спальни...

— Тетя, я къ вамъ.

Николушка упалъ въ кресло, не снимая шапки, и злыми, зелеными глазами глядѣлъ на Настю, сидѣвшую, охвативъ колыно, на скамейкѣ у тетушкиныхъ ногъ.

— Уйди, — сказалъ Николушка Настѣ... и взвизгнувъ: — уходи же!

Настя, спокойно глядя въ лицо ему, встала и вышла.

Николушка вскочилъ и сѣлъ опять...

— Тетя, вы хотите, чтобы я сталъ человѣкомъ, — ядовитымъ шепотомъ, сжавъ руками голову, вдругъ заговорилъ онъ, — тетя, хотите, чтобы я сталъ молодъ, здоровъ, зарабатывалъ деньги. Вотъ! человѣкъ только что протягиваетъ руки къ счастью и вдругъ — трахъ, отсѣкаютъ руки, которые... Эта Настасья, ужасная женщина...

— Постой, Николай, говори по-человѣчески, что случилось.

— Тетя, я женюсь на Рансѣ...

VIII.

Въ спальнѣ пахло валерьяномъ. Съ компрессомъ на головѣ лежала тетушка въ креслѣ, страдая мигренью; Африканъ Ильичъ вдыхалъ, помалкивая, вдыхала и тетушка.

Было послѣ обѣда—то время, когда по усалбамъ и деревнямъ дремлютъ куры и собаки, похрапываютъ люди въ тѣни забора и на заваленкахъ; мальчуганъ какой-нибудь сидитъ на кучѣ золы въ завязанной узломъ на спинѣ рубашонкѣ и сладко зѣваетъ, держа въ грязномъ кулакѣ заморената воробья; а гдѣ-нибудь въ избѣ молодайка, на носяхъ, поетъ однообразно, передъ ней чашка съ теплымъ квасомъ, по столу ходятъ мухи, тошно пахнетъ лукомъ, сквозь засижженное окно тотъ же все амбаръ и желтый выгонъ...

Сосетъ въ боку у молодайки, негромко растягиваетъ она подголосокъ, а свинья подъ окномъ слушаетъ, кусаннымъ ухомъ отмахивая мухъ.

Такъ вотъ и сейчасъ на черномъ крыльцѣ пѣла Василиса-стрипка ту-же пѣсню, и сказала Африканъ Ильичъ:

— Баба, какъ воетъ.

Не открывая глазъ тетушка кивнула.

Не легко досталась ей вчерашняя исторія. Подслушавъ у дверей Николушкино заявленіе, ворвалась Настя въ спальню звѣрь-звѣремъ. Николушка, при видѣ ея красноватыхъ глазъ, потерявъ присутствіе духа и вдругъ, обернувшись къ тетушкѣ, вскрикнулъ: — вотъ тетя, видите! какъ же я съ нею сдѣлаюсь...

Тогда Настя ударила его по лицу и, вцѣпившись въ волосы, кричала внѣ себя. Николушка плюнувъ на нее, махалъ кулаками, тетушка самоотверженно проникла между враждующими, прибѣжавшій Африканъ Ильичъ взялъ Настю въ охапку и унесъ, а она кричала: — „погоди ты у меня; я твоей шляпкѣ прическу поправлю“. Николушка, плача на тетушкиномъ плечѣ, то на жилетѣ Африкана Ильича, снова разсказалъ исторію своей жизни... Вго отпоили водкой. Далеко за полночь слышны были въ старомъ дому всхлипыванія, порой буйные крики и монотонный гомосъ отчитывающей тетушки.

Машутка, несмотря на страхъ къ привидѣніямъ, которыя шатаются ночью за церковной оградой, сбѣгала подъ поповское окно и разсказывала потомъ на кухнѣ, какъ попъ Иванъ безъ подрясника, въ розовыхъ штанахъ, ходилъ журавлинымъ шагомъ по горницѣ, размахивая руками, а Раечка, спрятавъ лицо въ подушку, рыдала на голубенькой кровати.

Утомленная душевно, пошла утромъ тетушка къ попу Ивану, но онъ уже усаживалъ Раису въ старенькій тарантасъ, холодно объяснивъ тетушкѣ безнравственность ея племянника; зачмокавъ на рыжого ме-

ренка и уѣхавъ, вѣя, какъ флюгеромъ, сторванной полой шляпы.

Грустно побрела домой тетушка, оглядываясь на уѣзжающихъ, и вдругъ замѣтила, какъ навстрѣчу имъ изъ-подъ плотины вышелъ человекъ и замахалъ картузомъ. Попъ Иванъ, привставъ, хлесталъ лошадь. Раечка потянулась было изъ телѣжки, но, прижатая поповской рукой, закрылась платочкомъ.

— Да это Николай,—подумала тетушка и подождала племянника.

Онъ, не раздѣваясь, проспалъ всю эту ночь на креслѣ въ столовой и рано скрылся, оставивъ на краю стола много лежащихъ окурковъ...

— Ну, вотъ ты гдѣ,—сказала тетушка.

Губы у Николушки пересохли, брови сдвинуты были скорбно...

— Простите, тетя, — сказалъ онъ, — что доставилъ столько хлопотъ.

— За что простить, что съ тобой?

Николушка, отойдя нѣсколько шаговъ, обернулся.

— Вамъ-то не все ли равно. Звѣри...

И, покачиваясь, ушелъ въ кусты.

Такъ захворала тетушка мигренью...

Тетушка сказала, сдвигая компрессъ: „я все думаю, другъ мой, грѣхъ ждать награды отъ людей, но какъ-то обидно, что Николушка неблагодарный, я для него выхожу какъ всѣ, только обидчица... Нѣтъ во мнѣ увѣренности, что смогу до конца выдержать испытаніе. Настя сердится, будто бы сводила я Раю съ нимъ, кричала вчера на меня“.

— Увести ее надо въ Рѣпьевку, пусть у тамошняго управляющаго поживетъ,—сказалъ Африканъ Ильичъ.

— Я думала объ этомъ, серьезный шагъ... Нѣтъ, съ ней очень опасно круто поступать.

— Отодрать, шелковые стануть.

Тетушка улыбулась...

— Я боюсь еще за Машутку. Куда она провалилась, позвать бы, другъ мой.

— Ну, за Машутку-то я и ноги обломаю, не хочеть ли этого—могила!

И Африканъ Ильичъ показалъ кулакъ.

— Помогите мнѣ Богъ, дай силы,—говорила тетушка.— Какъ вернется батюшка, скажите ему, другъ мой, что хочу исповѣдываться и черезъ недѣлку, если допустить, пряму святое причастіе. Очень это меня укрѣпляетъ.

Африканъ Ильичъ заерзалъ на стулѣ сердито. На черномъ крыльцѣ пѣла Василиса все одну пѣсню. И лучше бы не было пѣсни этой на крещеной Руси.

IX.

Николушка перелѣзъ черезъ плетень и пошелъ мимо сада и гумень въ луга къ мельницѣ. Деревянная ея крыша, темная и пестрая отъ лишаяевъ, лежала невысокимъ скатомъ надъ плотиной; направо, гдѣ огибали озеро полукольцомъ кряжистые осокори, стояли распряженные телѣги.

У шлюза крутилась вода; забилаь, дробя свою гладь и легко бѣжала тонкимъ слоемъ по скользкимъ доскамъ въ деревянное русло, подъ которымъ шумѣли отъ частой капли густые лопухи.

Со скрипомъ поворачивалось грузное колесо, и падала вода съ него подъ дубовые столбы, дѣлаясь зеленой.

Стучали деревянные шестерни, и запахъ дегтя и сырости былъ милая тому, кто въ дѣтствѣ лазилъ въ подполье по зыбкимъ доскамъ, глядя сквозь щели на затхлостью пахнущую воду и ловилъ лягушекъ на красную тряпочку, со страхомъ зная, что подъ водой, ухватив лапами зеленныя свав, сидитъ въ омутѣ водяной.

Изъ подполья Николушка, рѣшившій домой не являться, поднялся въ засыпное отдѣленіе, гдѣ, кружась въ свѣту, ложилась повсюду мучная пыль, а подъ деревянными воронками порхали тяжелые жернова.

Сквозь открытыя ворота, какъ въ рамѣ, видно было голубое небо, струился кверху дымъ костра, и у опростаннаго котелка лежали мужики, прѣхавшіе съ ночевой за помодомъ. Посреди ихъ, бѣлобородый, заложивъ въ уголь рта трубку, сидѣлъ мельникъ Провъ—никомаевскій солдатъ, и рассказывалъ.

Трудно добиться рѣчей отъ Прова, но, когда откроеть ротъ — слушаешь, во всю зиму эдакого не придумаешь, лежа на печи подъ полшубкомъ.

— Кольдунъ онъ былъ, Шамилъ то, — продолжалъ рѣчь свою Провъ,—что народу нашего загубилъ—тучи. Только заперли мы его на горѣ, ни ему ходу, ни пищи; поставили лѣстницы; полѣзли; тѣ нашихъ изъ ружей, а мы ихъ пушками. Памили да лѣзли; и увидали солдатики черкеса на горѣ—видимо невидимо; а Шамилъ ихній на камнѣ сидитъ—книжку читаетъ. Сдавайся, кричимъ ему. Не сдадимся, отвѣчаетъ. И что же, братъ мой, думаешь: черкесь этотъ самый завернется въ бурку да съ конемъ въ море и сиганетъ. А съ горы до воды летѣтъ ему.—Провъ подыять палець,—осемнадцать верстѣ.

— Подумай вѣдь, — говорили мужики, а Николушка, подойдя, присѣлъ около Прова и разсмѣялся:

-- Ты, старикъ, заврался, на Кавказъ горь то нѣтъ такихъ высокихъ.

Провъ нахмурился съ достоинствомъ: „что мнѣ врать, самъ видѣлъ“.

— Еще бы,—поддакнули мужики.

— Ты бы меня лучше попросилъ рассказать,—развязно продолжалъ Николушка,—какъ я на автомобилѣ переѣхалъ черезъ Пиринеи; отправились мы двое съ шоферомъ...

— Муку твою сегодня покончимъ, — обратился къ мужику съ козлиной бороденкой Провъ.

— Вотъ благодарямъ.

Николушка обидѣлся, что не слушаютъ его, и перемѣнилъ разговоръ:—Ну что, мужички, какъ урожай,—воскликнулъ онъ съ дѣловымъ видомъ.

Никто конечно не отвѣтилъ, а Провъ, насилу разогнувъ худыя колѣнки, пошелъ съ мужикомъ на мельницу.

— Папироску!—открылъ Николушка портсигаръ,—да что они сердятся на меня, что-ли—подумалъ онъ и, обиженный, отошелъ, сѣвъ на разбитый жерновъ.

Тогда замѣтилъ онъ Машутку.

Въ черной кофѣ (такова мода сельца Туреневки), приподнятой на груди, сидѣла она у тѣлѣж, поджавъ ногу, другую, загорѣлую и босую, вытянула впередъ; опустивъ глаза, перебирала бахрому косынки, и брови ея, словно черкнутыя углемъ, удивленно двигались.

-- А ты здѣсь,—сказалъ Николушка,—вотъ тетя тебѣ дасть.

Машутка взглянула большими, тѣнистыми отъ рѣсицы, глазами и густо покраснѣла.

— Ага,—подумалъ Николушка,—кажется влюблена; а, вѣдь, красивая дѣвченка.

И принялся мечтать, курия и моргая...

Вечерѣло. Мужики разбрелись; кто подмазывалъ тѣлѣжъ, кто просто лежалъ на животѣ, глядя на воду... Машутка нехотя встала и, еще разъ быстрозглянувъ на Николушку, пошла, легко и осторожно ступая пальцами босыхъ ногъ.

— А, чортъ,—сказалъ Николушка и закурилъ новую папироску. Всталъ вдругъ быстро и пошелъ къ дому, въ обходъ, черезъ тальники и мочежину.

Не упуская Машутку изъ виду, перепрыгивалъ онъ, держась за кусты, черезъ кочки, тяжело дышалъ и торопился. Когда Машутку скрыли тальники, побѣжалъ, спотыкаясь, упалъ руками въ грязь и опять продирался, царапая лицо о сухія вѣтви, пока не опередилъ обходомъ торопливо идущую дѣвчушку.

А у мельницы оживленно о чемъ-то шумѣли мужики, показывали на Николушку пальцемъ.

Сумерки быстро падали, какъ паутина на отдыхающую землю; пахло болотными лягушками...

Николушка вѣбжалъ на гумно, что на пригоркѣ, и сѣлъ въ солому, поджидая Машу...

— Милая, милая, поцѣлуй тебя только!

И Николушка разстегнулъ, рванувъ на груди, теплый свой кафтанъ.

Х.

Настя сумерничала, глядя въ тусклое окно; узкая рука ея у ворота придерживала пуховый платокъ, коричневымъ цвѣтомъ своимъ и уютностью заставлявший какого угодно человѣка предаться меланхолии.

— Лежать я не могу,—сказала тетушка,—безпокойство какое-то.

Снаружи къ окну поднялся на лапкахъ сѣрый котъ, внимательно заглянулъ въ комнату и ушелъ... Настя безпокойно зашевелилась скававъ: „къ чему это котъ въ окнѣ?...“

— Николушки все нѣтъ? — спросила тетушка уныло.

— Придетъ...

— Не случилось бы чего, я дѣвченокъ за нимъ въ лѣсъ послала и на мельницу...

— У меня подруга была,—продолжала постѣ молчанія Настя—звали Драма, готовъ боялась. Жили мы на Сергѣевской...

— Вы все сердитесь, тяжело вамъ, Настенька, я понимаю.

— Нѣтъ, не сержусь.

— Помирились бы. У молодого человѣка должны быть увлеченія, а женѣ нужно прощать—пошалитъ онъ и вернется.

— Прощать-то нечего. Такъ живемъ, какъ во снѣ. Я обиды не хочу, пусть мимо идутъ.

— Настенька, а вы вѣрите?

— Онъ никого не прощаетъ; вотъ увидите, мстить мнѣ еще будетъ, за что я отъ дѣвчонки его отогнала.

— Какъ мстить?

— Мало-ли какъ, придумаетъ... Вотъ насильничаетъ надъ Машуткой и расскажетъ мнѣ, какъ все было..

— Что вы говорите. Никогда. Николушка даль торжественную клятву на крестѣ—Маши не трогать.

— Увидимъ.

— Настенька, вѣдь такъ жить нельзя; я много думала,

лучше бы вамъ развѣхаться на время. Не гоноу, не гоноу, не поймите криво мои слова. Вы бы у меня пожили, а Николушку въ Казань свеземъ въ училище для пивоваровъ—пустъ выучится пиво варить. А потомъ, если Богъ дастъ, откроемъ свой заводъ, и заживете вотъ какъ хорошо. Правда?..

Тетушка погладила Настенькину руку. Настя руку отдернула.

— Этого, Анна Михайловна, я не допущу.

— Почему?

— Нѣтъ, вы насъ не трогайте, на одной я дорожкѣ съ Николкой сошлась, вмѣстѣ до конца пойдемъ.

— Настенька, вы людьми станете, развѣ хорошо такъ-то жить?

— Не хочу быть людьми, любви вашей не хочу...

Тетушка замолчала...

— Дура я,—сказала Настя; всхлинула вдругъ и, откинувъ голову на кресло, застыла. Блѣдный ея профиль четко рисовался на темной матеріи и, словно огнемъ озаряемый изнутри, яснилъ; розовѣя, причудливый свѣтъ озолотилъ лобъ и волосы, и вотъ изъ темноты выступила вся освѣщенная голова ея съ закрытыми глазами.

— Что это,—воскликнула тетушка,—свѣтъ какой..

Настя открыла глаза и ахнула: на полу лежалъ красный четырехугольникъ окна, и всѣ предметы приблизились...

— Африканъ Ильичъ, идите сюда,—спѣша къ двери звала тетушка.

— Пожаръ,—сказалъ Африканъ Ильичъ, входя,—гумна жгутъ.

— Что дѣлать. Николушки нѣтъ и Машеньки нѣтъ; дѣвченки, бѣгите, ищите ихъ.

Захлопали двери, подулъ сквознякъ; Настя внизъ лицомъ легла въ подушки; Африканъ Ильичъ, заложивъ руку за спину, смотрѣлъ въ окно, сутулый и багровый...

— Пришелъ, пришелъ,—закричали изъ кухни.

Тетушка выбѣжала навстрѣчу и надрывающе вскрикнула. Безъ шапки, съ разбитымъ въ кровь лицомъ, вошелъ Николушка въ спальню и оттолкнулъ тетку...

— Оставьте меня, ерунда.

Настя подняла голову изъ подушекъ и вдругъ засмѣялась:

— Отдѣляли тебя, голубчикъ...

— Кто же это тебя?—спрашивала тетушка...

— Мужики, всѣхъ перестрѣляю; подъ судъ ихъ.

Голосъ Николушки оборвался, и опустил онъ распухшее лицо на ладонь, всхлипывая.

— Бѣдненькій мой сиротинка, не огорчайся, ахъ, они злые люди,

— Я одному такъ закатилъ, въ зубы прямо.

— Успокойся... Африканъ Ильичъ, дайте полотенце, другъ мой.

— Гдѣ же васъ отдѣляли, — спросилъ Африканъ Ильичъ, — солома въ головѣ, гумно что-ли защищали?

— Мужики набѣжали съ мельницы и съ деревни...

— Машутку не видѣлъ? — торопливо спросила тетушка.

— Убѣжала, успѣла.

Африканъ Ильичъ выразительно взглянулъ на тетушку и кивнулъ... Тетушка покачала головой.

Настя, странно улыбаясь, соскочила съ кровати, на-

клонилась къ Николушкиному лицу и воскликнула весело:—такъ ты и тамъ попользовался, Кока, а ну, расскажи.

Гумна еще пылали, когда Африканъ Ильичъ вышелъ въ садъ. Тонкій дымъ стаялся надъ влажной травой, алѣли стволы березъ, поблескивала на деревьяхъ темная листва, изчернокрасныя тѣни чертили лугъ, и сухая верхина тополя одна четко рисовалась на небѣ.

А домъ, глядя въ дымные луга багровыми окнами, поднялся по поясъ изъ темныхъ зарослей, ожившій, угрюмо нарядный, торжественный. Двѣ розовыхъ колонны обвилъ змѣеобразно плющъ, обезпоеенные голуби, вылетая изъ-подъ карниза, таяли въ заревѣ.

Внутри кто-то перебѣгалъ отъ окна къ окну и, распахнувъ обнаженной до плеча рукой раму, вскрикнулъ и отшатнулся.

Африканъ Ильичъ взошелъ поспѣшно черезъ балконъ въ залу, гдѣ двигалась по стѣнѣ частой сѣтью тѣнь рѣшетки; сурово глядѣлъ предокъ въ золотой рамѣ; суетливо пробѣжала крыса.

Увязая по колѣно въ зернѣ, шагаль онъ изъ комнаты въ комнату, ища кричащаго. Въ библиотекѣ, у чернаго шкафа, на лѣстницѣ, лежали забытые воякомъ, ползали отблески пожара на лакированныхъ дверцахъ, мѣдныхъ наугольникахъ... Окно было приотворено, и у стѣны, за орѣховой колонкой, растрепанная сидѣла, раскрывъ дикіе глаза, Машутка, въ изорванной кофтѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—строго спросилъ Африканъ Ильичъ,—идемъ-ка къ Аннѣ Михайловнѣ, она задастъ тебѣ...

Машутка молчала, а когда Африканъ Ильичъ взялъ ее за руки, закричала и рванулась. Тетушка и

Василиса, укладывая ее въ постель, раздѣли и ахнула, увидѣвъ, чего боялись, Машутка-же прошептала:— мамынька!

Домъ, когда угасло зарево, сталъ мрачнѣе и глуше.

XI.

Тетушка заболѣла припадками, три дня пролежавъ въ темной комнатѣ; изъ Симбирска пріѣхалъ молодой врачъ, долго, съ многозначительнымъ видомъ, выстукивалъ и выслушивалъ тетушку, подмигивая такъ, будто давно ему извѣстно, что дѣлаютъ всевозможные микробы въ тетушкиномъ нутрѣ, и, прописавъ настойку ландыша, уѣхалъ, надѣвъ парусиновую разлетайку и картузь изъ чесунчи.

Николушка заперся въ кабинетъ, всѣ три дня читая Евгенія; Настя ходила по саду, кутаясь въ платокъ, и разговаривала сама съ собой; на кухнѣ всѣ присмирѣли, слушая поспѣшный и жалобный бредъ больной Машутки, Василиса не пѣла на черномъ крыльцѣ, а все плакала о дочкѣ. Африканъ Ильичъ смотрѣлъ вольк-волькомъ, и на четвертый день пришелъ, наконецъ, попъ Иванъ и до вечера провелъ съ тетушкой въ разговорахъ, никому не ставшихъ извѣстными.

На пятый день тетушка встала и тотчасъ приказала привести Николушку.

Явился онъ съ синякомъ подъ глазомъ, еле волоча ноги, дошелъ до кресла и, когда позволили, сѣлъ, страдальчески закрывъ глаза и склонивъ голову на бокъ. Тетушка добивалась признанія; онъ сначала на всѣ колкіе вопросы качалъ головой, какъ святой, невинно обвиняемый, но, когда тетушка, ударивъ сморщен-

нымъ кулачкомъ по ручкѣ кресла, крикнула: „признавайся...“—сталъ на колѣни и, бѣя себя въ грудь, наваялся безчестнымъ соблазнителемъ, снова рассказавъ жизнь свою отъ рожденія до того часа, когда Машутка, не въ силахъ противиться поцѣлуямъ, отдалась ему на вороху соломы.

Тетушка все это, сдвинувъ брови, выслушала и сказала:

— Ступай, подумай обо всемъ хорошенько...

Николушка, облегченный, пошелъ къ Настѣ, и долго въ корридорѣ слышали торопливые ихъ голоса, шумъ роняемой мебели и странныя возгласы, будто били кого-то, держа за горло... Но потомъ возня затихла, и крики смѣнились подозрительнымъ шопотомъ.

Къ чаю Николушка вышелъ просвѣтленный, а Настя прибитая, тихая и ласковая...

Африканъ Ильичъ, взглянувъ на нихъ, крикнулъ и повернувшись спиной, продолжалъ пить чай съ блюдца, а Николушка, указывая на его папироску, шепнулъ Настѣ:— „Папиросочка, мой другъ, ты меня плѣняешь, сонъ нагоняешь, люблю тебя всей душой“.

Настя, откинувъ голову, засмѣялась. Но въ это время вошла тетушка съ сумкой черезъ плечо и, глядя въ уголь, сказала:

— Николай, собирайся, мы ѣдемъ...

У Николушки задрожало блюдце и пролился чай:— куда тетенька?

— Въ монастырь,—бросила тетушка строго и, взявъ Африкана Ильича за рукавъ, отвела для секрета въ сторону.

Настя сидѣла, раскрывъ большіе глаза, и молчала. Николушка водилъ пальцемъ по мокрой клеенкѣ.

Когда затѣмъ, дѣловито раамѣстивъ подушки, сѣла тетушка съ племянникомъ въ тарантасъ, обернулся онъ, въ криво надѣтомъ картузѣ, и, жалобно улыбаясь, помахалъ рукой въ послѣдній разъ:

— Прощай, маленькій!

Настя закрыла до половины лицо пуховымъ платкомъ, не то плача, не то смѣясь... Тронули лошади; изъ-подъ тарантаса выбѣжалъ пѣсь. Попылими и уѣхали.

Надъ Туреневымъ плыло чистое облако, чирикали воробьи, а на крыльцѣ куриль Африканъ Ильичъ, вздыхая, и вдругъ одинъ глазъ его, отвислый, какъ у собаки, подмигнулъ:

— Вернутся, — сказалъ онъ.

Сойдетъ ли сонъ и взоръ сомкнетъ ли мой—
Мнѣ силятся ты, мнѣ снится наслажденье.
Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

Баратынский

Глава первая.

Весеннее солнце, обогнувъ положенный путь, садилось, блѣдно-алое, въ голую степь за дальними холмами, золотя края неба, и пылъ отъ стада, и большія окна Коровинскаго дома, обращенныя на закатъ. Сходясь подъ карнизомъ двумя пологими дугами, окна, вверху изъ цвѣтнаго стекла, опускались почти до пола, такъ что Аггѣю Коровину, сидѣвшему въ креслѣ, не нужно было приподниматься, чтобы видѣть поляну сада, гдѣ широко разрослись одичавшія розы, и два полукруга аллеи, и старыя яблони, и куртины сирени, окаймленная газономъ изъ пѣтуній, ромашки и скромной резеды.

Подперевъ ладонью крупное свое породистое лицо, въ русой бородкѣ, съ татарскими усами внизъ, подолгу молчалъ Аггѣй, держа въ лѣвой рукѣ книгу, наудачу взятую изъ шкафовъ.

Торопиться было не къ чему и некуда, и мысли скользили отъ воспоминаній къ предметамъ, безъ любо-

пытства останавливаясь, когда краснощекая скотница въ подоткнутомъ сарафанѣ босая проходила садомъ, громко крича:

— Сидоръ, а Сидоръ, что же ты, рыжій шутъ, не идешь.

Разсматривая толстыя икры бабы и ея спину, искалъ Аггѣй глазами садовника, думая:

— Имъ нужны ключи отъ погребницы, а Сидоръ переканываетъ малину.

Потомъ на темнѣющую поляну прибѣгалъ охотничій пестъ;—сетеръ, нюхая кусты, останавливался и ѣлъ какую-то траву, и Аггѣй тоже зналъ для чего онъ дѣлаетъ это—вчера сетера покусала овчарка.

Края неба зеленѣли, дѣлались синевато-сѣрыми, и вечерняя звѣзда первая загорѣлась надъ послѣдней оранжевой полосой.

Аггѣй вдохнулъ и, опустивъ правую руку, подперся лѣвой, книгу заложивъ между кресломъ и ногой.

Въ такомъ переворачиваніи проходилъ весь день, развѣ утромъ, обмотавъ шею мохнатымъ полотенцемъ, раздѣтый шелъ Аггѣй по тропинкѣ на рѣчку...

Десятый годъ доживалъ онъ одиноко въ богатой усадьбѣ и разъ только, послѣ кончины матери, пришелъ въ смятеніе, не выдержавъ скуки, и сказалъ приказчику:

— Ильичъ, я бы за границу съѣздить...

— Воля ваша,—отвѣчалъ на это Ильичъ, покорно вздохнувъ.

— Такъ какъ же, Ильичъ, надо собираться, денегъ достать, да паспортъ, да повидать родныхъ...

И такъ говоря, Аггѣй угасалъ, потому что, казалося,

жизни не хватить передѣлать всѣхъ дѣлъ передъ дальнимъ отъѣздомъ.

— Шумно тамъ,—молвилъ онъ, помолчавъ,—суета.

Но сегодня Аггѣй чувствовалъ еще замѣтное беспокойство: нарочный по-утру привезъ изъ сосѣдняго села, гдѣ было почтовое отдѣленіе, письмо, и до вечера держалъ Аггѣй въ карманѣ сѣрый конвертъ, не распечатывая, и улыбался иногда, думая, что если захочетъ—прочтеть новость.

— Можетъ быть, незнакомая дѣвушка,—мечталъ Аггѣй,—одинокая, какъ и я, хочетъ прѣхать, и мы будемъ сидѣть вдвоемъ у окна...

Зажмуривъ глаза, старался Аггѣй представить лицо дѣвушки, всегда одно и то же, отчетливое, гдѣ-то видѣнное давно, но сознаніе никогда не могло опрокинуть, какъ въ зеркалѣ, милыя черты, расплывавшіяся, когда ихъ старались уловить.

— Скоро темно станетъ, не прочтешь,—подумалъ Аггѣй и, сдѣлавъ усиліе, досталъ и вскрылъ конвертъ.

Письмо было отъ Степана Людмилаина—товарища дѣтства, который извѣщалъ, что вмѣстѣ съ сестрой заѣдетъ проѣздомъ дня черезъ четыре.

— Людмилинь,—сказалъ Аггѣй и представилъ себѣ худенькаго гимназиста въ очкахъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, въ широкополой фуражкѣ, у которой гербъ былъ выломанъ, такъ какъ даже самыя тихіе мальчики, покупая новый картузъ, мочили его водой, клали на ночь подъ тюфякъ, чтобы тулья торчала клиномъ, и выламывали буквы изъ герба...

— Ахъ, какъ хорошо,—говорилъ Аггѣй,—вотъ онъ войдетъ сейчасъ, близорукій, ища меня глазами, и поцѣлуетъ... И мы, какъ прежде: онъ внимательно ста-

нет слушать, а я расскажу всю свою жизнь, смерть мамы и одиночество, и о томъ, что всегда хотѣлъ полюбить; мы обнимемся и пойдемъ въ садъ. Я скажу: оставайся со мной, милый. Конечно, онъ согласится. А если захочетъ, пусть занимается хозяйствомъ... Маленькій гимназистъ въ курточкѣ съ ремнемъ... По вечерамъ мы будемъ пить чай на верандѣ, и я прочту стихи... Вотъ какіе бы это стихи прочесть?..

Потомъ Аггѣй вспомнилъ, что Людмилинь прїѣдетъ не одинъ.

— Ну зачѣмъ съ сестрой,—сказалъ онъ,—навѣрно она взрослая и суетливая, будетъ всюду ходить и ей надо все показывать; еще, пожалуй, уведетъ гулять...

И Аггѣй третій разъ повернулся въ креслѣ, шумно вадохнувъ...

— Черезъ четыре дня,—сказалъ онъ,—а письмо было послано четыре дня назадъ.

Онъ поспѣшно раскрылъ хрустящій листокъ и, близко наклонясь, прочелъ: понедѣльникъ...

— Такъ и есть, сегодня пятница, поѣздъ приходитъ въ шесть, сейчасъ они должны подѣхать...

И, сильно взволнованный, потерявъ затѣхшее колѣно, вышелъ Аггѣй на балконъ.

Ночь закрыла полосу заката, и возникли звуки, всегда таинственные, какъ будто сама темнота шевелилась въ кустахъ, ломала вѣтку и ухала вдругъ далеко за прудомъ, гдѣ, сидя на плавающихъ листьяхъ, пѣли, надувъ красныя брюшки, маленькія лягушки.

Облокотясь о балюстраду, прислушивался Аггѣй, вспоминая одинъ день, когда во мгновеніе упали всѣ звуки.

Тогда посреди поляны стоялъ онъ—маленькій, сине-

глазый мальчикъ, и сквозь закопченное стекло глядѣлъ на солнце.

Не было тѣней, красноватая темнота будто пепломъ осыпала траву и деревья: на солнце надвигался черный кругъ... Когда остался тонкій отъ него серпъ, все замолкло. Колонны дома поднялись, сдѣлались сѣрыми, и Аггѣй думалъ, что сейчасъ расколется беззвучно солнце... А земля была еще теплой.

Теперь Аггѣй, радуясь, слушалъ звуки и, когда за садомъ на плотинѣ загѣлъ ямской колокольчикъ, тихо засмѣялся...

Аггѣй поставилъ свѣчу на комодъ въ прихожей и раскрылъ парадныя двери, вглядываясь въ темноту прохладной лѣтницы.

Тамъ внизу вносили, должно быть, чемоданы, шаркали ногами и слышались негромкіе голоса:

— Узнаешь, Надя, эту лѣтницу; она мнѣ казалась гораздо больше... А вонъ и Аггѣй... Здравствуй, Аггѣй...

— Степанъ, иди же,—закричалъ Аггѣй,—я не могу посвѣтить, свѣчу задуваетъ сквознякомъ...

— Узнаю голосъ,—молвилъ Степанъ, появляясь въ крылаткѣ и золотомъ пенснѣ,—здравствуй.—И мягкія губы его коснулись Аггѣя.—А вотъ Надя, сестра, ты помнишь?

— Помню, помню,—торопливо бормоталъ Аггѣй и трясъ имъ обомъ руки,—я васъ не отпущу, а этотъ чемоданъ унеси, кучеръ.

— Ты все такой же торопыга,—спокойно улыбаясь говорилъ Степанъ и углы его губъ приподнимались полукругомъ,—дай намъ вымыться, мы всѣ въ пыли.

Худой и маленький, онъ пошелъ, поднимая голову, какъ будто могъ видѣть только изъ-подъ пенсне.

Аггѣй крикнулъ въ догонку:—вонъ направо твоя комната,—и, умиляясь, стоялъ около Нади, распутывавшей вуалевый шарфъ...

— Я тоже буду мыться,—сказала она,—ужасная пыль,—и показала Аггѣю маленькія ладони.

— Господи, какія ручки, воскликнулъ Аггѣй,—впрочемъ что я говорю,—и онъ побѣжалъ въ столовую.

— А онъ все такой же,—думалъ Аггѣй, становясь подъ висячей лампой.—Я уже вижу, что обрадовался; а она ничего—кажется, мѣшать намъ не будетъ: совсѣмъ молоденькая.

Къ столу, уставленному домашними яствами, проплыла и неслышно сѣла за самоваръ Марья Ивановна—экономка.

— Марья Ивановна,—вернулся къ ней Аггѣй,—хорошъ ли ужинъ сегодня?

— Не знаю, батюшка, такъ это все сразу да куврыкомъ распорядились; что выйдеть, не пеняйте, а завтра постараемся.

— Что они такъ долго моются?

— А барышня эта настоящая краля, и шляпокъ у нея въ коробикѣ не сосчитаешь, и сундукъ съ платьями, вотъ бы съ такой законнымъ бракомъ, не то, что убѣдныя наши... дѣвки.

— Перестаньте, Марья Ивановна, всегда вы скажете глупость... А вотъ и они!..

Надя вошла впереди брата, охорашивая синее платье и, подавъ высоко поднятую руку, молвила, оглядываясь:

— Еще разъ здравствуйте: а у васъ здѣсь все ста-

ринное; навѣрно, мебель такъ же стояла сто лѣтъ назадъ...

— Да,—сказалъ Аггѣй, и, притянувъ вымытаго оделемономъ Степана, трогалъ волосы его и плечи,—я такъ радъ, я совсѣмъ одинъ живу; намъ нужно о многомъ переговорить...

— Ты ужасно гостеприимный,—говорилъ Степанъ, слегка запрокинувъ лицо въ большой бородѣ каштановаго цвѣта,—мы въ Петербургѣ отвыкли отъ деревенскихъ обычаевъ... Но, если глубже разсмотримъ, то деревенская жизнь болѣе значительна, чѣмъ городская.

— Да, да,—говорилъ Аггѣй, придвигая нмъ тарелки съ ѣдой,—ѣшьте же...

— Тѣмъ смѣшнѣе, что я—агрономъ по профессіи—никогда не вижу деревни.—И, самому себѣ улыбаясь, глядѣлъ Степанъ повыше головы собесѣдника, мѣшая ложечкой чай...

— Какой у васъ костюмъ?—спросила Надя,—очень идеть...

Аггѣй, оглядывая огромное свое тѣло въ разстегнутомъ на груди кафтанѣ, изъ-подъ котораго была видна бѣлая рубаха, смутился:

— Миѣ кажется, что я медвѣдь... Томстый такой. неловкій.

— Вспомнила, вспомнила,—воскликнула Надя,—вы сказали медвѣдь, я и вспомнила,—и она засмѣялась такъ же какъ братъ, закидывая голову на высокой шеѣ. Нѣжный ея подбородокъ морщился, и большіе глаза были темны отъ рѣсницъ.

— Гдѣ я ее видѣлъ,—подумалъ Аггѣй, тоскливо глядяваясь въ прекрасное лицо дѣвушки.

— Намъ по дорогѣ попался пьяный мужикъ,—

говорила Надя, — большой и косматый, у пояса привязать онъ цѣбую кучу утокъ; брать его спрашиваетъ: какъ ты изъ такого ружья столько настрѣлялъ?—а онъ тряхнулъ головой и говоритъ: когда я, чудесный баринъ, выплю, то вижу вмѣсто одной утки трехъ: большая посрединѣ и двѣ маленькія по бокамъ...

Надя, дѣлая видъ, что прицѣпляется, подняла руки, и, глядя на нихъ, обнаженныхъ выше локтя, подумалъ Аггѣй:

— Какая она театральная.

А Степанъ сдержалъ зѣвокъ и молвилъ:

— Теперь я хочу спать.

— Милый онъ, — слегка волнуясь, думалъ Аггѣй, ведя друга въ спальню, — сейчасъ ему все расскажу.

Но Степанъ раздѣвался и говорилъ, сладко зѣвая: — завтра я почву возьму для изслѣдованія; не знаю, какъ у тебя, но крестьянскія земли совершенно лишены фосфатовъ. Ихъ нужно слабировать жжеными костями или американскимъ гуано. Ты бы сдѣлалъ опытъ.

— Хорошо, — сказала Аггѣй уныло, — попробую. — И сѣлъ на кровать, устало опустивъ руки:

— Степанъ, ты знаешь, я десять лѣтъ прожилъ одинъ, тяжело вѣдь.

— Какъ же, знаю, — Степанъ отстегнулъ помочи и погладилъ впалую грудь, — гуано, конечно, дорогато, но крестьяне могутъ пользоваться суперфосфатомъ. Я усиленно провожу въ земствѣ раздачу Томасова шлака.

И онъ залѣзъ въ постель, глядя поверхъ головы собесѣдника на свои какіе-то суперфосфаты, а Аггѣй сидѣлъ около, освѣщенный сбоку свѣчей, такъ что бле-

стѣлъ кончикъ его крупнаго носа и одинъ тоскливый глазъ...

— Слушай, — сказала Аггѣй, — я десять лѣтъ все хотѣлъ высказать...

Но Степанъ, закрывъ глаза, молвилъ: — Убийственны эти дороги ваши.. Задуи свѣчу и не буди меня поутру.

Аггѣй посидѣлъ немного въ темнотѣ и пошелъ, опустивъ голову, по корридолу, въ концѣ котораго наглухо была закрыта дверь въ зимнія снѣги...

Остановясь передъ дверью, обитой кошмой, глядѣлъ Аггѣй на мѣдные гвоздики, говоря:

— Ну, конечно, онъ усталъ, а я пристаю съ глупыми рѣчами. Все-таки раньше Степанъ былъ добрѣе, должно быть, я одичалъ и смѣшонъ.

И Аггѣй, тронувъ шляпку гвоздя, подумалъ: — вотъ эти гвозди зимой покрываются инеемъ и дѣлаются бѣлые какъ грибы...

Тогда тѣнь его на стѣнѣ перемѣстилась направо, и, оглянувшись, увидѣлъ Аггѣй улыбающуюся Надю со свѣчей въ рукѣ.

— Съ кѣмъ вы разговариваете? — спросила Надя.

— Я ни съ кѣмъ, — отвѣтилъ Аггѣй, подойдя и краснѣя... — А вы не спите?

— Пойдемте ко мнѣ. — ласково сказала Надя, и сѣла на подоконникъ открытаго въ садъ окна, коснувшись теплою ладонью руки Аггѣя.

— Мнѣ кажется, что я всю жизнь прожила здѣсь, такъ вся душа открылась; вы счастливый, Аггѣй Петровичъ.

Надя вздохнула и, откинувшись, положила ногу на ногу, охвативъ колѣно...

— Реведой пахнет,—сказала она.

Аггѣй, глядя на круглое колѣно и голыя до локтей руки Нади, сладко успокаивался, не замѣчая улыбки, растягивавшей полный его ротъ...

— Я вспоминаю,—продолжала Нада,—у васъ въ комнатѣ стояла маленькая изба съ печкой и лавками, какъ настоящая, туда можно было заходить...

— Да, отецъ велѣлъ ее построить на елку...

— Мы ѣхали къ вамъ на елку, въ возкѣ. Я все время почему-то боялась огнедышащихъ горъ, которыми меня пугалъ Степанъ; онѣ представлялись вродѣ кучи песку, но очень страшными. Я помню комнату, гдѣ проснулась: на стѣнѣ висѣло оружие и мечъ въ три раза больше меня, а въ углу стоялъ человѣкъ, одѣтый въ латы; я все думала, что онъ подниметъ руку и кивнетъ мнѣ пальцемъ.

— Хотите, я покажу эту комнату,—сказалъ вдругъ Аггѣй, поглядѣвъ въ глаза,—она наверху; но все открыто пылью и паутиной...

И медленно онъ опустил лобъ на холодный подоконникъ, а Нада провела ладонью по его волосамъ:

— Вы очень одинокій, Аггѣй Петровичъ, вамъ нужно полюбить дѣвушку такую же старинную и тихую...

Аггѣй втянулъ плечи и молвилъ, не поднимая головы:

— Нѣтъ, я какой-то несуразный...

Потомъ отодвинулъ стулъ и, пробормотавъ несвязное, вышелъ; а, глядя на широкую его спину, подумала Нада:

— Онъ похожъ на весь этотъ старомодный домъ и совсѣмъ ребенокъ.

Войдя въ спальню, Аггѣй легъ, не раздѣваясь, на постель и платкомъ сталъ вытирать глаза и сморкаться.

— Какъ глупо,—сказалъ онъ,—и не съ чего; просто не нужно было имъ прѣвѣжать.

Глава вторая.

Утромъ долго ждалъ Аггѣй пробужденія Степана, но, не дождавшись, побрѣлъ на рѣчку, усталый отъ ночныхъ сновидѣній и желтый.

На тропинкѣ попался ему садовникъ Сидоръ, и Аггѣй сказалъ:

— Идемъ, Сидоръ, купаться.

Сидоръ ухмыльнулся въ ярко рыжую свою бороду и пошелъ за бариномъ, немного отставая, и слушалъ, какъ говорилъ Аггѣй.

— Надо бы купальню построить вонъ у той ветлы.

— Можно,—отвѣчалъ Сидоръ на это съ полной готовностью, хотя такой разговоръ начинался каждую весну.

— Построимъ ее въ видѣ портика и окрасимъ въ бѣлое... Вотъ ко мнѣ гости прѣѣхали и купались бы...— Аггѣй вздохнулъ.

Раздѣвшись, долго сидѣлъ онъ на травѣ, глядя, какъ около корней нвы плавааетъ лошадиная пѣвка и стоятъ головами въ одну сторону пескари...

А Сидоръ мылилъ себѣ лицо и бороду, приговаривая:

— Съ мыльцемъ-то и душа чище.

Аггѣй представлялъ себѣ бѣлую купальню, отраженную въ водѣ, себя въ этой купальнѣ, лежащаго на скамейкѣ и Надо; Нада будто-бы вошла, то пробавала воду, потянулася, улыбаясь, вся зайатая солнцемъ.

— Да, вѣдь, она раздѣнется.—сказалъ Аггѣй испуганно и такъ громко, что Сидоръ, стоя по поясъ въ водѣ, спросилъ:

— Чего?

Тогда Аггѣй вошелъ въ воду и, почувствовавъ свѣжесть, поплывъ, громко фыркая, къ тростнику. Изъ зеленой его тѣни выбѣжалъ гуськомъ выводокъ домашнихъ утятъ, и утка, крякая и раскрывшаяся, пугала Аггѣя, а онъ вдругъ обрадовался и солнцу, и рѣкѣ.

— Скорѣй, скорѣй,—говорилъ Аггѣй, одѣваясь.—Сидоръ, ты возьми простыню, а я побѣгу къ гостямъ, чай, ужъ встали.

На верандѣ у чайнаго стола сидѣлъ въ бѣломъ пиджакѣ Людмилинь, привѣтствуя друга рукой и, когда Аггѣй подошелъ, сказалъ, шурясь:

— Сядь, отъ тебя рѣкой пахнетъ... Знаешь, Надька и сейчасъ бы спала, если бы я не разбудилъ...

Сладко сжалось сердце Аггѣя, и, къ удивленію экономки, онъ потрепалъ ее, говоря:

— Сегодня вы, Марья Ивановна, красавица.

— Что это,—сказала Марья Ивановна,—безстыдники.

А Степанъ молвилъ:

— Этимъ липамъ, должно быть, больше ста лѣтъ.

— Я на тебя обидѣлся вчера,—отвѣтилъ Аггѣй весело,—хотѣлъ поговорить откровенно, а ты заснулъ...

И онъ радостно вадрогнулъ, когда изъ дома донеслись быстрые шаги и голосъ Нади.

— Гдѣ же вы, я по всему дому ищу... Ахъ, какая прелесть...

Вошла она въ парусиновомъ платьѣ, короткомъ и

узкомъ, на каштановые волосы накинувъ лиловый шарфъ.

— Ну, вотъ вы гдѣ, наконецъ! Аггѣй Петровичъ, представьте, сегодня прохожу мимо какой-то комнаты и вижу: ваша экономка примѣряетъ мои шляпы... Я такъ хохотала...

Марья Ивановна испуганно приподнялась, раскрывъ ротъ, а, увидѣвъ ее, Надя подбѣжала, цѣлуя:

— Не сердитесь, голубушка, возьмите, какую вамъ хочется, шляпу.

Съ боковъ веранды по натянутымъ бечевкамъ вились темнозеленыя эпомеи, цвѣтущія только утромъ, пока ихъ лиловыхъ колокольчиковъ не коснется солнце, и Аггѣй, оторвавъ шпелъ, подаль съ поклономъ Надѣ, чтобы она окрутила ее вокругъ головы...

— Такъ на портретѣ моя бабушка, когда была дѣвницей,—сказалъ онъ, покраснѣвъ.

Надя посмотрѣла внимательно и, взявъ его подъ руку, молвила:

— Мы идемъ гулять, покажите мнѣ садъ и рѣчку. Степанъ, иди же!

— Охъ,—сказалъ Степанъ,—жарко.—И пошелъ сзади...

— Почему бы вамъ не остаться здѣсь,—говорилъ Аггѣй,—неужели ужъ такъ скучно?..

— Я не могу больше,—охнулъ Степанъ, ложась въ траву.—Знаешь, почву испытывать завтра пойду.

И онъ закрылъ глаза, защитивъ ихъ отъ солнца рукой.

Надя сѣла, поджавъ ноги; нѣжная кожа плечъ ея и рукъ была видна сквозь кружево платья, и чувствовалъ Аггѣй ея запахъ, острый и женскій.

— Сегодня я какъ будто выздоровѣлъ,—сказалъ Аггѣй, тряхнувъ плечами,—я вѣдь очень сильный, только не приходилось примѣнять.

— Сломайте дерево—сказала Надя.

Обнявъ колѣно, запрокинула она голову такъ, что двѣ косы ея коснулись теплой земли.

Аггѣй подошелъ къ березкѣ и сталъ трясти.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—ломайся,—и, крѣпко упершись ногой въ корневище, выгнулъ березку, напряжился и, присѣвъ, сломалъ; дерево хрустнуло и, медленно клонясь верхинной, легло съ печальнымъ шумомъ на траву.

— Bravo,—воскликнула Надя, захлопавъ въ ладоши, а Степанъ сказалъ, приоткрывъ глаза:

— Зачѣмъ сломалъ, росла она, росла...

— Я еще могу,—молвилъ Аггѣй, застѣнчиво улыбаясь.

— Нѣтъ,—сказала Надя,—сядьте,—и, когда Аггѣй послушался, добавила:

— Лягте и глядите вверхъ, что вы видите?

— Небо,—сказалъ Аггѣй тихо,—голубое и коршунъ чуть виденъ...

— А, ну, прищурьтесь; видите: небо уходитъ вглубь, и между нимъ и глазами золотая пыль, а облако похоже на чашу.

— Не кокетничай, Надька,—сказалъ Степанъ...

Аггѣй запрокинулся совсѣмъ, щекой коснувшись круглаго колѣна Нади.

— Не на чашу,—сказалъ онъ,—а на васъ.

— Фу,—воскликнулъ Степанъ,—я иду купаться.— Лѣнливо поднявшись, пошелъ онъ, на ходу срывая листья,

а Аггѣй растерялся, оставшись съ Надей одинъ на одинъ.

— Расскажите, какъ вы живете въ такомъ раю,—сказала Надя и провела по лицу его горькой кашкой.

— Мнѣ хорошо,—пробормоталъ Аггѣй.

Надя вдохнула и легла на спину, заложивъ ладони подъ затылокъ.

— Вы любили когда-нибудь, Аггѣй Петровичъ?—молвила она, и Аггѣй, закрывъ глаза, не отвѣтилъ...

Прошелъ Степанъ съ полотенцемъ на головѣ, говоря:—вогъ такъ сонн...

Надя неизвѣстно надъ чѣмъ стала смѣяться, отчего грудь ея и бока вздрагивали, стянутые платьемъ, потомъ приподнялась, опустила обѣ руки и, рванувъ траву, осыпала ею лицо Аггѣя:

— Вредно лежать,—сказала она,—ахъ, Аггѣй Петровичъ, какой вы...—она приостановилась и протянула:—глуууушый! Ну, не сердитесь.

Надя въ этотъ день восхищалась всѣмъ, что видѣла: канавой, поросшей мягкими лопухами; зарослями вишенника, мостками черезъ рѣчку, шляпающими по водѣ, когда на нихъ ступали.

Аггѣй объяснилъ, что на мосткахъ этихъ рано поутру, пока не встало солнце и надъ водою туманъ, мальчишки ловятъ рыбу удочками, поплевавъ на червяка; слюны будто бы червякъ не любить и долго корчится на крючкѣ.

Изъ сада по выгону пошли къ глинянымъ оврагамъ, гдѣ стояла часовня надъ помершимъ когда-то странникомъ безъ рода и племени, а отъ часовни по дорогѣ спустились Аггѣй и Надя домой черезъ деревню.

Аггѣй, всю дорогу объяснявшій Надѣ деревенскія подробности, теперь замолчалъ, глядя, какъ приплюснутое солнце садилось въ степь за холмами.

Оранжевый свѣтъ оттуда тоскливо бѣжалъ по голому выгону, и по колючей травѣ.

Аггѣю показалось, что онъ, какъ больной, снова глядитъ на надоѣвшіе обои передъ кроватью; хрустнувъ пальцами, онъ сказалъ:

— Вы спросили, любилъ ли я когда-нибудь?—нѣтъ, не пришлось.

Надя быстро обернулась и нѣжный подбородокъ ея задрожалъ.

— А я, Аггѣй Петровичъ, не помню, когда не была влюблена. Весь міръ другой, когда любишь; все для меня; и солнце закатывается для меня, и поля бѣгутъ...

Взойдя на пригорокъ, откуда видна усадьба, положила Надя, залыхавшись, руку на высокую свою грудь и мгновенно вырисовалась четкая и тонкая, на красной полосѣ заката.

Такимъ представлялся Аггѣю ускользящій образъ дѣвушки, о которой мечталъ онъ по вечерамъ, и оттого, что сейчасъ можно разглядывать ее, голова закружилась, и, стоя внизу пригорка, Аггѣй раскрылъ ротъ.

— Что вы увидѣли?—воскликнула вдругъ Надя,—привидѣніе?

Затворивъ за собою дверь кабинета, Аггѣй остановился около письменнаго стола и зажгетъ свѣчу, долго глядя на тихое ея пламя...

Чернила въ чернильницѣ давно высохли, единствен-

ный конвертъ былъ захоженъ мухами, и Аггѣй, отыскавъ карандашъ, сѣлъ на низенькій диванчикъ.

— Надя,—сказалъ онъ и слегка похолодѣлъ, услышавъ свой голосъ,—неужели возможно...

Поднеся къ лицу ладонь, едва пахнущую Надинымъ платкомъ, онъ подумалъ:

— Я цѣлую ей руку... Вотъ такъ...

Закрывъ глаза, Аггѣй сталъ морщить подбородокъ такъ, какъ дѣлаетъ это Надя, когда смѣется. Поднявъ пальцы къ головѣ тоже, какъ дѣлаетъ Надя, поправляя волосы и, весь выпрямившись, не въ силахъ сдержатъ удары сердца, сказалъ:

— Люблю...—и, похолодѣвъ, вдругъ открылъ глаза и увидѣлъ въ темномъ зеркалѣ себя—толстаго, съ руками, закинутыми вверхъ.

Аггѣй быстро всталъ и, сѣвъ къ столу, принялся писать.

„Простите, но вы спросили—люблю ли я? Поэтому я осмѣливаюсь писать. Васъ я люблю такъ, какъ никто и никогда не любилъ. Вы не такая, какъ всѣ женщины; вы особенная, вы прекраснѣе всѣхъ, и Богъ привелъ меня къ вамъ... Я молюсь вамъ и прошу—сдѣлайтесь моею женой, то-есть я прошу вашей руки. Господи, какой я несчастный“...

Много еще написалъ Аггѣй такого и, запечатавъ конвертъ, пошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

Старая экономка, сидя на сундукѣ, гладила большую ногу, а на стѣнѣ, около жестяной лампы, шуршали тараканы...

Громче прежняго ахнула Марья Ивановна, при видѣ барина, сказавъ:

— Что это, батюшка, не спите, или животъ болитъ?

— Помните, Марья Ивановна, — сказали Аггѣй поспѣшно, — это письмо отдадите барышнѣ поутру; смотрите только, не будите ее. Поняли?

— Поняла, — ворчала Марья Ивановна, когда Аггѣй ушел, — видишь ты, письма начал писать.

На утро Аггѣй встал рано и пошелъ въ конюшню, гдѣ кучеръ мылъ щеткой каракаваго жеребца, который косилъ бѣлымъ окомъ, топая отъ удовольствія ногой.

Разсѣянно Аггѣй обиялъ теплую морду коня, поцѣловавъ его въ сѣрую губу, и велѣлъ осѣдлать верхового.

— Раненько поднялись, — сказалъ кучеръ ласково — кучера всегда отъ сосѣдства съ лошадьми дѣлаются ласковыми — и, отвѣдя жеребца въ стойло, ушелъ, захвативъ сѣдло.

Аггѣй потеръ ладонью свои покраснѣвшіе за ночь глаза и потянулся; запахъ конюшни былъ милъ ему; подходи къ рѣшеткамъ конскихъ стойлъ, онъ гладил рыжія, сивыя и черныя морды, ласково губами ловившія его пальцы, и думалъ:

— А меня вотъ никто не погладитъ.

И вышелъ на стукъ подаваемой верховой.

— Шибко Шаську не бейте, баринъ, — сказалъ кучеръ, — не любить.

Рыжій Шаська покосился на Аггѣя и присѣлъ, когда плотно усѣлось на немъ восьмипудовое тѣло.

Отъ быстрой ѣзды Аггѣй приободрился, и неотступныя мысли его просвѣтлѣли.

— Надя еще спитъ, — подумалъ Аггѣй, повертывая къ лѣсу, — ручку положила навѣрно подъ щеку, нѣжная моя.

Вѣтви деревьевъ задѣвали лицо непресохшими отъ росы листьями, и, глядя на грибныя тропки, бѣгущія отъ дороги въ чащу, крикнувъ Аггѣй, приподнимаясь на сѣдлѣ;

— Нѣтъ, Надя проснулась и читаетъ письмо... Милая, милая жена...

И, хлестнувъ коня плетью, посккачалъ, придерживая шляпу рукой.

Дорога сбѣгала круто внизъ; тамъ шумѣла хвоя и желѣлъ песокъ. Чтобы не утомить лошадь, Аггѣй повернулъ вдоль косогора и скоро выѣхалъ на поляну, гдѣ курилась обложенная дерномъ куча и у шалаша на нѣх сидѣлъ въ полушубкѣ согбенный старичекъ, держа въ рукахъ кисеть... Рѣдѣнская борода у старичка такъ и не посѣдѣла, хотя курилъ онъ деготь на этой полянѣ пятьдесятъ лѣтъ, и сколько прожилъ до того — не помнитъ. Заѣзжалъ къ нему иногда баринъ и давалъ двугривенный, а старичекъ за это кланялся ему въ ноги. Увидѣвъ Аггѣя, онъ всталъ и снялъ шапку.

— Здравствуй, дѣдъ, — сказалъ Аггѣй, тяжело спрыгивая на землю, — ну что, все еще живешь?

— Не даетъ Господь Богъ смерти, — заговорилъ старичекъ торопливо и многословно, словно боялся, что его перестанутъ слушать. — Лѣтомъ я съ молитвой Ему служу — за пчелкой ли присмотришь, солнце встанетъ — водицей на него пласнешь студеной, а ночью врага колотушкой отъ ульевъ гоню... Господу все это пріятно; Онъ отъ грѣховъ-то и ослобонитъ... А за зиму такое передумаешь, лежа на печкѣ — все лѣто пойдетъ на смарку: опять грѣховъ полночь ротъ... Оттого и зажился. И еще комарь, прости Господи...

— Донимаетъ?

— Лють, дыму не боится; вот ужей тоже много, только они меня не трогают, пьют молочко, Богъ съ ними.

Аггѣй сѣлъ на обрубокъ и, оглядываясь кругомъ, прислушивался какъ часто билось сердце, а старичекъ все говорилъ, и прыгали воробьи на шалашѣ, громко пища.

— Я у тебя до полудня подожду,—сказалъ Аггѣй,—разнуздай-ка лошадь.

И когда старикъ, хлопотавъ коня, принесъ изъ шалаша дикаго меду въ бурачкѣ и кувшинъ ключевой воды, сказалъ Аггѣй, краснѣя:

— Знаешь, дѣдъ, ты меня поздравь, я женюсь.

Старикъ перекрестился:

— Вотъ и славу Богу, а то я все думаю—нѣтъ и нѣтъ у нашего барина дѣтевъ.

— Увидишь скоро ее; мы кататься поѣдемъ, а ты забѣги на дорогу и посмотри; такой красавицы не только ты—я не видалъ. Ты что это меду мнѣ принесъ. Дикій? А смотри, въ немъ пчела.

— Пчелка утопая; видишь, за свое добро жизни лишилась.

И старикъ сталъ глядѣть, какъ Аггѣй ѣстъ медъ...

— Всегда по лицу видно, что человѣку Богъ пошлетъ,—сказалъ онъ,—вотъ у тебя, гляди-ко, глаза бѣлые, будто со страху.

Аггѣй потянулся и, отойдя, легъ на траву, гдѣ легкій вѣтеръ отдувалъ мухъ; возбужденіе улеглось, и сладкая дремота закрыла вѣки; поплыла земля, и, положивъ руку на грудь, улыбался Аггѣй, чуть слыша шорохъ листьевъ и говоръ старика.

— Кормятъ тебя, рыжій, овсомъ,—говорилъ старикъ,

подсѣвъ къ Васькѣ,—а сѣно ты жрешь отъ жадности. Оно и видно, что Богъ скотинѣ душу не далъ, одну утробу... Ну что ногами топаешь, я, братъ, истину говорю...

...Съ легкимъ крикомъ проснулся Аггѣй и сѣлъ, осматриваясь.

— А?—спросилъ онъ старика...—Это ты? Скорѣй, скорѣй, лошадь...

Ударяя плетью, скакалъ Аггѣй, потерявъ шляпу, и сучья хлестали по бѣдному его лицу.

— Поздно,—говорилъ онъ, тоскливо глядя на низкое солнце...

Обозлившійся Васька, закусивъ удила, летѣлъ прыжкомъ, но на плотинѣ удалось Аггѣю задержать ходъ, и, чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ страшнѣй становилось, а на самомъ дворѣ поворотилъ Аггѣй коня обратно и, ставъ, крѣпко сжалъ руки.

— Все равно,—сказалъ онъ. Быстро перекрестился нѣсколько разъ и спрыгнулъ у крыльца.

Въ домѣ было тихо; подойдя къ кабинету, Аггѣй осмотрѣлся, не видитъ ли кто, и отворилъ дверь.

На диванчикѣ, съ книгой въ рукахъ, прямо сидѣла Надя, обернувъ строгое лицо къ вошедшему...

Аггѣй ахнулъ, взявшись за косякъ, а Надя, вставъ, сказала:

— Я давно жду васъ, Аггѣй Петровичъ; я получила письмо...

Глядя, какъ Надя опустила глаза, возликовалъ Аггѣй на минутку, потомъ лицо его покрылось смертельной тоской.

— Аггѣй Петровичъ,—сказала Надя тихо,—я замужемъ...

Она тряхнула головой и добавила сухо:—хотя мы не вбъчаны.—И, вынувъ изъ книги, подала Аггѣю его письмо:

— Милый, не огорчайтесь, я васъ очень люблю...

Потомъ, легко коснувшись губами лба Аггѣя, подбрала Надя синее свое дорожное платье и вышла, грустно улыбувшись въ дверяхъ.

Письмо дрожало въ рукѣ Аггѣя, когда онъ подошелъ къ пыльному окну, не видя, какъ на дворѣ, выкативъ, смазывали людмилинскую коляску.

— Вотъ и оторвалось,—сказалъ Аггѣй, и ноги его задрожали, ставъ безсильными, какъ послѣ испуга.— Что же, я возьму и лягу... Должно быть, меду съѣлъ натошакъ: тошнить...

Мотая головой, Аггѣй опрокинулся на спину, скользя пальцами по гладкой кожѣ дивана.

— Дурно мнѣ...—сказалъ Аггѣй. Потъ крупными каплями выступилъ на лбу, и тѣло похолодѣло.

Потомъ, очнувшись, Аггѣй прижался къ холодной спинкѣ дивана; не въ силахъ еще встать, глядѣлъ на клочекъ мочалы, торчащій изъ-за обивки и, жалѣя себя, всхлипнулъ.

Приходить Людмилинь, сконфуженно объяснялъ, что должны они уже ѣхать, иначе опоздаютъ на агрономическій съѣздъ, и что непременно ждутъ Аггѣя въ Петербургъ, гдѣ сейчасъ бѣлыя ночи...

Аггѣй приподнялся и, взявъ Людмилинина за руку, сказалъ, глядя въ сторону:

— Хорошо, я постараюсь пріѣхать; интересно...

И съѣлъ опять, комкая носовой платокъ, а Людмилинь вышелъ, ударившись плечомъ о косякъ.

Въ коридорѣ разговаривали; топая ногами, пронесъ

кучеръ, должно быть, чемоданъ, и голосъ Нади у самыхъ дверей произнесъ:

— Онъ спитъ, не тревожьте его...

Тогда Аггѣй вышелъ на крыльцо и, стараясь улыбнуться, помахалъ отъѣзжающимъ рукой.

Когда же тройка выкатила за ворота и Надинъ лиловый шарфъ еще разъ мелькнулъ сквозь зелень, Аггѣй, пожавшись, словно отъ холода, пошелъ въ залу и сѣлъ противъ окна на любимое свое кресло.

Не было видно—закатилось ли солнце: сизая туча, выдвигая щупальцы, поднялась изъ-за холмовъ; порывъ вѣтра нагнулъ вѣтви, поднимая выше оконъ обрывокъ бумаги, и гдѣ-то съ силой захлопнулъ окно...

— Будетъ дождь,—сказалъ Аггѣй, и весь ушелъ въ глубокое кресло, сложивъ пальцы на груди...

Нѣсколько капель ударились въ стекло, потекло струйками, потомъ брызнуло сильнѣе, и зашумѣлъ по листьямъ крупный дождь.

Звуки въ просторныхъ комнатахъ утихли, запахло сыростью и стало совсѣмъ темно...

Аггѣя звали ужинать, а онъ все смотрѣлъ въ окно и думалъ несвязное.

Глава третья.

Всѣ души человѣческія подчинены закону возмездія: лияя буйно возстаютъ послѣ удара, чтобы отомстить. иныя находятъ сладкое счастье въ самой скорби; но бывають времена, когда душа бездѣйствуетъ, какъ тысячу разъ раненный воинъ, придавленный копытомъ.

Но велика материнская сила земли, и, исцѣленный,

встанет воинъ на новья дѣла и будетъ такъ, пока не улетитъ совсѣмъ душа изъ тѣла...

Много разъ, подходя къ изображенію родословнаго дерева съ бѣлымъ единорогомъ, бѣгущимъ между трехъ звѣздъ вверху, прочитывалъ Аггѣй эту надпись, смутно понимая смыслъ.

Потомъ, опустивъ голову, шелъ изъ кабинета въ залу, гдѣ громче всего былъ слышенъ шумъ дождя, лившаго трое сутокъ, и, ставъ спиной къ изразцовой печи, щуриль глаза.

Ровно и глухо барабанилъ дождь по крышѣ и листьямъ, стремительно бѣжали внизъ потоки, и напрасно, пріотворивъ дверь, шопотомъ звала Марья Ивановна къ столу—глядѣлъ Аггѣй на нее, не видя, и экономка бормотала, бредя къ себѣ:

— Вотъ бѣда-то... Наѣхали, нанакостили и слѣды хвостомъ замели, а тоже гости.

Постоявъ у печи, уходилъ Аггѣй въ бібліотеку. Отворивъ одинъ изъ темныхъ шкафовъ, гдѣ нахло затхлыми книгами, поднималъ руку, чтобы взять волюмъ, но рука такъ и оставалась поднятой, а взоръ былъ устремленъ черезъ полупрозрачное отъ струи дождя стекло на лужайку, сизую отъ воды, со сломанной березкой, склоненной къ землѣ вершиной.

— Дождикъ всѣ слѣды прибилъ,—сказалъ Аггѣй и, покашлявъ, такъ какъ вдругъ пересохло горло, пошелъ обратно въ кабинетъ...

Но въ кабинетѣ стоялъ тотъ низенькій диванъ, обитый коричневой кожей, тошней и раскоряченный—свидѣтель всѣхъ неприятностей, глядя на который съ ненавистью, сказалъ Аггѣй:

— Какъ глупо, для чего мнѣ нужно все это дѣ-

лать... Будто бы я обязанъ видѣть всю эту гадость...

И, вдругъ страшно разсердившись, выдвинулъ ящикъ стола; дрожа отъ легкаго озноба, перевернулъ бумаги и вынулъ тяжелый кобуръ.

Съ любопытствомъ рассматривая револьверъ, взвелъ Аггѣй курокъ и, направивъ дуло на себя, легко пожалъ гашетку.

Рука его вдругъ отдернулась, и онъ сказалъ глухо:

— Что я дѣлаю...

Часто дыша, положилъ револьверъ, отошелъ къ окну...

Было сумеречно и безнадежно сыро тамъ, на волѣ. гдѣ висѣли мокрыя вѣтви; когда Аггѣй отворилъ раму, холодныя капли упали на руки и лицо, неприятно уколъ, и онъ опять отошелъ къ столу.

— Куда дѣться,—сказалъ Аггѣй. И снова взялъ револьверъ, поворачивая холодный барабанъ.

— Онъ будто приказываетъ,—сказалъ Аггѣй,—тупой какой-то, съ дырой посерединѣ. Ахъ, итѣ, только не сюда...

Собравъ волю, вытянулъ Аггѣй руку отъ себя и, жмурясь, оглушительно выстрѣлилъ, сверкнувъ огнемъ.

Звякнуло напротивъ стекло. Въ домѣ сразу затихло, будто всѣ присѣли въ страхъ... Аггѣй облегченно вздохнулъ и, улыбнувшись, повалился въ кресло.

А въ коридорѣ уже слышались испуганные голоса и хлопанье дверей...

— Они думаютъ, я въ себя выпалилъ, беспокоятся, мяле...—томно молвилъ Аггѣй и, жемая сдѣлать этимъ людямъ пріятное, застоналъ, а когда вбѣжали въ кабинетъ приказчикъ и Марья Ивановна, молвилъ слабымъ голосомъ:

— Премахнулся...

Въ тотъ же вечеръ нарочный привезъ письмо, распечатывая которое волновался Аггѣй, долго не въ силахъ прочесть первыя строки.

„Милый Аггѣй,—писалъ Людмилаинъ,—миѣ очень жалко, что вышло смѣшное недоразумѣнїе. Я благодарю за честь, оказанную моею сестрѣ, и надѣюсь—ты не будешь сердиться на эту курьезную исторїю. Я и Надя ждемъ тебя въ Петербургъ посмотреть бѣлыя ночи и освѣжиться отъ твоего Коровинскаго сидѣнья.

Надя очень проситъ тебѣ кланяться; она говоритъ, что провела у тебя самыя очаровательныя дни въ жизни. Такъ прїѣзжай, смотри, и не сердись... Твой Степанъ... Ваша Надя...“

— Ваша Надя,—повторилъ нѣсколько разъ Аггѣй, какъ во снѣ, и охнулъ, держась рукой за грудь.

Радость его была велика, и всѣ нѣжныя слова, сказанныя Надей, всѣ ея движенїя припомнились, словно вырвались птицы на волю изъ темнаго гнѣзда.

— Хотя мы не вѣнчаны,—сказалъ Аггѣй,—да я просто дурень, ничего не понявъ,—п, поспѣшно вынувъ изъ бокового кармана красненькїй платочекъ Нади, оброненный ею на травѣ и тайно имъ похищенный, со всей силой принялся вдыхать его аромать, говоря:

— Дѣвушка моя нѣжная, благодарю тебя за все...

Потомъ потянулся, выпрямилъ грудь, хрустнулъ пальцами и засмѣялся.

— Какъ хорошо!

Позванная Марья Ивановна немало была удивлена, видя своего барина, который уже рѣшился на отчаянность, по ея выраженїю, а теперь стоять посреди комнаты, напѣвая въ носъ старинную пѣсенку:

Три дѣвннмъ шли гулять,
Шли гулять, да.
Шли онѣ лѣсочкомъ...

— Марья Ивановна,—закричала Аггѣй,—милый другъ, укладывайте скорѣе чемоданъ, да крикните,—лошадей закладывать; сейчасъ я ѣду въ Петербургъ...

— Петербургъ,—протянула Марья Ивановна,—въ такую-то погоду, да васъ къ землѣ дождемъ прибить...

— Погода прекрасная, бѣгите скорѣй.—Аггѣй, повернувшись, подошелъ къ шкафу, въ стеклѣ котораго была большая дыра отъ пули.

— Какъ глупо,—сказалъ Аггѣй и вадрогнулъ...—Теперь я совсѣмъ здоровъ; скорѣй бы только отсюда.

Въ темнотѣ по кочкамъ трясся тарантасъ, закидывая закутаннаго въ чепанъ Аггѣя грязью и водой...

Ничего не замѣчая, глядѣлъ онъ впередъ, думая только, когда же станція выглянетъ изъ этой хляпкой, ночной степи...

Казалось, съ прїѣдомъ на станцію измѣнится вся жизнь: впереди ожидался свѣтлый городъ и счастье, а сзади оставалась вотъ эта глушь...

Аггѣй закрывалъ глаза; представлялось, что отовсюду тянутся обозы, скрипя и скользя по грязи, и летать воронье...

Кучеръ покрикивалъ на коней и, когда была утрачена послѣдняя надежда доѣхать, сказалъ: вонъ и станція.

Аггѣй вскинулся, а кучеръ продолжалъ, тыкая кнутомъ въ темноту:

— А вотъ и машина подходитъ, какъ бы не опоздать.

Лошади помчались, тарантасъ кидало въ стороны,

Аггѣй стоялъ, держась за козлы, глядѣлъ на три приближающихся изъ темноты фонаря, и въ немигающіе его глаза бросало грязью и водой. Немного не доѣзжая станціи, грузно упалъ коренникъ, пристяжныя завились и спутали сбрую, Аггѣй-же принялся трясти кучера за плечи, повторяя:

— Что ты, что ты!

Потомъ, захвативъ чемоданъ, побѣжалъ, путаясь въ длинномъ чашанѣ, къ подошедшему поѣзду и, когда ударилъ третій звонокъ, выпрыгнулъ въ вагонъ, тяжело дыша.

Въ вагонѣ было душно. Свѣча, прикрытая шторкой, едва освѣщала спавшихъ на койкахъ пассажировъ и торчащія сверху въ шерстяныхъ чулкахъ огромныя ноги, мѣшавшія проходить.

Аггѣй, снявъ мокрую одежду, поднялъ ее вмѣстѣ съ чемоданомъ въ сѣтку и этимъ движеніемъ задѣлъ носныя ноги. Тогда зарычало наверху, ноги подобрались, и, кашляя, свѣсилась влохмаченная голова.

— А вы поосторожниѣе, — сказала голова.

— Извините, — отвѣтилъ Аггѣй, — я очень торопился, я едва добѣжалъ, представьте, какое счастье.

Наверху чиркнули спичкой, и можно было увидѣть, что у головы одутловатая щека, борода клиномъ и, посреди спутанныхъ волосъ, плѣшь, исцарапанная ногтемъ...

— Ну, что новаго, — сказала опять голова, и, спустивъ ноги, сѣлъ на лавку человѣкъ въ измятомъ пиджакѣ, довольно толстый и сонный. Человѣкъ вывернулся, зѣвая, и продолжалъ:

— Спать не могу. Вы въ Петербургъ ѣдете, попутчики, значить.. Кто вы такой?..

— Коровинъ, — отвѣтилъ Аггѣй съ готовностью: онъ уже любилъ этого человѣка, ѣдущаго въ Петербургъ...

— Помѣщикъ?

— Да, у меня пять тысячъ десятинъ...

— А я Синицынъ, — сказалъ человѣкъ, помолчавъ, — разночинецъ, по вашему, хамъ...

— Что вы, — заторопился Аггѣй, — развѣ не всѣ люди...

— Такъ вы либераль. А васъ жгми?..

— Нѣтъ. А развѣ нужно? Господи, какъ поѣздъ идетъ медленно.

Аггѣй откинулся на спинку койки, съ тоскою слушая удары колесъ о рельсы и шумъ дождя...

— Вы въ Петербургъ зачѣмъ ѣдете? — спрашивалъ Синицынъ, закусивъ папироску и смотря прямо въ глаза, не мигающими своими глазками.

— Я такъ... меня ждуть, не по дѣлу, а...

— Понимаю, — сказалъ Синицынъ, усмѣхаясь, — на счетъ бабъ... освѣжитесь.

— Нѣтъ, что вы говорите... Я къ моимъ знакомымъ ѣду, брату и сестрицѣ.

— Предположимъ; ну, а знаете, ваша физиогмордія мнѣ понравилась, я побѣгаю съ вами по городу; безъ опытнаго человѣка нарветесь, знаете ли, на такого бабца...

— Вы напрасно думаете...

Но Синицынъ перебилъ:

— Къ вамъ въ имѣніе тоже заверну, какъ-нибудь.

— Пожалуйста, очень буду радъ...

— Ну, рады не будете... Стойте, сейчасъ буфетъ; идемъ пить водку...

И, когда поѣздъ остановился, сколько ни сопроти-

влялся Аггѣй, увлекъ его Синицынъ къ буфету и потому, захвативъ съ собой кое-что, довольный, разлегся на койкѣ, продолжая разговоръ.

— Вы, конечно, считаете меня за послѣднюю собаку; вполне васъ понимаю; шутка сказать, за пять лѣтъ дня я не имѣлъ, чтобы прожить спокойно.. Весь вотъ такъ ходуномъ и хожу; пью и грубою своимъ меценатамъ. Я, знаете ли, живу по современной системѣ: найду мецената, отдаю его до послѣдней копѣйки и жду другого; мысли безумныя, поступки каторжные; меня такъ и зовутъ: кинжалъ и роза. Нище всѣхъ насъ погубилъ... Это вамъ непонятно. Вы земной человѣкъ, а я современная плѣсень.

Синицынъ самодовольно усмѣхнулся, посмотрѣлъ въ глаза, и добавилъ:

— Все-таки мы люди, а вы — ерунда на постномъ маслѣ.

— Чѣмъ вы занимаетесь? — спросилъ Аггѣй поспѣшно.

— Чѣмъ я только не занимался. Продавалъ резиновые издѣлія, потрошилъ животы въ Кишиневѣ, потомъ сдѣлался революционеромъ; но надобѣли дисциплина и нравственность; къ тому же мнѣ на людей наплевать... А теперь занимаюсь литературнымъ мажачествомъ, сводничествомъ и мелкимъ репортажемъ.

— Вы клеветаете на себя, — сказалъ Аггѣй.

Но Синицынъ, подмигнувъ, завалился на его койку и, сказавъ: до завтра, — захрапѣлъ скоро на весь вагонъ.

Отогнувъ шторку окна, Аггѣй увидѣлъ сырое утро и бѣгущія навстрѣчу неясныя поля.

— Что это, — сказалъ Аггѣй, — все нерадостно, — и

поймавъ себя на невеселыхъ мысляхъ, постарался поскорѣ уснуть...

Прснулся Аггѣй поздно, когда солнце клонилось къ закату, и долго лежалъ на спинѣ, открывъ глаза...

Потомъ пришелъ откуда-то Синицынъ; лицо у него было желтое и мрачное, а разговоръ сдержанный, какъ будто онъ стыдился вчерашнихъ словъ.

— Меня мучить одна мысль, — сказалъ Аггѣй, принявъ спокойный видъ, — мой лучший другъ ѣдетъ сейчасъ въ Петербургъ, чтобы увидѣться съ одной дамой. Онъ ее любитъ; такъ вотъ мнѣ хочется знать, обрадуется ли она его пріѣзду...

— Несомнѣнно, — сказалъ Синицынъ, — пусть смѣло ѣдетъ...

— Вотъ какъ! — спохватился Аггѣй, — я потому вамъ говорю, что вы были откровенны со мной... Отношения у нихъ престранныя...

И Аггѣй, блаженно улыбаясь, сталъ рассказывать про Надю...

— Любопытно, — молвилъ, наконецъ, Синицынъ, — вашему другу весь свѣтъ бабьей юбкой закрытъ; только я бы совѣтовалъ ему посмотрѣть хорошенько, можетъ получше бабецъ найдется.

— Нѣтъ, — сказалъ Аггѣй, — мой другъ не такъ смотритъ...

Не докончивъ, онъ сталъ бреagliво морщиться, откинувшись въ тѣнь койки.

Въ вагонъ темнѣло; скоро мимо оконъ стали пролетать фонари, освѣщая на мгновеніе лицо сосѣда.

Отъ Синицына пахло перегаромъ; лѣвъ онъ съ разговорами, дыма папироской въ глаза; казалось Аггѣю — случилось большое несчастье: нарушенъ тихій восторгъ,

и чѣмъ дальше уносился поѣздъ, тѣмъ больше уплывало станцій и однообразныхъ телеграфныхъ столбовъ и за окномъ вытягивалось проволокоѣ, опускающихся, чтобы мѣрно вознестись до бѣлыхъ чашекъ опять, тѣмъ глуже удалялся въ неясное образъ Нади.

Пересадки и новая ночь въ купѣ, гдѣ, кромѣ Синицына, разговаривали еще двое пассажировъ дорожными голосами, отъ которыхъ тошнить и кружится голова, измучили непривычнаго къ дорогѣ Аггѣя, и на утро, когда онъ взглянулъ на тощія сосны и желтыя будки среди ржавыхъ болотъ, стало ясно, что незачѣмъ было ѣхать и нечего ждать впереди.

Петербургъ сталъ виденъ справа, огромный, окутанный мглою и копотью множества трубъ.

Быстро миновали кирпичные заводы, прудки съ вербами, площадка, на которой унылый гимназистъ ждалъ дачнаго поѣзда, кладбище; прогремѣли стыки и стрѣлки подъѣздныхъ путей, и въѣхалъ поѣздъ подъ холмный вокзалъ, гдѣ носильщики въ бѣлыхъ фартукахъ побѣжали вслѣдъ, заглядывая въ окна вагона...

Синицынъ посоветовалъ Аггѣю остановиться на Пушкинской и торопливо убѣждалъ, крикнувъ на ходу:-- смотрите же, на Пушкинской!—а Аггѣй, вслѣдъ за носильщикомъ, вышелъ на площадь, вдыхая влажный воздухъ петербургскаго утра.

Аггѣй надѣлъ свѣрый костюмъ съ большими клѣтками и сѣлъ на красный диванчикъ у стола, на захватной скатерти котораго только что отпищала самоваръ.

— Какой маленькій самоварчикъ, — подумалъ Аггѣй и обернулся къ окну.

Оттуда слышались стукъ ножей, голосъ старьевщика и удары палкой по ковру, а въ желтомъ колодецѣ двора было много оконъ, на нѣкоторыхъ спущены шторы, изъ нѣкоторыхъ выглядывали лица съ усами и безъ усовъ.

— Сколько оконъ, — подумалъ Аггѣй и поглядѣлъ налѣво.

На вѣшалкѣ висѣли его пальто и шляпа; рожа нарисована была карандашомъ на обояхъ, а за дверью все время разговаривали, звенѣла посуда, и всѣ звуки покрывалъ тяжелый грохотъ ѣдущихъ телегъ.

Аггѣй легъ, положивъ руку подъ голову и, глядя на потолокъ, подумалъ:

— Сколько здѣсь людей; всѣ живутъ по своему и хотятъ дѣлать свое. Почему же именно я долженъ сказать: Надя, брось мужа и люби меня. Я такой же, какъ всѣ.

Закрывъ глаза Аггѣй представилъ большія соты, полныя пчелъ, и себя внизу въ этой комнатѣ съ треснувшими обоями, маленькимъ червякомъ — пчелинымъ сыномъ.

Отъ дороги все еще стучали рельсы въ ухахъ; покачивая, тошило, и кислый запахъ номера наводилъ тоску...

— Полежу здѣсь до завтра, — думалъ Аггѣй, — поѣду потомъ домой. А дома темно, идетъ дождь, и дыра отъ пули въ стеклянномъ шкафу... Нѣтъ, нельзя туда ѣхать.

— Куда бы нибудь на свѣтлую полянку попасть, гдѣ

стѣна монастырская и зеленые купола. Поглядѣть бы на нихъ и на рѣчку и отдохнуть...

Аггѣй хотѣлъ заснуть, но не смогъ; безсильная вялость томилъ, а въ глубинѣ сердца нарождалось безпокойство, будто не выполненъ былъ долгъ.

Потомъ шумно ворвался въ дверь Синицынъ и воскликнулъ:—Вотъ вы гдѣ, хорошо то же, разлегся и думаетъ, каша ему сама въ ротъ ползаетъ.

— Оставьте, — сказалъ Аггѣй съ гримасой, — какая тамъ каша? Я утомленъ.

— А мы подкрѣпимся коньячкомъ. Человѣкъ...

Синицынъ развалился на стулѣ, не мытый еще съ дороги, въ затхлому пиджакѣ, и похлопалъ Аггѣя, добродушно улыбаясь.

— А глаза у него злые, — подумалъ Аггѣй и добавилъ слабо:—нѣтъ, право, оставили бы меня...

— А вотъ и коньячекъ, — воскликнулъ, подпрыгнувъ на стулѣ, Синицынъ, — вы на знакомыхъ вашихъ напьюте сегодня... Зададимъ мы вертуна...

Коньякъ сначала обжегъ горло, потомъ Аггѣю стало тепло, слегка зашумѣло въ головѣ, и шумъ этотъ заглушилъ городскіе звуки...

— Теперь идемъ завтракать, — воскликнулъ, спустился время, Синицынъ, подхватилъ Аггѣя подъ руку и, нахлобучивъ ему шляпу на глаза, увлекъ на улицу.

На улицѣ ясное солнце, припекая, не жгло, и приятно было идти въ тѣни домовъ мимо сквера, гдѣ играли дѣти, а маленький Пушкинъ упрямо стоялъ, глядя на крышу...

Первое, что бросилось въ глаза Аггѣю при поворотѣ на Невскій — длинный рядъ дураковъ въ зеленыхъ шапкахъ и кафтаныхъ, идущихъ одинъ за другимъ,

неся на спинѣ доски съ нарисованнымъ голымъ чело-вѣкомъ, скрестившимъ руки... Потомъ Аггѣю дали какую-то бумажку, и онъ прочелъ: „Кто хочетъ имѣть всегда чистыя руки“... При переходѣ черезъ улицу на Аггѣя налетѣлъ рысакъ, и велосипедистъ затрещалъ надъ ухомъ. Аггѣй неловко побѣжалъ.

— Не развѣивайте ротъ, — крикнулъ Синицынъ...

На тротуарѣ тотчасъ же принялись толкаться прохожіе, и такъ какъ Аггѣй былъ выше всѣхъ головой, сверху ему представлялось, будто копошились одни черные котелки, шляпы и фуражки.

— Охъ, — сказалъ Аггѣй, вытирая потъ, — что они какъ тормошатся, отойдемъ въ сторону...

И онъ отошелъ къ окну гастрономическаго магазина, съ удивленіемъ глядя на горки фруктовъ и сластей.

— Надо бы купить, — молвилъ Аггѣй и не договорилъ, сильно поблѣднѣвъ: за окномъ толстый приказчикъ, стоявшій, заложивъ руки и поднявъ бровь, быстро поосторонился, давая дорогу дамѣ, которая, держа свертокъ, вышла изъ дверей.

Но это была не Надя, но совершенно подобная ей, съ дѣтскимъ лицомъ, блѣднымъ и нѣжнымъ, въ черной шляпѣ, съ рукою, затакнутой въ бѣлую перчатку, у груди.

Спокойно оглядѣвъ, дама улыбнулась, какъ бы кивая головой Аггѣю, и пошла, подхвативъ юбку, такъ что были видны тонкія ея въ прозрачныхъ чулкахъ ноги, твердо ступающія на высокіе каблукки.

— Видалъ? — сказалъ Синицынъ, громко смѣясь, — хороша! А хотите, познакомлю...

— Кто она? — спросилъ Аггѣй.

— Машенька. У нея весь Петербургъ ночеваль...

Синицынъ, надувъ щеки, хлопнулъ себя по бокамъ:— ахъ, вы деревенская душа.

— Синицынъ,—сказаль Аггѣй,—я бы пошелъ къ себѣ, мнѣ нехорошо.

Но Синицынъ повелъ его завтракать и, подъ модную пѣсенку оркестра, стуча въ тактъ по тарелкѣ ножемъ, увѣрялъ, что если Аггѣю хочется поспать съ Машенькой, не такъ это трудно... у кого есть бумажникъ.

— Оставьте, не надо,—бормоталь Аггѣй, избѣгалъ его взгляда,—пустите меня.

Не докончивъ ѣду, вдругъ ставшую противной, поднялся, оттолкнулъ столъ и, давъ Синицыну обѣщаніе пріѣхать вечеромъ, сѣлъ Аггѣй на извозчика. Дома, экипажи и прохожіе поплыли передъ глазами, и чувствовалъ Аггѣй себя грузнымъ, словно налитымъ кровью...

— Невозможно, невозможно,—бормоталь онъ, прийдя къ себѣ въ комнату,—подойти и тронуть ея платье!— Аггѣй повалился на диванъ, чувствуя, какъ жаръ сущить горло, а все тѣло знобитъ.

— Зачѣмъ она доступна,—воскликнулъ онъ и скрипнулъ зубами.

Глава четвертая.

— Лихорадка, должно быть,—мелько дрожа всѣмъ тѣломъ, сказаль Аггѣй,—зачѣмъ я заѣхаль сюда,—и, съ тоской разглядывая обивку дивана, ясно увидѣлъ между коричневой завитушкой и цвѣткомъ склоненную голову Машеньки въ черной шляпѣ и рукой у груди...

Лицо Аггѣя налилось и потемнѣло; поднявъ палецъ, онъ осторожно тронуть маленькую грудь, четко видную

подъ узкимъ платьемъ... и подкинулся, суча ногами.

— Что я дѣлаю,—сказаль Аггѣй, тяжело повертываясь на спину,—ахъ, какъ знобитъ, начинается у живота и бѣжить по всему тѣлу... Вѣдь она не будетъ сопротивляться; ей не будетъ стыдно снять при мнѣ все платье.

Аггѣй натянулъ до подбородка пальто и, бормоча подъ носъ несвязное, представлялъ лежащую рядомъ съ собой Машеньку, почему-то всегда со сверткомъ и въ перчаткахъ, но мысли обрывались на половинѣ, Машенька исчезала, и Аггѣй начиналъ думать сначала.

Потомъ представилось поле за людской избой, поросшее густой полынью, черезъ которую тихо идутъ бабы и мужики-богомольцы. Двое изъ нихъ отстаютъ и ложатся въ полынью. У Аггѣя стучитъ сердце, и видитъ онъ, какъ обнаженные, бѣлыя женскія ноги, въ красныхъ чулкахъ до колѣна, поднимаются надъ синеватой травой.

— Посмотрѣть бы тогда надо,—говорить Аггѣй, и новая картина прошлаго открывается.

Весною Аггѣй, убѣжавъ отъ гувернантки, идетъ съ лопатой мимо коровьяго загона и останавливается при видѣ порога, вскочившаго на бѣлую тѣлку. Понемногу Аггѣй сознаеть, что это—го, страшное. Поблѣднѣвъ, бросаетъ лопатку и по талому снѣгу и лужамъ идетъ въ поле, гдѣ, полузанесенная, зимуетъ плугарская будка на колесахъ.

Становится Аггѣй въ будкѣ на колѣни и, касаясь пылающимъ лицомъ снѣга, молитъ Бога—дать силы пережить видѣнный ужасъ.

До вечера маленькій Аггѣй молится въ снѣжной степи и плачетъ отъ радости, что страхъ отошелъ.

Съ этого времени вся земля наполняется жизнью; съ любопытством разсматриваетъ Аггѣй двухъ жуковъ или лягушекъ, прильнувшихъ другъ къ другу, палочкой перевертываетъ ихъ на спины и, поблѣдивъ, съ застывшей улыбкой, вдругъ гнѣвно топчетъ ихъ ногами.

Или, сидя въ густой травѣ, проситъ маленькую свою няньку показать, что у нея скрыто, и, плача, цѣлуетъ ей голыя ноги и поднимаетъ подолъ. Но Машка жалуется матери, и наступаетъ расплата въ эту же весну—томительный стыдъ за все...

— Господи, дай мнѣ Машеньку,—бормочетъ теперь Аггѣй,—милая Машенька. Я больше ничего не боюсь...

Аггѣй томился, забываясь; не слышалъ, какъ осторожно стучалъ въ двери лакей; не видѣлъ сумерекъ, тоскливо затемнившихъ комнату...

Внезапно Аггѣй поднялся и, толкнувшись сначала въ стѣну и ширмы, вышелъ на улицу...

— Не опоздаю,—сказалъ Аггѣй,—онъ назначилъ въ половинѣ девятого, теперь восемь.

Твердо ступая и видя ясно, шелъ онъ по лѣвой сторонѣ Невскаго къ Адмиралтейству.

Тамъ, гдѣ сходились дома, трамвайные столбы и проволоки, за мѣднымъ шпилемъ башни угасалъ закатъ, и выше небо зеленѣло, какъ морскія воды. А направо, среди потемнѣвшихъ домовъ, одинъ пассажъ, какъ будто приподнявшись, нылалъ багровыми окнами, словно помонъ былъ внутри огня, не разрушавшаго мраморъ и бронзовые переплеты.

Пассажъ погасъ, опустился, и загорѣлось рядомъ зданіе.

— Вотъ и ресторанъ этотъ, — сказалъ Аггѣй и, войдя, тотчасъ же увидѣлъ Синицына.

— Минута въ минуту пришли, — воскликнулъ Синицынъ, — ну съ, что будемъ дѣлать?

— Дѣлайте, что хотите, — сказалъ Аггѣй, стоя передъ нимъ, — ну, давайте кутить.

— Люблю васъ, — воскликнулъ Синицынъ, — давно бы такъ. Значитъ, идемъ въ садъ и Машеньку поищемъ...

Когда извозчикъ повезъ ихъ по Фонтанкѣ, обнявъ Синицынъ Аггѣя за талию, добродушно увѣряя:

— Въ вагонѣ-то я все на себя напускалъ; вы не вѣрьте, люблю повать, а вы сразу мнѣ понравились — породистый помѣщикъ и очень симпатичный...

Аггѣю сдѣлалось стыдно, и онъ сказалъ:

— Вы тоже очень симпатичны.

Когда они пріѣхали, Аггѣй, слегка задыхавшись, сталъ протискиваться локтями сквозь шумную толпу гуляющихъ по саду, гдѣ среди листьевъ, въ гротахъ и бѣсѣдкахъ, горѣли цвѣтные фонарики.

— Тихе вы, медвѣды! — кричали въ догонку. А Синицынъ, смѣясь, шелъ сзади и, когда ступили они на открытую площадку, на красноватомъ пескѣ которой волнился свѣтъ большихъ фонарей, Аггѣй шумно вдохнулъ, оглянувшись на полутемный навѣсъ, гдѣ въ глубинѣ, ярко освѣщенная, танцевала испанка.

— Машенька, должно быть, у столиковъ, — сказалъ Синицынъ, — да, вонъ и она съ двумя кавалерами.

Аггѣй, торопясь, отыскалъ глазами сидящую въ профиль къ нему Машеньку, съ милой улыбкой положившую ногу на ногу, и двухъ ухаживателей въ котелкахъ, склоненныхъ къ ней, рѣзко отвернулся и пошелъ въглубь сада, догоняемый Синицынымъ...

— Полно вам дурить,—прикрикнулъ Синицынъ,—это коты съ ней сидятъ, мы сейчасъ ее приведемъ.— И убѣждалъ рысцою.

— Боже мой,—шепталъ Аггѣй, садясь на скамью,—неужели она со всѣми... они цѣлуютъ ея нѣжное лицо, хватаютъ, дѣлаютъ, что хотятъ, она же...

Аггѣй вскочилъ и сѣлъ опять.

— Я ихъ всѣхъ бы прогналъ...

Стиснувъ зубы, Аггѣй закрылъ лицо, положивъ локти на колѣни...

Оркестръ игралъ неподалеку, и одна труба его, издающая всего два звука, отдѣлилась и заревѣла сама по себѣ низкимъ басомъ все громче и ближе, какъ будто наполняла весь садъ тупымъ своимъ ухаемъ.

— Ахъ,—сказалъ Аггѣй, открывъ лицо,—что-же это!

Мимо шли, улыбаясь направо иналѣво, наряженные дѣвушки, прошмыгнувъ, оглянувшись, завитой франтъ въ котелкѣ, и плывъ, хрустя пескомъ, толстякъ съ окуркомъ сигары въ брштыхъ губахъ.

— Уйти надо, лечь,—подумалъ Аггѣй и, увидѣвъ подходящихъ Машеньку и Синицына, сталъ жалобно улыбаться, кося глаза. Соскользнулъ потомъ со скамейки и, спотыкаясь, почти побѣжалъ къ выходу черезъ газонъ.

— Аггѣй Петровичъ,—закричалъ Синицынъ такъ жалобно, что всѣ оглянулись, Аггѣй-же сталъ, какъ виноватый, шепча:

— Трусъ, трусь...

Машенька ничего не говорила, только, чертя зонтикомъ по песку, вскидывала прекрасные свои глаза на проходящихъ. Аггѣй же не смѣлъ на нее взглянуть, боясь, какъ бы не прочла она въ его взглядѣ вожде-

лѣнія и церемонно молчалъ, склоня голову на бокъ.

— Ну,—воскликнулъ Синицынъ,—долго будемъ стоять у входа?..

— Поѣдемте кататься,—сказала Машенька, растягивая слова, и улыбулась Аггѣю,—у насъ по ночамъ свѣтло...

— Угадала, что ты провинциаль,—хихикнулъ Синицынъ,—это, Машенька, закадычный мой другъ, Петровичъ...

— Да, да,—сказалъ Аггѣй.

Они вышли изъ рѣзкаго свѣта огней на бѣлый сумракъ, къ рѣкѣ, гдѣ за рѣшеткой спокойно отражались дома съ темными окнами.

Ступивъ на узкій тротуаръ рѣки, Синицынъ заложилъ руки въ карманы куцаго пиджачка, сдвинулъ шляпу и пошелъ впередъ, а Машенька, вздохнувъ, просунула руку свою подъ руку Аггѣя, прижала ее къ груди и, обернувъ блѣдное лицо съ синими подъ глазами кругами, улыбкой открыла два ряда ровныхъ зубовъ.

— Ну, что,—сказалъ Аггѣй, какъ во снѣ нагибаясь къ ея раздвинутымъ губамъ,—душенька моя...

Когда онъ такъ сказалъ, Машенька охватила его шею рукой и, глядя въ глаза, медленно поцѣловала.

— Вотъ и поцѣловались,—молвила она.

— Bravo!—отвѣтилъ Синицынъ, не обращиваясь...

Аггѣй поглядѣлъ на небо, которое свѣтилось мягкимъ свѣтомъ, бѣлымъ и ровнымъ, и негромко молвилъ:

— Это лучше, чѣмъ все, о чемъ я думалъ, и болѣе странно...

Нанятая Синицынымъ коляска поѣхала черезъ мостъ,

у периль котораго стоялъ человѣкъ съ поднятымъ воротникомъ пальто.

— Чего онъ смотритъ-то,—сказала Машенька,—ничего тамъ въ водѣ не увидишь, нехорошо!

— А вамъ не холодно,—спросилъ Аггѣй и, покраснѣвъ, добавилъ,—вы очень красивая.

У колонны Исаакиевскаго собора сидѣла оборванная старушенка, подперевъ кулаками подбородокъ; по набережной пролетѣлъ рысакъ, увлекал даму и цѣлующаго ее офицера... Дама закинула голову, держа руки въ муфтѣ, а съ офицера упала фуражка...

— Поцѣлуйте и меня,—сказала Машенька, жеманно придвигаясь; Аггѣй же на ея слова откинулся въ уголъ коляски, поднявъ брови.

Нева стояла выпуклая и стальная, а на той сторонѣ лежали два сфинкса въ тѣрахъ.

— Это, должно быть, у меня кружится голова,—сказала Аггѣй.

Машенька привлекла его за руку и, погладивъ по щекѣ, щепнула:

— Поѣдемъ ко мнѣ, у меня отдохнете.

Тогда Аггѣй опять почувствовалъ тупую тяжесть и ознобъ и, закусивъ губу, чтобы сдержать дрожь, увидѣлъ на открытой Машенькиной шеѣ коричневую родинку; отъ этого все тѣло дѣвушки стало роднымъ и сладкимъ; разжавъ ротъ, Аггѣй кашлянулъ хрипло и, вдругъ застонавъ, страшно покраснѣлъ.

А Синицынъ, не открывая глазъ, крикнулъ кучеру адресъ.

Аггѣй со всей силой сжималъ себѣ руки, пока Машенька отворяла на темной лѣстницѣ дверь, а потомъ

въ прихожей, гдѣ пахло Машенькиными одеждами, прислонился къ стѣнѣ, не въ силахъ снять пальто.

— Я въ столовой на стульчикѣ посижу,—заяскивающе молвилъ Синицынъ,—куда мнѣ идти, тутъ и подожду Петровича...

— Гадъ ты,—сказала Машенька,—ну, сиди, только не стащи чего-нибудь...

— Ну, это я-то,—отвѣтилъ Синицынъ и, увидѣвъ въ столовой бутылки, сталъ прыгать, поднимая пиджакъ, такъ что видна была пряжка засаженныхъ его панталонъ.

— Жалко мнѣ его все-таки,—сказала Машенька,—хоть онъ и свинья. Женатый вѣдь и дѣтей любить. Пройдемъ въ спальню.

Взявъ Аггѣя за руку прошла она черезъ двѣ двери въ комнату, устланную желтымъ ковромъ, съ деревянной кроватью посрединѣ и туалетомъ изъ трехъ зеркалъ.

Сѣвъ на бѣлый стульчикъ передъ зеркаломъ, сняла локоны, провела пальцемъ по бровямъ и, разстегнувъ кофточку, слегка откинувшись, обнажала плечи и розовую кожу тонкихъ рукъ съ двумя оспинками...

— Вотъ,—сказала Машенька,—видишь, я какая.

Аггѣй, до того стоявшій у окна, осторожно опустился передъ ней на колѣни и, охвативъ руками, спряталъ лицо въ нѣжныхъ ея ногахъ, шепча:

— Наконецъ, я съ тобой, чистая моя... люблю тебя...

Машенька захватила пальцами его волосы, дернула и сказала:

— Нехорошо на колѣняхъ стоять, сядьте.

И, когда онъ послушался, аккуратно сняла платье, прижавъ лицо Аггѣя къ груди, сѣла къ нему на колѣни, покачивая, какъ бы баюкая.

— Хорошо тебѣ?—спросила она.—И спать не хочется. А на улицѣ свѣтло, свѣтло.

Однимъ глазомъ Аггѣй взглянулъ на окно, гдѣ за перистыми облаками, надъ лиловою тучей, разгоралась золотая полоса, освободилъ голову и сказала:

— Маша, Машенька, мнѣ все можно?

Глаза его расширились, сознание словно бродило по похутившему лицу, и, когда Машенька, опустивъ рѣсницы, сказала, приподнимая шелковую юбку:

— Смотри, какія ножки у меня и чулки ажурные и бѣлые.—Аггѣй коротко вздохнулъ, поднялся, прошелъ нѣсколько шаговъ, держа на рукахъ крѣпко прижавшуюся къ нему дѣвушку и, вдыхая ея запахъ, со стономъ повалился на коверъ.

Потомъ Машенька поднялась съ ковра, озабоченно обмахнула платочкомъ лицо, и, на плечи накинувъ теплую шаль, нагнулась надъ Аггѣемъ, говоря:

— Встань, мименькій, запыхишься на коврѣ... Видишь, измучился какъ...

Но Аггѣй не отвѣчалъ, лежа, съ откинутой рукой на коврѣ; блѣдное лицо его было спокойно, какъ у крѣпко спящаго.

— Встань же,—повторила Машенька и, легко присѣвъ, потрепала Аггѣя по волосамъ.

Аггѣй открылъ глаза, щеки его стали розовѣть; приподнявшись, схватилъ онъ Машеньку, словно боясь, что она убѣжитъ...

— Любишь меня?—спросилъ онъ серьезно...

— А какъ же,—смѣясь отвѣтила Машенька, и дѣловито добавила:

— Ты почевать останешься, или домой пойдешь?

— Домой,—сказалъ Аггѣй медленно и тяжело съѣвъ на стулъ,—куда я пойду?

Машенька, доставъ изъ стеклянной коробки папироску, закурила, слѣдя за струей дыма...

— У всякаго человѣка есть домъ,—сказала она,—со мной не останешься жить...

— Зачѣмъ ты куришь; дымъ изъ носу у тебя идетъ,—молвилъ Аггѣй тоскливо,—ты мнѣ, вѣдь, раньше являлась, я тебя любилъ!—и теперь разговариваешь, какъ обыкновенная...

— Какая же я должна быть. Вотъ ужъ не люблю, когда начинаютъ говорить непонятное...

— Молчи, молчи,—сказалъ Аггѣй.

Машенька повела плечами:

— Пошелъ бы къ себѣ спать, а завтра приходи... Это часто бываетъ: обидятся послѣ этого, и сами не знаютъ, на что...

— Уйду, уйду,—сказалъ Аггѣй торопливо,—только молчи...

Онъ надвинулъ шляпу и взялся за ручку двери, а Машенька сказала тихо, будто удивляясь:

— А деньги...

Аггѣй быстро обернулся, глаза его сузились и стали злые...

Не глядя, подаль онъ одну бумажку, другую бросилъ на полъ, и, покраснѣвъ такъ, что надулись на лбу жилы, кинулъ весь бумажникъ Машенькѣ въ лицо...

— Мерзость,—сказалъ Аггѣй, дергаясь,—мерзость... Машенька приложила ладонь къ щекѣ и, отбѣжавъ за постель, тоненько крикнула:

— Вы съ ума сошли.

— Да, — говорил Аггѣй, наступая, — съ ума сошелъ. — Онъ поднималъ кулакъ, но, встрѣтивъ большіе, полные слезъ глаза Машеньки, прижавшейся къ теплой шали въ углу, неуклюже отвернулся, подумавъ:

— Какъ у собаки глаза, когда бьютъ.

Потомъ, морщась, побрѣлъ къ выходу и распахнулъ дверь.

Противъ замочной скважины на стулѣ спалъ, склонивъ голову къ глечу, Синицынъ, съ угла раскрытаго его рта текла слюна, и руки были непрстойно сложенны.

Аггѣй постоялъ мгновенье и, размахнувшись, по лицу ударилъ Синицына, тяжело сваливагося на полъ.

Спускаясь по сырой лѣстницѣ, Аггѣй задыхался отъ страха и отвращенія, а, когда вышелъ на подъѣздъ, была все та же бѣлая ночь.

Только перистыя облака стали жестче. Неподалеку дремалъ извозчикъ, почти свалившись съ козель, да въ мелочной лавкѣ открывали ставню...

— Ничего больше нѣтъ, — сказалъ Аггѣй. Помолчалъ, глядя подъ ноги, и добавилъ: — тоже — любовь!

И, сунувъ руки въ карманы, пошелъ, сутулясь, къ мосту, который держали зубами четыре красныхъ льва.

— Я домой хочу, — сказала Аггѣй, дойдя до канала, гдѣ въ похолодѣвшей водѣ отражались съ обохъ концовъ тусклая вечерняя и оранжевая утренняя зори, и тоскливо протянулъ:

— Завезли сюда меня... бросили.

Ноги его сдѣлались вялыми. Аггѣй закрылъ глаза, медленно опустился на плиты, прижавшись спиной къ гранитному столбику рѣшетки, и глухо заплакалъ.

I.

Надъ бѣлой скатертью, растопыривъ лохматыя ноги, виситъ паукъ, у абажура легко кружится зеленокрылая мошкара, карамора обжегъ длинную лапу, и волочить ее по столу... шелеститъ плющъ у балкона и возится сонная птица въ кустахъ.

Александра Аполлоновна Чембулатова разламываетъ прекрасными своими пальцами бисквитъ, качая черной наколкой, которая на сдѣвхъ ея волосахъ похожа на летучую мышъ.

— Садъ охраняетъ Володя, — говоритъ Александра Аполлоновна и ласково взглядываетъ на собесѣдника своего, молодого помѣщика и сосѣда, Собакина, — и подарила ему пистолетъ.

Собакинъ улыбается, раздвигая розовыя и нѣжныя щеки.

— Я васъ увѣрю, что нѣтъ никакого Оськи конокрада, увели у попа тройку, и по уѣзду полетѣли слухи — пришелъ молъ Оська, а Оська просто собирательное имя, — народная фантазія одарила его таинственной силой и удалствомъ.

Старушка покачала головой.

— Нѣтъ, все это вѣрно; укралъ лошадей онъ вече-

ромъ, а на утро видѣли его уже за триста верстъ...

— Развѣ видѣли?..

— Въ томъ-то и дѣло; говорятъ, онъ необыкновенно низкаго роста, мусь, силенъ и съ большой, до пояса, черной бородой...

Собакинъ чуть-чуть улынулся и пожалъ плечами.

— Появлялся въ уѣздѣ онъ два раза, продолжала старушка—и наводилъ такой страхъ, что помѣщики приковывали лошадей, а конохамъ давали ружья заряженныя... и все-таки умудрялся.

— Если его знаютъ въ лицо, почему не поймаютъ?..

— Мужики никогда не выдадутъ, боятся, что пасть будетъ, какъ сжегъ онъ вашу Хомяковку, года за три до вашего сюда прїѣзда.

— Право, Александра Аполлоновна, я начинаю боятся.

— Вамъ-то особенно надо бы позаботиться, имѣя такого жеребца, я бы ночи не спала, все караулила...

— Да, Волшебникъ—чудо что за лошадь; увидите, на Рождествѣ поведу его на бѣга.

— Да не хорошо, нехорошо; тѣмъ болѣе, что вашъ Архипъ...

— Нѣтъ, Архипъ мрачный, но очень надежный; мужикъ косматый, глаза волчьи, но вѣрный...

— Охъ... охъ...—сказала старушка.

Изъ сада на балконъ вошелъ гимназистъ, положивъ пистолеть на перила и застоналъ:

— Бабушка, чаю!

— Осторожиѣ съ пистолетомъ, смотри, куда кладешь,—заволновалась Александра Аполлоновна.

— Онъ, бабушка, не заряженъ.

— Все равно. И бабушка, шурша широкимъ пла-

тьемъ, поднялась и загородила пистолеть салфеткой.

— Что, Володя, какъ твои разбойники?—спросилъ Собакинъ.

— Ничего,—набивая ротъ вагрушками, говоритъ Володя, много.

— Убилъ кого-нибудь?

— На плотинѣ за ветлами атаманъ стоитъ, только на плотину ходить страшно.

— У пруда ночью сыро,—сказала Александра Аполлоновна.

Гимназистъ лукаво прищурился:

— А у меня, бабушка, порохъ есть...

— Откуда ты взялъ, отдай сію минуту... Володя, не смѣй убѣгать... пожалуйста, Собакинъ, догоните его, отнимите у него порохъ.

Улыбаясь сошелъ Собакинъ въ садъ, и скоро пробѣгалъ уже мимо балкона, размахивая руками, потеврявъ всю солидность, а Володя, присѣдая, вязкалъ, не давался въ руки.

— Оба дѣти!—подумала Александра Аполлоновна и стала считать, какъ въ столовой часы били одиннадцать.

— Володя, Володя,—позвала она, иди спать, одиннадцать часовъ...

Въ это время мимо изгороди простучалъ верховой, всталъ у крыльца, и чей-то чужой голосъ позвалъ:

— Баринъ Собакинъ здѣсь?

— Кто спрашиваетъ?—по-хозяйски сухо отвѣтила Александра Аполлоновна.

— Работникъ ихъ, Михайло.

На балконъ, обнявъ за плечи гимназиста, вошелъ, отпыхиваясь, Собакинъ.

— Кто меня спрашивает? Это ты, Михайло, что случилось?..

— Несчастье у нас, баринь,—сказал изъ-за плетня невидимый работник,—украли Волшебника!..

Когда Собакинъ, во весь опоръ скакавшій по темному полю, влетѣлъ пыльный, на вспѣнномъ конѣ во дворъ, у растворенной конюшни, размахивая фонаремъ, галдѣли мужики.

— Что вы надѣлали?—крикнулъ Собакинъ.

— Бѣда-то какая, не доглядѣли...

Собакинъ побѣжалъ въ конюшню. Болтъ у стойла былъ сорванъ и подъ наружной стѣной у пола сквозила дыра, въ которую должно быть и пролѣзли воры...

— А гдѣ Архипъ?—спросилъ Собакинъ.

— Будили мы его, спать, пьяный.

На вороху сѣна, закинувъ блѣдное, въ черной шапкѣ волосъ лицо, лежалъ Архипъ.

— Живъ, ничего, не тронули, пьяный очень—успокаивали работники.

— Облейте его водой, вотъ мерзавецъ.

Принесли конское ведро, подняли Архипу голову и полили.

— Лейте, лейте все ведро.

Когда голова, рубаха и порты намочили, Архипъ приподнялся, сѣлъ и повелъ налитыми кровью глазами.

— А?—спросилъ онъ.

— Архипъ, гдѣ Волшебникъ?

Сутулый Архипъ поднялся и долго осматривалъ

болтъ и обрывокъ недоуздки, въ дыру даже заглянулъ и такъ же спокойно отвѣтилъ:

— Увели, баринъ, не досмотрѣлъ...

— Легли это мы спать,—шумѣли работники,—а Михайло и говоритъ: пойдю-ка я посмотрю лошадей, а потомъ прибѣжалъ и кричить... увели, увели...

— Что же вы не догнали, дурачье,—насканивалъ на нихъ Собакинъ.

Работники вѣжливо посмѣялись.

— Гдѣ же догнать, развѣ мыслимо. Онъ это!

— Кто онъ?

— Да Оська.

— Ерунда, никакого Оськи нѣтъ...

— Очень есть, его это работа, вы, баринъ, не сомнѣвайтесь.

— Ерунда,—кричалъ Собакинъ,—сдю минуту на лошадей... догнать...

Работники помялись, но съ мѣста не тронулся ни единый.

— Ну!

— Нѣтъ, нельзя намъ.

— Вотъ я васъ!..

— И не зачѣмъ ѣхать, онъ теперь за двѣсти верстъ махаеть.

Собакинъ побѣжалъ къ дому и оттуда крикнулъ:

— Сѣдлайте сдю минуту верхового! поѣдете въ село... Да зайди ко мнѣ хоть ты, Димитрій, за письмомъ къ уряднику, живо.

...Утромъ, на вопросы урядника, Архипъ отвѣчалъ, что былъ вчера выпивши, ничего не слышалъ и помнить только, какъ палъ ему кто на грудь и скрутилъ руки,

а были то двое или одинъ и какіе изъ себя — знать не можетъ.

Такъ ничего и не добились отъ угрюмага, 'косолапаго Архипа и отвели его въ холодную, а урядникъ, выпивъ поднесенную на тарелочкѣ рюмку водки и крѣпко на прощанье пожавъ Собакину руку, сказалъ: — Архипъ въ семь дѣлѣй причиной, съ него и взычѣмъ,—и уѣхалъ.

Затихъ подъ горой колокольчикъ, а Собакинъ вышелъ на балконъ, посвисталъ и, спустившись въ садъ, зашагалъ по липовой аллеѣ.

— Слѣдствие, думалъ Собакинъ, судъ будетъ, а Волшебника не видать мнѣ, какъ ушей своихъ. Черти, ахъ черти, какую лошадь увели!

Собакину съ досадой хотѣлось сейчасъ-же куда-нибудь поѣхать, вообще суетиться.

— Ну нѣтъ, я разыщу лошадь, подъ землей достану!.. бормоталъ онъ, и прислушался.

Близко, словно вынырнувъ изъ-за акаціи, зазвякали сборные бубенцы, промелькнула за кустами и остановилась у дома коляска Чембулатовой...

— Какъ я вамъ благодаренъ, Александра Аполлоновна,—говорилъ Собакинъ, идя навстрѣчу старушкѣ,—повѣрите ли, увели Волшебника и слѣда не оставили!..

— Я предупреждала васъ, не вѣрили, а вышло по-моему,—торжествующе говорила старушка,—всему причиной вашъ Архипъ, вотъ и у моего братца тоже такъ было...

Оба они, заложивъ руки, заходили по аллеѣ и Александра Аполлоновна объясняла:

— Сейчасъ въ Уральскѣ конская ярмарка, поѣз-

жайте туда какъ можно скорѣе, нигдѣ какъ тамъ вашъ Волшебникъ...

— Въ Уральскѣ?..

— Поѣдете верхомъ,—это и скорѣе и удобнѣе для дѣла; братецъ мой тоже верхомъ ѣздилъ, у него увели Вадима отъ нашей Звѣзды и Воейковского Чорта.

— Ну и что же?

— Нашелъ, конечно, нашелъ; мужика, который привелъ Вадима, арестовали, а жеребца отдали братцу.

— Я ѣду, Александра Аполлоновна, съ вашего благословенія...

— Помогите вамъ Богъ... и старушка поцѣловала въ лобъ приложившагося къ ея рукѣ Собакина...

Долго еще ходили они по липовой аллеѣ, Александра Аполлоновна въ шелковомъ—колоколомъ платьѣ, Собакинъ въ куцомъ пиджачкѣ изъ чесучи, и старушка давала подробнѣйшія наставленія—куда ѣхать и какъ сохранить верхового, чтобы прошелъ 400 верстъ въ четверо сутокъ, и гдѣ остановиться...

— Съ козаками будьте осторожниѣ... хитрые они...

II.

Теплая темная степь, свѣтять на дорогу звѣзды, и дорога, чуть сбрая, глушитъ частые удары копытъ, и кричить коростель въ колдобинѣ; гдѣ-то, значить, близко степной хуторъ...

Безлѣсные, безводные, какъ дождевики, растутъ хутора на гладкой, человѣчьими курганами усыянной степи, вѣковѣчной дорогѣ кочевниковъ. Потянуло сыростью и дымомъ. Собакинъ привсталъ на стременахъ, взглянулся и, увидѣвъ огонекъ, свернуть прямо-

комъ по полю. Сначала, услышавъ его топотъ, зала-
яли негромко, но все дружище и звонче, сабаки, за-
были въ колотушку ночной сторожъ, и передъ Собаки-
нымъ выдвинулись изъ темноты амбары и хлѣвы, кры-
тые соломой и, подъ самую морду лошади, сзади и съ
боковъ, запрыгали, охрипшіе отъ ярости, хуторскіе псы.

Подожель сторожъ, свиснулъ на собакъ и запах-
нулся въ глубокой чапань...

— Здравствуй, дядя,—сказалъ Собакинъ, стараясь
разсмотрѣть въ темнотѣ его лицо,—чей это хуторъ?

— Козака Ивана Ивановича Заворыкина будетъ...

— А до села далече?

Сторожъ помолчалъ, и тихо, въ сторону, отвѣтилъ:

— Далече!—словно не зная, какія тутъ села бы-
ваютъ,—одна степь.

— А нельзя ли переночевать у васъ?—Спроси хо-
зяина, чай, не легли еще?

— Легли,—отвѣтилъ сторожъ уныло,—давно по-
легли.

— Такъ какъ же?..

— Спрошу, ты погоди тутъ. И онъ ушелъ.

А немного спустя, зажегся свѣтъ въ трехъ окнахъ, и
подошедшій сторожъ взялъ лошадь подъ уздцы, про-
молвивъ:

— Просятъ заѣхать!

Собакинъ прошелъ черезъ сѣни мимо сундуковъ,
крытыхъ коврами, въ горницу, гдѣ пахло шалфеемъ,
полянью,—домашнее средство отъ блохъ,—и кожей.

По стѣнамъ висѣли сѣдла, уздечки, нагайки, и въ
красномъ углу стоялъ темный большой образъ.

— Неловко,—подумалъ Собакинъ,—затесался ночью.

Изъ боковушки, глядя бороду, вышелъ, высокий и

костлявый старикъ—Заворыкинъ. Синій чекмень его
перетянутъ былъ узкимъ ремнемъ, воротъ ситцевой
рубашки растегнутъ.

Собакинъ назвалъ себя.

— Милости просимъ,—густымъ басомъ привѣтство-
валъ Заворыкинъ,—гостю всегда рады.

Въ свѣту лампы лицо его, обтянутое желтой кожей,
узкій и прямой носъ и темные глаза представлялись
такими, какіе писали на раскольныххъ образахъ.

— Прошу садиться, куда путь держите? Въ
Уральскъ?... Такъ...—пробасилъ Заворыкинъ, кивнулъ и
провелъ ладонью внизъ и вверхъ по лицу.

— На ярмарку много коней нагнали сегодня, не въ
примѣръ прочимъ годамъ.

Босая дѣвка внесла самоваръ, ужинъ и водку.

Стѣсняясь и все еще не зная, какъ держаться, вы-
пилъ Собакинъ водки и, должно быть съ усталости, сразу
захмѣлѣлъ и рассказалъ, зачѣмъ ѣдетъ въ Уральскъ—
всю исторію до конца...

— Изъ-подъ земли, а достану Волшебника,—раз-
горячась окончилъ онъ.

Заворыкинъ слушалъ, не поднимая глазъ, нахму-
рясь, а когда Собакинъ кончилъ, постучалъ пальцами
и сказалъ:

— Я такъ полагаю,—ѣхать вамъ туда незачѣмъ.

— Почему?

— Убьютъ.

— То есть, какъ убьютъ?

— Мой совѣтъ вернуться домой, жеребца наживете
еще, а жизни изъ-за скотины лишаться не стоитъ.

— Поймите, мнѣ не жеребецъ дорогъ, а добиться
своего.

— Понимаю. Молоды вы, господинъ Собакинъ, хороший баринъ, а разума въ васъ настоящаго нѣтъ. Приѣхали вы ко мнѣ, меня не знаете и рассказываете всю эту исторію, а жеребець-то вашъ можетъ быть у меня. А?

Для примѣра я говорю. Ну, вотъ послѣ этого я себя позорить не дамъ. У насъ въ степи законы не писаны, колодцы глубокіе, — бросилъ туда человѣка, землицей засыпалъ, и пропагъ человѣкъ. Да вы не пугайтесь, для примѣра говорю, бывали такіе случаи, бывали. У насъ въ степи козакъ на сорока тысячъ десятинахъ — царь, не только въ чемъ другомъ, въ жизни людской воленъ.

У Собакина отъ духоты, отъ рѣчей Заворыкина кружилась голова, и казалось — похожъ старикъ хозяинъ на древнее, черное лицо образа, что глядѣло строго и упорно изъ краснаго угла, — тѣ же рыжеватые усы надъ тонкой губой, и втянутыя щеки, и осуждающіе глаза.

Казалось, двѣ пары этихъ глазъ слѣдятъ неотступно, и тѣ, облеченные въ потемнѣвшія ризы, страшнѣе...

— Богъ это ихъ, — подумалъ Собакинъ, — степной.

— Чудно вамъ слушать, господинъ Собакинъ, — у васъ въ городѣ по иному: тѣло вы бережете, а душу ввергаете въ мерзости. А здѣсь душа вольна у каждаго, какъ птица. Душа немудрая, нечѣмъ запятнать ее, степь — чистая...

Въ степи Богъ ходитъ. Здѣсь онъ и распятъ, здѣсь насъ за грѣхи судить будетъ, много грѣховъ на насъ, многое и простится.

Собакинъ поднялся.

— Душно здѣсь...

И было ему страшно, хотѣлося уйти отъ стариковскихъ глазъ...

— Марья! — крикнулъ босую дѣвку Заворыкинъ, принеси барину студеной водицы, да отведи въ сѣни на кровать.

Плыли, качались сундуки, крытые коврами, въ сѣняхъ, и все еще гудѣлъ, казалось, голосъ: — Богъ здѣсь ходитъ, Богъ...

— Страшный у нихъ богъ, — думалъ Собакинъ, лежа на сундукѣ, — травяной...

На утро онъ, чтобы не обидѣть хозяина, поѣхалъ будто бы домой, но, когда въ сизой дали утонули соломенные кровли хутора и шести съ бараными рогами, пошелъ къ полудню широкимъ проѣздомъ, радостный солнцемъ, и душистымъ вѣтромъ, и веселой игрой спины горячаго иноходца.

На крѣпкомъ пырейномъ выгонѣ, въ наскоро связанныхъ каждахъ, стоятъ полудикіе табуны злыхъ сибирскихъ лошадей.

Положивъ большія морды на спины другъ другу, обмахиваются кони хвостами и жмурятся на бѣлое солнце.

А кругомъ желтая степь, ни холма на ней, ни дерева, а позади гудитъ ярмарка и дымятъ желѣзные трубы пекаренъ.

Вотъ не вытерпѣлъ рыжий конекъ, махнулъ черезъ изгородь и частымъ галопомъ, раскинувъ гриву, покачалъ въ степь, заржавъ навстрѣчу вѣтру.

Затараторили коноуха-башкиры, въ линияхъ халатахъ, въ ушастыхъ шапкахъ, пали на верховыхъ, покакали въ угонъ. Одинъ впереди всѣхъ размахиваетъ арканомъ. Двое скачутъ наперерѣзъ...

Куда ни взглянуть рыжий конекъ, мчатся на него ушастые башкиры; метнулся направо, налево, и тутъ захлестнулъ ему горло арканъ, закрутили хвостъ, стегаютъ нагайкой, заворачиваютъ башкиры къ табуну... Захрапѣлъ, завился и палъ рыжий конекъ; тогда ослабили на шеѣ его арканъ, и отвели за калду.

— Что, не убѣжитъ больше?—спрашиваетъ башкирина Собакинъ.

Башкиринъ ослабилъ бѣлые на морщинистомъ лицѣ зубы и забормоталъ:—Не, не, умный сталъ, купи, господинъ...

— Нѣтъ, такого мнѣ не надо, вотъ если бы вороной полукровный былъ, вершковъ четырехъ...

Подошли мужики, всѣ въ новыхъ рубахахъ. Облокотясь на жердь калды, слушали, и вѣяло отъ выцветшихъ глазъ ихъ спокойемъ тепла и отдыха.

Подслѣповатый мужичокъ протиснулся туда-же, въ рваномъ полушубкѣ, заморгалъ собачьими глазами:— Покупаете, баринъ, лошадку, извольте посмотрѣть, — и заторопился, побѣжая было и вновь вернулся...

— Какой у тебя?

— Сивонькой.

— Нѣтъ, не надо, я вороного ищу.

— Воронова... пусти, продать не умѣешь, — заговорилъ вдругъ круглолицый, толстый парень, — вотъ я продамъ жеребца. Или я продалъ. А?—и онъ уставился, какъ баранъ, даже ротъ разинулъ.

Мужики засмѣялись.

Парень громко икнулъ и, поднявъ мозолистую ладонь, запѣлъ:—Когда я, мальчикъ, былъ свободенъ..

— Скрутили малаго, — смѣялись мужики.

— Пути нѣтъ.

Собакинъ улыбался, парень былъ пьянъ, лѣвъ грудью, и подъ носомъ махалъ желтымъ погтемъ, говоря...— шутъ его знаетъ, хотѣлъ тебѣ продать, аиъ продалъ, хорошаго жеребца, воронова въ чулкахъ...

— Здорово же ты выпилъ, — сказала Собакинъ, — съ чего гуляешь?

Парень замолчалъ и бѣлые глаза его наливались и багровѣли... Собакинъ сжался.

— Гуляю...— сказала парень, придвигаясь.

Подслѣповатый мужичекъ захопоталъ:

— Брось, милый, барину интересно, а ты отвѣть и пойдй въ сторонку, — и потянулъ парня за рукавъ.

— Не хватай, — заревѣлъ парень, и все жилистое тѣло его развернулось для удара; но сзади, поперекъ живота, ухватила его цѣпкая, волосатая рука, увлекла изъ мужичьяго круга.

— Иди, иди, разбушевался, — говорилъ лысый мужикъ, смѣшно маленькаго роста, на солнцѣ лоснилась черная борода его и бѣгали глаза, какъ двѣ мыши.

— Брось, пусти, — кричалъ парень и вырывался, взмахнувъ руками, но все дальше къ возамъ увлекалъ его товарищъ...

— Кто это?— быстро спросилъ Собакинъ, — вонъ тотъ лысый?

Мужики переглянулись, одинъ-двое отошли, а старикъ, въ разстегнутой на черной шеѣ посконной рубахѣ, сказалъ:

— Кто, — Оська! — и прицурился.

Осипа взяли очень просто. Собакинъ съ понятиями нагналъ его у чайной и окликнулъ. Осипъ обернулся,

и словно паукъ заворочался въ костяныхъ, навалившихся на него рукахъ понятыхъ, но веревкой скрутили ему плечи, повели въ холодную.

А позади, набѣгая, гудѣла толпа. Многимъ, должно быть, насолилъ Осипъ, и боялись его сильно, а теперь улюлюкали вслѣдъ, ругали, или вывернется кто, присидеть да въ глаза:—что, воръ, взялъ?... и ударить.

Понятые насилу сдерживали народъ, да бравый урядникъ, въ рыжихъ подъусникахъ, выросъ, какъ изъ-подъ земли и крикнуть,—разойдись!..

До вечера гудѣла и волновалась ярмарка; а Осипъ съѣлъ въ темную избу за желѣзную рѣшетку, и надпросѣ отрекся:—Осипъ я, это вѣрно, а лошадей ни у кого не крадъ, понапрасну только меня томите.

Собакинъ рѣшилъ самъ выпытать—гдѣ лошадей; напугать, если можно, посулить заступиться, и, поздно вечеромъ, одинъ, вошелъ въ камеру, гдѣ сидѣлъ Осипъ.

Остановясь посерединѣ избы и въ темнотѣ различая только дыханіе, сказалъ Собакинъ кротко и, какъ ему показалось, вкрадчиво:

— Осипъ, всѣ знаютъ, что ты угналъ лошадей, грѣховъ за тобой много, сознайся лучше, я за тебя похлопочу.

Осипъ молчалъ.

— Ты пойми, не дорога мнѣ лошадь, а дорого, что выходишь ее на рукахъ, какъ родная она мнѣ.

— Это вѣрно,—сказалъ Осипъ спокойно.

— Ну видишь, ты самъ понимаешь, зачѣмъ же хочешь доставить мнѣ еще огорченіе...

— Огорчать зачѣмъ, вы баринъ хорошій.

— А ты огорчаешь. Я за четыреста верстъ верхомъ

приѣхалъ, измучился и вдругъ изъ-за твоего каприза лишаюсь лошади... Осипъ... А Осипъ!

И, тронутый словами, двинулся Собакинъ поближе.

— Не приходи, баринъ,—глухо сказалъ Осипъ.

Собакинъ остановился и отъ щекотнаго холодка вздрогнулъ.

— Осипъ!—спросилъ онъ тихо и, послѣ молчанія, повторилъ:

— Осипъ, гдѣ же ты?

Что-то больно толкнуло Собакина въ колѣно, распахнулась дверь, и Осипъ, нагнувъ, какъ быкъ, голову, побѣжалъ по избѣ, оттолкнувъ соннаго десяткаго, упавшаго, какъ мѣшокъ, и выскочилъ на волю.

Зашмыгали торопливые голоса:—держи, держи! Въ темнотѣ засуетились понятые...

А вдали, какъ огонь, вспыхивали крики:—держи, держи.

Застегивая сюртукъ, приѣхалъ урядникъ, крикнуть:

— Убѣжалъ... кто?

— Осипъ конокрадъ,—сказалъ Собакинъ, я самъ во всемъ виновень...

И скоро загудѣла невидимая ярмарка, низко у земли закачались желѣзные фонари, голосила баба, лаяли собаки. Бѣжали неизвестно куда и зачѣмъ мужики, крича: лошадь отвязалъ... да кто? да чью? спроси его чью... на ней и убѣжалъ... Верховыхъ давайте, верховыхъ...

Надъ толпой, словно поднятые на рукахъ, появились верховые и, раздвигая народъ, поскакали къ городу, къ рѣкѣ, въ степь...

Собакинъ наскоро самъ осѣдлалъ иноходца, и сначала рысью, потомъ вскачь, поскакалъ мимо воевъ на чьи-то удаляющіеся голоса и топотъ.

Коротко и мѣрно ударили копыта его коня, гудѣлъ въ ухахъ теплый вѣтеръ и возникали и таяли невидимые крики... Наперерѣвъ промчался кто-то крича:— Поймаемъ, не съести ему головы.

Впереди топотъ сталъ какъ будто тише, и громче голоса..

Перепрыгивая черезъ водомоины, похрапывая, неся иноходецъ и вдругъ рѣзкими прыжками всталъ на краю кручи, недалеко отъ верховыхъ, которые говорили:

— Рѣка, братцы, поворачивай назадъ.

— Переѣдемъ.

— Круча, голову сломаешь.

А вдали, направо, опять возникли крики и топотъ.

Собакинъ поворотилъ и скоро нагнавъ вторыхъ кричавшихъ, спросилъ:

— Что, поймали?

Мужики въ отвѣтъ захохотали.

— Теленка, милый баринъ, загнали, дышитъ сердечный, испугался, уши мокрая.

— Ну, вы и охотники.

— Ушелъ, больно ужъ и ловкачъ,—отвѣчали мужики съ уваженіемъ.

Иноходецъ тяжело поводитъ боками, и Собакинъ, отдѣлившись отъ мужиковъ, ѣхалъ шагомъ вдоль рѣки.

Потянулъ теплый, смѣшанный съ болотными цвѣтами, вѣтеръ и издалека долетѣлъ протяжный, звѣриный крикъ. И стихъ.

Что это?—невольно крикнулъ Собакинъ, чутко слушающая, крикъ не повторился, и сердце сжалось тоскливо.

Собакинъ уже спалъ, утомленный всѣми событіями,

когда кто то, громко постучавъ въ ставню, сказалъ: Ваше благородіе,—Оську привезли.

Собакинъ спросонокъ вскочилъ, старался понять, что говорятъ...

— Оську привезли,—шепталъ десятскій...

— Сейчасъ иду, подожди, или нѣтъ, иди...

И, уже выйдя на воздухъ, понялъ Собакинъ, что случилось несчастье. Въ избѣ пахло крѣпкимъ и кислымъ и у печи на полу, покрытое рогожей, лежало тѣло...

Десятскій, присѣвъ у тѣла, жалостливо говорилъ:— Побили его, мужики наши, вонъ какъ дышитъ... ахъ грѣхи!

Собакинъ отогнулъ рогожу. На боку, поджавъ къ животу голыя и содранныя колѣни, лежалъ Осипъ, часто дыша, и глаза его сквозь полуоткрытыя вѣки были точно стеклянные.

— Что съ нимъ?—дрожа мелкой дрожью, спросилъ Собакинъ, боясь догадаться...

Бѣлый задъ Осипа запачкавъ землей и кровью, а оттуда на вершокъ торчить кусокъ дерева.

— Что это?—визгливо закричалъ Собакинъ.

Еще дальше откинулъ Осипъ сѣрое лицо свое и запекшія губы быстро облизнулъ языкомъ...

Плеть лежала сломанная рука его; другая, застывъ, вѣшпилась въ ягодицу и посинѣла.

Собакинъ, придерживаясь за стѣну, вышелъ въ сѣни, дурнота подступала къ горлу, и вездѣ слышался кислый и крѣпкій зтогъ запахъ, и вспоминался убитый на охотѣ тетеревъ, когда дробью ему вынесло весь животъ...

Урядникъ, теребя жесткіе усы, говорилъ:—Вотъ

как они расправляются, по-турецки, неприятно... Осипъ-то признался, просилъ кучера вашего не губить, будто бы онъ въ кражѣ не замѣшанъ, и лошадь сказалъ, гдѣ находится...

— Богъ съ ней, съ лошадыю, зачѣмъ я все это затѣялъ,—идя подлѣ урядника, тоскливо говорилъ Собакинъ.

— Вы, господинъ Собакинъ, не причемъ, мужики давно случая ждали. Повѣрите ли, мы даже боялись Осипа... Да, а лошадка ваша въ степи у козака Заворыкина.

Старикъ Заворыкинъ долго не выходилъ, а Собакинъ, измученный дневнымъ перегономъ и волненіями прошлаго дня, ходилъ, покачиваясь, по душной горницѣ и звенѣло у него въ ухахъ и тошнила, набившись въ горло и носъ, дорожная пыль.

— Расскажу попросту всю исторію, навѣрное, старикъ отдастъ лошадь,—бормоталъ Собакинъ.

Надъ столомъ, засиженная мухами, воняла лампа...

— О, чертъ, еще угоришь; что же старикъ не идетъ? А вдругъ возьметъ и разсирѣветъ, самодуръ; конечно насчетъ колодцевъ онъ прихвастнулъ, но надо бы политичнѣе подойти къ дѣлу, исподволь. О, чертъ, какъ лампа воняетъ...

— Здравствуй, баринъ,—басомъ, громко и вдругъ сказалъ Заворыкинъ,—стоялъ онъ въ дверяхъ, похлопывая себя по голенищу плетью:—за конемъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, я не требую, совсѣмъ не требую, засѣмилъ Собакинъ, вы уже знаете, ахъ, какая исторія вышла смѣшная.

— Исторія смѣшная, а не знай кто, смѣяться будетъ? молвилъ Заворыкинъ.

И молча, не сводя глазъ, подошелъ и положилъ на плечо Собакину тяжелую свою руку, вдругъ крикнувъ:

— Шенюкъ.

И высоко поднялъ плеть.

— Не позволю,—пискнулъ было Собакинъ, запахло тошной пылью и кислотъ, зеленые круги пошли передъ глазами, похолодѣло горло и лечь потянуло, прижаться по-ребячьи къ прохладному полу...

Очнулся Собакинъ на постели, въ сѣняхъ, и первое, что увидѣлъ — склоненный профиль Заворыкина, худой и рѣзкій подъ сдвинутыми бровями... Собакинъ застоналъ, и отодвинулся вглубь кровати.

А старикъ, наклонясь, зашепталъ:

— Очнулся, нехорошее вышло дѣло, попуталъ меня бѣсъ, думалъ—пріѣхалъ ты срамить меня, а ты видишь, простой, какъ малое дитя. Ахъ, баринъ, прости меня, Христа ради, гордый я очень, разгорѣлось съ обиды сердце, убить вѣдь могу тебя и никто не узнаетъ... А ты, видишь—просто.— Старикъ качалъ головой, и ласково глядѣли потемнѣвшие его глаза.

Собакинъ протянулъ руку и сказалъ тоненько, какъ дитя:

— Я не сержусь.

А Заворыкинъ гладилъ его по волосамъ:

— Христось на насъ смотреть сейчасъ да радуется, откуда, думаетъ, только любовь взялась у нихъ, давеча словно звѣрь на звѣря шли, а сейчасъ... Хорошо по Христу жить, а мы не живемъ, нѣтъ...

Долго говорил Заворыкин и все темнѣе и кротче становилось лицо его.

— Домой-то завтра попозже поѣдешь; ко времени и жеребца твоего пригонять, избави Богъ, не возьму съ тебя денегъ; да верховой-то твой усталъ, такъ ты моего возьмешь, самъ рѣдко на немъ выѣзжаю...

Собакинъ улыбался, усталый и томный.

— Милый какой старикъ,—думалъ онъ.

III.

Александра Аполлоновна разрѣзывала толстый журналъ; въ залѣ, гдѣ топили сегодня, пахнетъ кофеемъ, и старыя кресла заманиваютъ развалистыми своими спинками на осенній покой.

Гимназистъ сидѣлъ на окошкѣ; тусклый садъ совсѣмъ безпомощенъ подъ долгимъ дождемъ. Гимназистъ болталъ ногами и скучалъ.

— Расскажите про ваши приключенія,—приставалъ онъ къ Собакину.

— Я все рассказалъ, что жъ еще...

— Коля, не приставай,—строго молвила бабушка, и взглянула поверхъ очковъ на Собакина, который на чистомъ листѣ разбиралъ зерна пшеницы.

— Щуплое зерно,—сказалъ Собакинъ,—что же вамъ рассказать?

— Ну хоть про кучера, котораго связали, тогда—онъ ужасно таинственный.

— Архипъ-то,—засмѣялся Собакинъ...—таинственный?

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ нимъ, выпустили его?—спросила Александра Аполлоновна.

— Кажется, да,—я ѣздилъ, хлопоталъ, мнѣ сказали, что безъ суда не отпустить, а судъ, кажется, былъ недляхъ...

— Не любила я вашего Архипа, злой онъ, и глазъ у него черныя, прѣдетъ и все по конюшнѣ ходить, все чего-то высматриваетъ, и непременно что-нибудь послѣ случится...

— У Бѣлячка мокрецы на щеткахъ съѣли,—подсказалъ гимназистъ...

— У Бѣлячка мокрецы; нѣтъ, нѣтъ, не люблю я такихъ, и пусть бы сидѣлъ въ тюрьмѣ, да невинный ли онъ?—старушка сняла очки,—еще до вашего прѣзда въ деревню, онъ избилъ моего объѣздчика за то, что тотъ не позволилъ ѣхать въ телѣгѣ по хлѣбу,—представляете, нарочно ѣдетъ въ телѣгѣ по хлѣбу...

— Я помню,—сказалъ гимназистъ,—объѣздчика привезли, вотъ страшно-то, голова болтается и по лицу мухи ползаютъ.

— Странно,—протянулъ Собакинъ,—Архипъ никогда не дрался, исполнительный такой, тихій... Хотя былъ странный случай... Вотъ, помните въ прошломъ году я ѣхалъ отъ васъ вечеромъ, когда еще отецъ Иванъ индока изображалъ; не зная почему, взялъ мы не обычной дорогой, а напрямикъ по выгону, а тамъ, за межевымъ столбомъ—глубокая водомоина; я говорю Архипу—ночь темна, помни кручу налѣво, а онъ крикнулъ на лошадей. Тише, говорю, Архипъ, и знаю, сейчасъ круча, а онъ словно тройку не слержить...

— Ужасно,—вадрогнула Чембулатова,—ну что же...

— Лошади сами круто повернули. Я кричу: что ты

дѣлаешь? а онъ обернулся и глухо такъ говорить:—
Богъ спасъ, баринъ, бѣду отвелъ.

— Вотъ, вотъ, я говорила, завтра же велю загоро-
дить это мѣсто...

— Я думаю, все-таки, что это случайность; чѣмъ
ему помѣшали я и мои лошади? Наконецъ, онъ самъ
могъ убится.

— Такіе, какъ Архипъ, безземельные, безосеимные
мужики, на все способны, въ нихъ бѣсъ какой-то си-
дитъ. Служить онъ у васъ, все ничего,—только угрюмъ
да молчить, а потомъ возьметъ, да васъ и сожжетъ...

— Бабушка, смотри, прояснѣетъ.—крикнулъ Володя
и, не успѣла бабушка ахнуть, распахнулъ балконную
дверь, и сырой, пахучій землею и листьями, осенній
вѣтеръ ворвался, растрепалъ книгу, брызнулъ капелью,
и солнце въ прорывѣ между тучъ блеснуло на кап-
ляхъ, на стеклахъ, на желтой листвѣ,...

А дверь уже закрыли, и въ столовой застучали по-
судой...

— Богъ съ ними, съ Архипами, — сказала, про-
плывая въ столовую, Александра Аполлоновна, — только
разстроившись, а причина всему, конечно, что нѣтъ на-
стоящей опеки надъ крестьянами. Мужикъ обращается
въ первобытное состояніе...

Собакину вспомнился фельетонъ, мѣсяцъ назадъ
читанный въ случайно залетѣвшей петербургской лѣ-
вой газетѣ, — тогда все казалось глубоко вѣрнымъ, а
теперь просто не хотѣлось думать, такъ было уютно,
и тепло.

— А Богъ его знаетъ, — сказалъ Собакинъ и почув-
ствовалъ, что ни на какія волненія не промѣняетъ
тихий этотъ уютъ.

Къ вечеру вѣтеръ стихъ, и низкое солнце залило
алымъ лиловыя у земли тучи и, протянувъ блѣдныя,
словно прощальныя крылья вглубь желтой и мокрой
стеги, закатилось.

Но четко еще вырѣзывались рѣбны на черныхъ
курганахъ, а лужи на глянцевиной дорогѣ, лиловѣя,
темибли.

Пчмокивая, вертѣлись колеса, ударили въ лицо
сѣвжей грязью, пачкали возжи и руки.

Собакинъ, разстегнувъ кожанъ, потряхивался на
сидѣнны и думалъ:

— Такъ вотъ онъ — степныя дали, неѣзженныя до-
роги, забытые курганы. Нѣтъ конца имъ, и селенья
такія же сѣрыя, забытыя, и люди въ нихъ, какъ травы,
молчаливые, живутъ Богъ знаетъ зачѣмъ, изъ вѣка въ
вѣкъ одни и тѣ же, какъ дикая рожь.

Ходить съ дороги на дорогу, съ кургана на кур-
ганъ, по пашнямъ, по селамъ, и поеть унылыя
пѣсни — тоска, сестра осеннему вѣтру...

Дребезжала желѣзка на колесѣ и топали, скользя
подъ горку, копыта...

Одноколка скатилась, тряхнула на водомойнѣ, и,
поскользнувшись, лошадь упала на колѣни.

— Трудно некованной взобраться на гору, — поду-
думалъ Собакинъ и ударилъ возжами...

А сзади затопали частые шаги, какъ будто молча кто-
то догонялъ...

Собакинъ обернулся: плохо видный въ полумракѣ
лощины, бѣжалъ къ нему мужикъ, размахивая лѣвой
рукой.

— Странно, — подумалъ Собакинъ и, еще не понимая
того, что было уже ясно, сильно ударилъ лошадь кнутомъ.

Человѣкъ настигаль, по травѣ бѣжать ему было легче, не такъ скользко...

— Чортъ знаетъ, гонка какая-то, что ему нужно?—подумаль Собакинъ и еще и еще разъ, привставъ, хлестнулъ кнутомъ. Лошадь прыгала въ хомутъ, упала на колѣни и, вадывившись, вынесла одноколку на ровное мѣсто.

— Эхъ! рѣзко крикнулъ мужикъ и откинулся...

— Архипъ—ты?

— Эхъ!—опять крикнулъ Архипъ, на бѣгу остановился, поднялъ руку, кинулъ блеснувшій топоръ и наклонился весь, ожидая... Топоръ тяжело ударилъ въ переднюю доску козелъ и упалъ въ ноги...

— Ты что это?—закричалъ Собакинъ и сдержалъ лошадь. Архипъ устало шелъ вслѣдъ...

— Ты съ ума сошелъ!

— Теперь, что хочешь, со мной дѣлай,—сказалъ Архипъ и смотрѣлъ на багровую полосу заката, посѣдѣвшій, весь обвѣянный вѣтромъ.

— За что ты меня, Архипъ? Архипъ, я же не виновать...

— Сына моего убилъ.

— Какого сына?

— Осипа...

Темнѣла закатная полоса, суживаясь, закрыла багровое вѣко...

Собакинъ ѣхаль шагомъ, Архипъ шелъ сбоку и немного сзади...

— Архипъ, я ничего никому не скажу, поклянись, что это болѣе не повторится. Послушай, Архипъ, Осипа убилъ мужики, я бы никогда не допустилъ до этого.

Тогда Архипъ негромко засмѣялся, словно конь

дикій поржалъ, и бѣлые зубы его впервые увидѣлъ Собакинъ.

IV.

Прошло болѣе года.

Опаляя землю, пронесло золотыя свои ризы новое лѣто; пожали хлѣбъ, и на гумнахъ запахло свѣжей соломой; каждый день до заката гудѣла молотилка; по утрамъ опускался иней и взлеталъ, увидѣвъ солнце; только въ темномъ саду, да на лугу, гдѣ падала тѣнь отъ дома, серебрилъ онъ мелкій, гусинный щавель.

Утромъ къ Собакину опять приходили мужики жаловаться на Архипа.

Все лѣто Архипъ передохнуть не давалъ: то скотину загонить, то вывалить изъ телѣги траву, что мужикъ на барскомъ полѣ подъ сидѣнье себѣ накосяилъ и кушакъ снять или шапку—приходи, молъ, жаловаться, неси штрафныя.

А исполнаго хлѣба, пока деньги за него до полушки въ контору не внесены, не дастъ свести ни снопа. Такой ужъ Архипъ ретивый приказчикъ, откуда только злоба взялась.

Мужики бить его хотѣли, а онъ либо увертывался, либо на барина валилъ:—не моя въ томъ воля. Мужики таили злобу, а осенью, когда на барскомъ полѣ пшеница родилась самъ десять, а на мужицкомъ не сняли и самъ трехъ, рѣшили, каждый про себя, барина спалить.

Такъ ужъ стариками заведено.

Къ тому-же на село пришла золотая грамота, читать ее не читали и не видѣли, пожалуй, но всякій зналъ,

что въ ней прописано: грамота старинная давно по землѣ ходить.

А вслѣдъ за грамотой подкинули листки; ихъ прочли и волновались глухо, какъ подземный ключъ.

— Ну что, Архипъ, какъ мужики?—отдавъ на завтра распоряженія и позѣвывая, спрашивалъ Собакинъ.

Архипъ повелъ плечомъ:—что же—дурачье!..

— Утромъ опять приходили на тебя жаловаться, нельзя такъ, Архипъ, ты портишь мои отношенія съ народомъ.

— Съ мужикомъ по другому нельзя, — притѣсни, онъ тебѣ что хочешь сдѣлаетъ, а съ добраго слова сиганетъ на шею.

— Я слышалъ, будто палить собираются?

— Кто ихъ знаетъ.

— Вонъ у Чембулатовой спалили же гумна.

— То озорство, барыня въ городъ уѣхала, они и озорничаютъ.

— Ну иди, Архипъ, завтра позаботься, чтобы лошади съ утра были готовы.

— А вы развѣ куда ѣдете?

— Въ городъ.

Архипъ ушелъ, а Собакинъ легъ и передъ сномъ раскрылъ каталогъ садовыхъ цвѣтовъ и овощей; но скоро цвѣты стали походить на дамъ, и все на одну и ту же, со вздернутымъ носикомъ, а кочанъ калусты, отряхиваясь, надѣлъ очки и сталъ старушкой Чембулатовой. Собакинъ улыбался въ полуснѣ, думая, какъ ему хорошо, что онъ вотъ такой здоровый и молодой и влюбленъ.

Разбудилъ Собакина громкій шепотъ:

— Баринъ, баринъ, вставайте.

Собакинъ скинулъ на полъ голыя ноги и, не понимая, глядѣлъ на стоящаго передъ нимъ со свѣчей возбужденнаго Архипа.

— Ты что?

— Мужики идутъ.

— Какіе мужики, куда?

— Сюда, къ вамъ, какъ я побѣжалъ, они ужъ на шлотины шумѣли...

Собакинъ прислушался и безпомощно взглянулъ на крѣпкаго, угрюмаго Архипа.

— Архипъ, что же дѣлать?

— Двери, баринъ, я заперъ, а вы достаньте-ка ружья, погугать придется.

— А окна? ставней-же нѣтъ.

Трясущимися пальцами, сгѣшна, всовывая Собакинъ патроны въ охотничьи ружья, снявъ ихъ со стѣны надъ кроватью.

— Я бекасинникомъ заряжаю, Архипъ, еще убьешь кого.

— Заряжайте картечью, не будетъ повадно...

— Господи, ужасъ какой.

Въ темнотѣ сталъ явственнѣе гулъ голосовъ и крики, слышны были даже отдѣльные возгласы, и вдругъ все стихло, и стало тягостно ожидать...

— Что они... прошептавъ Собакинъ.

Со звономъ разбилось окно, и камень, упавъ на письменный столъ, опрокинулъ вазу съ ковчегомъ и въ разбитое звено влетѣли ясные крики:

— Бей окна, пусть выходятъ.

— Эй, баринъ, выходи, говорить хотимъ.

— Архипа намъ давай...

Архипъ, ловкій и гибкій, отпрыгнувъ къ стѣнѣ и

съ главъ отбросилъ густые волосы, повелительно сказалъ:

— Свѣтъ, баринъ, гуши.

Собакинъ дунулъ на свѣчу, и стало невыносимо страшно, и яростнѣе закричали мужики.

— Выходи.

Нѣсколько стеколъ со звономъ вылетѣли, и Архипъ ахнулъ...

Прижимаясь къ пахнущей потомъ его спинѣ, шепталъ Собакинъ:

— Что же будетъ... Боже мой.

— Не выйдешь, мы сами достанемъ,—кричали мужики и двое изъ нихъ вырѣзались въ окнѣ.

— Лѣзь, братцы, нечего глядѣть...

Архипъ выстрѣлилъ... сразу стихло... и часто и пронзительно застонали за окномъ.

Мужики отступили и зашпорили негромко.

— Уйдутъ,—сказалъ Архипъ, снова зарядивъ ружье.

— Боже мой... Боже мой... шепталъ Собакинъ.

— Неси, неси больше, сѣноваль вонъ тамъ, опять оживились голоса.

— Подпалимъ.

— Выкуримъ голубчика.

— Лови... лови его... Такъ разгорались крики, увеличивался топотъ и глухія побрякиванія...

— Работниковъ нашихъ бьютъ,—прошепталъ Архипъ.—Теперь намъ не иначе какъ въ садъ бѣжать, палить сейчасъ будутъ...

— Балконная дверь замазана наглухо...

Архипъ помолчалъ, потомъ приложился и выстрѣлилъ. Освѣтилась стѣна, поваленное кресло и Собакинъ безъ штановъ въ ночной рубашкѣ...

Архипъ, не цѣлясь, выстрѣлилъ еще, и ѣдкій дымъ наполнилъ комнату... въ ушахъ звенѣло...

Собакинъ тоже выстрѣлилъ, сильно отдало въ плечо и щеку.

Вдругъ подъ окнами освѣтилось красное пламя и бойко затрещало сѣно.

Стало ясно, мужики съ радостными криками отбѣжали, и мѣткій камень ударилъ Собакина въ лицо... Пошла кровь, и Собакинъ заплакалъ. Архипъ, пригнувъ его къ полу, поползъ въ корридоръ, а сквозь распахнутыя двери изъ всѣхъ комнатъ лился алый свѣтъ...

— Вотъ что, баринъ,—сказалъ Архипъ, давно я хотѣлъ тебя поблагодарить... И толкнувъ Собакина, Архипъ сѣлъ ему на грудь и засмѣялся...

— Архипъ, что ты, Архипъ...—шепталъ Собакинъ, стараясь высвободиться, разорвалъ на Архипъ рубашку, царапнулъ по тѣлу и Архипъ словно о пьянѣлъ и весь налился злостью.

Надавивъ колѣномъ горло, вынулъ онъ складной, съ костяной рукояткой ножъ, зубами открылъ его и, глядя прямо въ бѣлые, обезумѣвшіе глаза Собакина, крикнувъ, занес и опустилъ.

Домъ пылалъ. Молча стояли озаренные свѣтомъ его мужики, серьезно глядѣли, какъ дикій огонь, врагъ ихъ и богъ, пожиралъ сухія стѣны, дыма вылизывалъ изъ подъ крыши... Носились розовые голуби...

Кто-то крикнулъ:

— Гляди-ко, у конюшни Архипъ...

Поспѣшно выводилъ Архипъ за поводъ вороного Волшебника, и когда, крича, подбѣжали мужики, ки-

нулся животомъ на конскую спину и погналъ, прильнувши къ холкѣ, залитый алымъ, въ степь...

Только и видѣли..

ДВА ДРУГА.

А. Коларову.

I.

Со стороны рѣчки подпертая ветхими сваями стоитъ, возвышаясь надъ избами и домиками краснымъ своимъ, облупленнымъ корпусомъ, гостиница „Ставрополь“, на краю площади города N.

Можетъ быть, городъ N и назывался въ давнія времена городомъ, но теперь, когда въ немъ чахнетъ не болѣе двухъ тысячъ обывателей, кличется по непонятной игрѣ русскаго языка—городищемъ, что болѣе соответствовало бы, конечно, какой-нибудь столицѣ.

Тинная рѣченка, плавно изгибаясь, разрѣзаетъ десятка два немощныхъ улицъ пополамъ, создавая между этой и зарѣчной или кончанской стороной вражду, которая выражается въ дракахъ на кулачкахъ и дикихъ свистахъ по ночамъ.

Въ зеленую воду выдвинуты мостки; подоткнувъ сарафаны, бьютъ на нихъ бабы вальками бѣлье, сверкая на солнцѣ ядреными икрами; плаваютъ утки, и въ пыльной крапивѣ на берегу, или въ густыхъ поросляхъ лопуха лежатъ довольныя свиньи.

Обогнувъ подъ июльскимъ солнцемъ городище, плетется, еле перемогаясь, рѣка по лугу и пропадаетъ вдругъ въ прохладѣ сосноваго бора, на опушкѣ котораго стоитъ новенькій домъ вдовы купчихи, а мимо пробѣгая дорога; по ней то, должно быть, уѣхала купчиха навсегда изъ городища, а домъ сторожить караульщикъ...

Все это сто разъ на дню видѣлъ попъ Иванъ и поэтому къ окошкамъ болѣе не подходитъ, а попиваетъ чаекъ во внутреннемъ паласадиикѣ, сидя въ соломенной шляпѣ на скамьѣ, да глядя на глупую свою понадю, которая полетъ неподалеку капусту, либо гоняетъ куръ изъ малины.

У попа Ивана и другія занятія по ночамъ, напримеръ, любить онъ въ подозрную трубу разсматривать лунные кратеры и потомъ, отправясь на сонъ грядущій, долго рассказываетъ уставшей до смерти попадѣ про луну; а въ спальнѣ поютъ комарики.

Чтобы отъ поповскаго дома пройти къ гостиницѣ, сдѣлать необходимо обходъ, такъ какъ посреди площади неизвѣстно отчего стоитъ большая лужа; изъ нея однажды вытащили бывшего помѣщика Дмитрія Дмитриевича Теплова въ нетрезвомъ видѣ. Но сейчасъ Тепловъ сидитъ въ номерѣ гостиницы „Ставрополь“ за столомъ напротивъ друга своего, бывшего земскаго начальника Языкова, и пьетъ водку съ полуденнаго часа до вечерняго.

II.

Языковъ, подставляя дрожащей рукой рюмку, безразлично глядитъ черезъ очки на стѣну, гдѣ на жел-

тыхъ обояхъ сидятъ мухи, и слегка грызя подстриженный, какъ у англичанина, усъ, молчать.

— Коленка, — пристаётъ къ нему Тепловъ, — ты прости меня, пожалуйста, которую мы пьемъ рюмку?..

Языковъ дѣлаетъ пальцами жестъ, на минуту поднимая глаза отъ стѣны къ потолку...

Но Теплову очень хочется разговаривать и, живо повернувшись на дивачикѣ, отчего подъ тучнымъ его тѣломъ скрипятъ пружины, небрежно говоритъ, гнусава и прищуря бѣлесый глазъ:

— Ты прости меня, пожалуйста, Коля, честное слово, ты меня прости, ты женатъ?..

— Да, — спустя время отвѣчаетъ Языковъ басомъ.

Хотя Тепловъ отлично знаетъ семейную жизнь Языкова и разговоръ этотъ повторяется каждый вечеръ, но, ободренный успѣхомъ, продолжаетъ онъ съ живостью:

— Гдѣ же у тебя, ты прости меня, Коленка, жена?

— Въ Москвѣ.

Языковъ медленно выпиваетъ рюмку и нюхаетъ черный хлѣбъ, а Тепловъ наноситъ рѣшительный ударъ, послѣ чего другъ его разговариваетъ на этотъ разъ:

— Ты прости меня, вотъ тебѣ крестъ, прости, а въѣдъ она тебѣ измѣняется, навѣрно...

— Вѣроятно, — отвѣчаетъ Языковъ, опуская глаза, и погружается въ молчанье, только на желтыхъ скулахъ его разливаются два розовыхъ пятна.

Вечерѣтъ; мухи, ползавшія по столу, сучать передними ножками и улетають на стѣну; снаружи слышно мычанье коровъ и скрипъ колодца; а засиженныя и кривыя стекла пыльно золотятъ закатъ.

Дѣлая послѣднюю попытку разговаривать, вретъ

Димитрій Димитріевичъ, обернувъ къ окну остроносый свой профиль съ тройнымъ подбородкомъ:

— А я тысячу рублей достала.

Языковъ не двигается; долговязая его фигура, худая и угловатая, торчитъ въ сумеркахъ на вѣнскомъ стулѣ; половой приноситъ шнель-клопы и зажигаетъ лампу съ абажуромъ въ видѣ матоваго шара, и запахъ съѣстного щекочетъ нось...

— Вотъ,—говоритъ Языковъ внезапно и глухо,— читай.

И, вынувъ изъ кармана панталонъ, протягиваетъ другу телеграмму.

Быстро набросивъ пѣнснэ, Тепловъ наклоняется къ лампѣ, читая:

— Встрѣчай пятницу, буду въ Н. Ольга Языкова.

Близко къ полночи, когда лампа была потушена, а въ окно пустынно глядѣла луна, говоритъ Тепловъ, лежа въ постели:

— Прости меня, пожалуйста, Коля, а ты дуракъ; на что тебѣ англійскіе сады понадобилось заводить? Вотъ и протрясъ имѣнье, честное слово, вотъ тебѣ крестъ, черезъ твои выдумки протрясъ. Пахалъ бы землю, или сдавалъ въ аренду, былъ бы и сейчасъ помѣщикомъ.

— Вѣдь, и ты протрясъ,—молвилъ Языковъ...

— Какъ такъ? Меня кредиторы съѣли, честное слово, недоразумѣніе какое-то... Да я и такъ проживу, а у тебя жена... Ну зачѣмъ тебѣ понадобился водопроводъ?

— Чигирь,—сказалъ Языковъ; лежалъ онъ на спинѣ, закинувъ могти...

— Ну, все равно... Можно было и безъ чигиря; а теперь гдѣ ты жену примешь? Ты меня прости, что она объ тебѣ подумаетъ?—вотъ дрянь...

— Ну этого не подумаетъ...

— Все равно, что-нибудь вродѣ этого подумаетъ. Что, Коленька, у нея денегъ никакихъ нѣтъ?

— Никакихъ...

— Коленька, ты прости меня а она знаетъ, что ты въ „Ставрополѣ“ живешь въ такомъ видѣ?

— Нѣтъ.

— Не знаетъ!—Тепловъ приподнялся.—Зачѣмъ же, послушай?..

Но Языковъ молчалъ, сердито сопя иногда, словно подъ одѣяломъ кто-то хваталъ его за ребра.

— Ты что?—спросилъ Тепловъ, но отвѣта не послѣдовало и, повернувшись на другой бокъ, заснулъ онъ сладко и беззаботно.

Сонъ приснился ему престранный: будто бы гнѣдая лошадь, которую недавно перепродалъ онъ исправнику, вошла въ номеръ и стала его лягать, приговаривая:—не надувай, не надувай. А потомъ, махнувъ хвостомъ, надѣла очки и, прикусивъ подстриженные, какъ у англичанина, усы, вдругъ сказала басомъ:—Мята, я ухожу.

— Съ нами крестная сила, прочь, прочь,—забормоталъ Тепловъ, просыпаясь, и привсталъ.

Подлѣ него въ разлетайкѣ со сверткомъ стоялъ Языковъ, нахлобучивая картузь.

— Ухожу я,—сказалъ онъ,—ты жену встрѣть, скажи ей, что я... ну... уѣхалъ по службѣ въ уѣздъ...

Больше Языковъ ничего не прибавилъ и, не оглянувшись, ушелъ, притворивъ за собой дверь. А Тепловъ остался сидѣть на кровати въ расстегнутой рубахѣ, и лунный свѣтъ игралъ на круглой его лысинѣ.

III.

Въ вагонѣ второго класса, теперь пустомъ, лежитъ на скамейкѣ, покрытой пледомъ, полная и красивая дама, а напротивъ нея, упершись пальцами въ подогнутое коляно, сидитъ помѣщикъ Колокольцовъ, не изъ родовитыхъ, мѣднаго загара, широкій, и, отирая платкомъ испарину, говоритъ голосомъ, какъ у опоевой лошади:

— Какъ же, сосѣди были съ вашимъ супругомъ, земляца-то его мнѣ отошла, а усадьба брату...

— Я написала Николаю, чтобы продалъ имѣнье, — отвѣчаетъ дама, поднявъ на Колокольцова свѣтлосѣрые, выпуклые, неосмысленные глаза, — я дитя города и деревенская глушь меня пугаетъ... Но Николай все-таки предпочитаетъ жить въ захолустьѣ.

Колокольцовъ усмѣхнулся:

— Попривыкъ; къ тому же я полагаю, денегъ у него нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? — дама испуганно поднялась, — полно вамъ, за имѣнье получили семьдесятъ тысячъ...

Выгнувъ бровь, хитро посмотрѣлъ Колокольцовъ на собесѣдницу и молвилъ послѣ небольшого молчанія:

— Нѣтъ, что вы, въ деревнѣ тоже можно жить, только, — онъ замаялся, подыскивая слово, — насчетъ проклятаго слабо...

— Что? — изумилась дама.

— Насчетъ женскаго пола.

Дама, сдѣлавъ кривой ротъ, улыбулась, покраснѣла немного, опустила глаза и ноги ея зашуршали о шелкъ юбокъ...

— Вотъ бы вы, Ольга Семеновна, могли здѣсь дѣ-

ловъ надѣлать, — слегка скривившись, продолжалъ Колокольцовъ. — То есть я говорю, вы, какъ очень красивая дама, къ тому же актриса, счастье составили-бы въ нѣ-которомъ родѣ...

И Колокольцовъ, запутавшись, счелъ нужнымъ засмѣяться, отчего, казалось, терлись у него внутри скрипучія доски.

— Вы забываетесь, — сказала Ольга Семеновна, сдвигая свѣтлыя брови...

— Нѣтъ, отчего же; а на случай всегда мой домъ къ услугамъ вашимъ... Приѣзжайте погостить...

— Мегсі, захочетъ ли мой мужъ...

— Онъ то захочетъ. А вотъ вамъ на память. — Колокольцовъ отстегнулъ отъ цѣпочки брелочекъ въ видѣ конверта и подаль съ поклономъ.

Ольга Семеновна изумилась, но взяла, спросивъ, — что это!

— У насъ обычай въ губерніи: если кто полюбитъ кого, дарятъ на память...

Ольга Семеновна вспыхнула, но потомъ, закинувъ голову, стала смѣяться груднымъ смѣхомъ, какъ бы со сцены:

— Какой вы забавный, совсемъ дитя...

А Колокольцовъ глядѣлъ на нее, выгучивъ вышѣтшіе глаза, носомъ вдыхая запахъ пудры и сладкихъ духовъ. Поѣздъ подходилъ къ N.

Передъ станціей, за желѣзнодорожнымъ путемъ, лежали сажени кое гдѣ обвалившихся дровъ, между ними росла трава, а позади широко во всѣ стороны шумѣла свѣтло-желтая рожь; сладкій вѣтеръ оттуда вѣялъ на тополя станціоннаго садика и въ лицо Дмитрію

Дмитріевичу Теплому, заложив руки неподвижно стоящему на перронѣ...

Кудный пиджачекъ его изъ блестящей матеріи отдувало вѣтромъ; въ окнѣ тоскливо кричалъ ребенокъ, начальникъ станціи вполголоса ругался съ буфетчикомъ, и на волю изъ станціи несся сладкій запахъ угара.

Тепловъ долго смотрѣлъ на плавно изогнутуюся въ ржаныхъ поляхъ красноватую ленту пути, пока солнце не забралось подъ дворянскую его фуражку, и онъ чихнулъ...

— Господи, прости,—пробормоталъ Тепловъ, чихая еще разъ,—спичку въ носъ.

Далеко у свѣтлаго горизонта поднялось облачко дыма, все разрастаясь, и протяжный долетѣлъ свистъ. Тепловъ живо обернулся, крикнувъ буфетчику:

— Ваня, бутылку донского, на мой счетъ, чортъ возьми!

Подошелъ начальникъ станціи въ лакированныхъ сапогахъ и съ животомъ, на которомъ не сходилась тужурка. Тепловъ просилъ начальника тоже присоединиться къ встрѣчѣ Языковой; и вотъ, гремя и все увеличиваясь, подлетѣлъ къ перрону локомотивъ, тяжело дыша, и ударили въ колоколь.

Ольга Семеновна, сходя со ступенекъ вагона, задержала свою руку въ рукѣ Колокольцова и, обернувшись сіяющее улыбкой лицо, сказала:—до скорого свиданья, шалунъ...

И ахнула въ изумленіи, ступивъ на перронъ...

Шаркая со всей силой ногами по асфальту, належѣлъ на нее Тепловъ, отнеся фуражку, а руку прижалъ къ сердцу; позади улыбался, дѣлая жесты, на-

чальникъ станціи, и мальчишка безъ картуза звенѣлъ бокалами...

— Я такъ тронута, я не знала, что моя скромная извѣстность донеслась сюда,—говорила Ольга Семеновна, держа бокалъ и давая бѣлую руку для поцѣлуевъ...

— Мы всѣ, мы всѣ ваши почитатели,—захлебывался Тепловъ,—честное слово, господа, ура!

Такъ ликуя, довели они актрису до плетушки, и, садясь уже, вспомнила Ольга Семеновна о мужѣ...

— А онъ, знаете ли того,—заметался Тепловъ,—уѣхалъ въ уѣздъ, да служба, служба, честное слово.

IV.

Тепловъ привезъ Ольгу Семеновну прямо къ попу Ивану, встрѣтившему столичную гостью хлѣбомъ-солью и обильнымъ завтракомъ.

Попадья, надѣвъ новое платье, потчивала такъ обильно и поппъ Иванъ такъ безпокоился о привычкахъ дамы, что Ольга Семеновна подъ конецъ, уронивъ въ тарелку двѣ наморганныя слезы, обняла попадью, благодаря за родной приемъ... и вмѣстѣ онѣ плакали о своемъ женскомъ, какъ шепнунъ Теплому пошъ.

Но Дмитрій Дмитріевичъ, плохо слушая рассказы Языковой о своемъ житіи въ актрисахъ и пространныя разговоры хозяевъ, волновался, озабоченно помалкивая и, когда свечерѣло, убѣждалъ, сказавъ, что къ ужину вернется.

Зашелъ онъ прямо въ „Ставрополь“, но Языкова тамъ не оказалось...

— Къ дьякону киньтесь,—посоветовалъ поповой.

Объгалъ Тепловъ дьякона, псаломщика и урядника, и, усталый, присѣлъ на мостикъ, закуривъ папирску...

— Денегъ бы перехватить,—думалъ онъ,—задали бы мы феферу... у купчихи сняли бы домъ; предводи-телю тотчасъ же визитъ, да сосѣдямъ визитъ...

— Что, братъ, рыбу удишь,—позвалъ сзади зна-комый голосъ.

Тепловъ обернулся; на берегу въ сумеркахъ стоялъ Колокольниковъ, заложивъ руки въ карманы поддевки...

— Здравствуй, дорогой; нѣтъ, такъ скучаю... По-слушай-ка, честное слово, не надо ли тебѣ лошадей?

— Своихъ хватить.

— Да ты такихъ и въ глаза не видалъ, вотъ тебѣ крестъ, если я вру. А?

— Ну тебя, скажи-ка лучше, гдѣ барыня, которую на вокзалѣ встрѣчалъ?

— Гдѣ? У мужа, на квартирѣ; у нихъ, братъ, обста-новочка, хорошо, братъ, женатому человѣку.

— Я знаю, что ты врешь. Слушай, устрой мнѣ дѣльце; уговори ко мнѣ ѣхать даму-то...

— Ты спятилъ...

— Языковъ придетъ у меня же рубль просить, а ей и на проѣздъ до Москвы не хватитъ... А тебѣ все равно маклачить.

— Ты меня прости, братецъ, а честное слово, ты дуракъ...

— Ты уменъ. Смотри. Колокольниковъ вынулъ двѣ радужныя, встряхнувъ ими — вотъ тебѣ задатокъ за коней... — и захохоталъ, подавъ деньги...

Тепловъ поглядѣлъ на протянутыя бумажки и, опу-стивъ голову, долго молчалъ...

— Послушай, я вѣдь *дворянинъ*,—сказалъ онъ со-сѣмъ тихо.

Возбужденный и красный ворвался Тепловъ къ попу Ивану и, схвативъ Ольгу Семеновну за руки, воскликнулъ:

— Идете, я вамъ домикъ нанялъ; когда Коленька вернется, все къ вамъ перетащимъ его имущество...

— Нѣтъ, ужъ,—сказалъ попу,—барыня ночуетъ у насъ... Спокойной вамъ ночи!—и ушелъ съ попадѣй, а Ольга Семеновна мечтательно опустилась въ кресло...

— Вы прекрасный, Димитрій Димитріевичъ,—ска-зала она съ чувствомъ,—чѣмъ мнѣ отблагодарить,—и протянула ему руки:—Сегодня я много говорила съ батю-шкой и рѣшила остаться въ уѣздѣ... Пора мнѣ при-обрѣсти значеніе, какъ помѣщица; правда, другъ мой, я всю дорогу объ этомъ думала... Мы устроимъ рядъ приѣмовъ, будемъ давать балы...

— Да, балы, очень хорошо,—глядя въ окно, молвилъ Тепловъ.

— Съ непривычки здѣсь очень уныло, смотрите, посреди площади лужа и въ ней луна, это городское освѣщеніе...

Ольга Семеновна подошла къ окну и подняла кра-сивымъ жестомъ штору, указывая на „Ставрополь“:

— Что это за ужасъ?

— Тюрьма,—совралъ Тепловъ,—съ трепетомъ вгля-дываясь въ окна гостиницы... — Отойдите, голубушка, отойдите, продуетъ...

Оттуда, приподнявъ уголь занавѣски, глядѣла на поповское окно долговязая тѣнь Языкова...

V.

Бросив утомившіе за долгій день платье и корсетъ на кресло, погладила Ольга Семеновна бока, надѣла пенюаръ, распустила волосы, и, расцинуровывая узкіе башмаки, задумалась, низко опустивъ голову на грудь.

Всегда въ такіе часы казалась себѣ Ольга Семенова покинутой, старой и въ старости глупой, какъ дѣвченка.

— Надо свой домъ устроить, хотя бы здѣсь, — думала она, — родить ребенка, свою прислугу имѣть, свой обѣдъ... Что же, пусть скучно, такъ лучше... по крайней мѣрѣ, никто не посмѣетъ звать въ содержанки... Такой дуракъ Колокольцовъ, брелокъ подарить... А что если онъ правъ — у мужа нѣтъ денегъ... Тогда опять старое?.. Не хочу, охъ, нѣтъ, не хочу...

За окнами, сначала негромкіе, приблизились голоса. оба знакомые; какъ будто два человѣка боролись и одинъ закричалъ, гнусая:

— Не пущу.

Другой, будто Колокольцовъ, шепталъ боязливо и сердито:

— Не ори, пусти руки-то.

Ставно рванули и мимо окна прокатились двѣ тѣни. Ольга Семеновна вскочила, и, театрально приложивъ ладони къ вискамъ, закричала: — на помощь!

Кашляя подошелъ къ двери поппъ Иванъ и осторожно стукнулъ; попадья прибѣжала въ ночной кофть, готовая дать рѣшительный отпоръ врагамъ.

— Я не могу, не могу остаться здѣсь, — всхлипывая, говорила Ольга Семеновна, стуча зубами о стаканъ, поданный ей попадьею.

Попъ благословилъ Ольгу Семеновну, а попадья рассказывала:

— А вы не слушайте, каждую ночь у насъ морды другъ другу бьютъ, народъ такой безпокойный, только насчетъ грабительства ни-ни...

Ольга Семеновна опять легла въ постель, и не туша свѣчи, слушала шорохи; но, успокоясь, спустя время принялась снова за тоскливыя свои мысли.

Тогда легко стукнули въ окно, и голосъ Языкова произнесъ ласково и поспѣшно:

— Оленька, можно къ тебѣ?..

Отъ неожиданности, не успѣвъ закричать, недвижно лежала Ольга Семеновна на боку; перевалилась черезъ подоконникъ, влѣзъ въ комнату Языковъ, и, осмотрѣвшись, опустился на колѣни у женинаго изголовья.

— Оленька, узнаешь ты меня?

— Ай, — сказала Ольга Семенова, наконецъ, — почему ты черезъ окно? — и, расширивъ изумленно глаза, откинувшись, глядѣла на мужа.

— Я, Оленька, изъ увѣзда сейчасъ вернуся, мнѣ сказали, что ты у батюшки, я и побоялся батюшку будить, думаю, дай влѣзу въ окно, а ты испугалась...

Ольга Семеновна заплакала.

— Такъ все странно здѣсь... какъ сонъ... Я ничего не понимаю.

— И, обнявъ полными руками мужа, она всхлипывала, неловко прижавъ къ подушкѣ его лицо.

Часть спустя передавала тихимъ голосомъ Ольга Семеновна свои планы о будущей жизни: домъ они купятъ въ Симбирскѣ, Языковъ поступитъ въ судъ, а она займется пробужденіемъ общества къ художественной жизни...

— Что же ты все молчишь?— воскликнула, наконецъ,
Ольга Семеновна.

— Я слушаю, Оленька, мнѣ все это нравится...

— Что же ты унылый?..

— Мнѣ, Оленька, опять нужно въ уѣздъ ѣхать...

— Опять?

— Дѣла, дѣла. Сейчасъ и поѣду...

Языковъ одѣлся и, поцѣловавъ женѣ глаза, сталъ перелѣзая черезъ окно.

— Ты батюшкѣ не говори, что я былъ, смѣяться только стануть...

И онъ ушелъ, оставивъ жену, съ удивленно поднятыми бровями, прижатой къ сердцу рукой.

VI.

Утромъ Тепловъ, захвативъ чемоданы, перевезъ Ольгу Семеновну въ кушчихинъ домикъ на краю дѣса, увѣряя по дорогѣ, что воздухъ тамъ, какъ въ Давосѣ...

Озабоченная молчала Ольга Семеновна, осунувшись за ночь и пожелтѣвъ; все было ей непонятно, но спрашивать она не хотѣла или боялась; только, когда отомкнули дверь въ комнаты, свѣтлая и желтая отъ нештукатуренныхъ стѣнъ, спросила, гдѣ мужъ и его вещи...

— Дѣла, — покачалъ Тепловъ печально головою, — благосостояніе края на первомъ мѣстѣ, а Коля очень ревнивъ къ службѣ.

Въ раскрытыя окна пахло хвоей, щебетали воробьи на кусту и по дорогѣ къ домику шель человекъ въ поддевкѣ.

— Какъ мы дальше будемъ?—спросилъ вдругъ Тепловъ.

— Что, милый другъ?

— Нѣтъ, я про себя...

И, похлопавъ ладоною по столу, выпустилъ Димитрій Димитріевичъ воздухъ изъ надутыхъ щекъ; вскочилъ вдругъ, глядя въ окно, и чертыхнулся: — опять этотъ шляется...

— А, Колокольцовъ,—позвала Ольга Семеновна, — заходите на новоселье...

Колокольцовъ вошелъ, цѣлуя ей ручки:

— Что же, милая барыня, ѣдемъ ко мнѣ погостить.

— Мersi, вотъ вернется мужъ, онъ въ уѣздѣ.

— Въ уѣздѣ,—сказалъ Колокольцовъ, оглядываясь и только тогда подавая Теплову два пальца,—хорошъ уѣздъ...

— Гмъ,—кашлянулъ громко Тепловъ, вставая, — какъ тебѣ, братецъ, нравится у насъ... Ты ушелъ бы на часокъ, честное слово.

Колокольцовъ зло засмѣялся, вытирая мѣдное лицо.

— Ольга Семеновна, милая, обманулъ онъ васъ, уѣздъ-то у нихъ вонъ тамъ, въ гостиницѣ „Ставрополь“.

— Замолчи,—крикнулъ Тепловъ,—не твоё дѣло...

— Какъ не мое дѣло, ахъ ты... За мои же деньги меня гонять...

— Вотъ твои деньги, бери, бери,—совалъ ему Тепловъ бумажныя деньги.

— Убирайся съ деньгами, старый... Ольга Семеновна, что же это за новости...

Поблѣднѣвъ, стояла Ольга Семеновна у зеркала, держа шляпу въ рукѣ и оглядываясь...

— Дорогая, не пугайтесь,—Колокольцовъ поцѣловалъ ей руку,—а этого шута гоните въ шею, они съ муженькомъ васъ за три гривенника продадутъ... Ытъ

им хочется... Продувной народъ... А вы, не разсуждая много, собирайтесь да ко мнѣ... Въ удовольствіи лѣто проведете, а по осени отправлю васъ въ Москву первымъ классомъ... Вотъ какъ.

Тепловъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, а, когда Колокольцовъ вышелъ, спросила Ольга Семеновна хрипло:

— Что онъ говорилъ, этотъ человекъ?

Тепловъ, соскочивъ со стула, рухнулъ въ ноги и завопилъ, ударяя себя въ грудь;

— Все правда, нищѣ мы съ Николаемъ... Вчера выманилъ у Колокольцова деньги, будто подъ это дѣло, думалъ обмануть его... Охъ, какъ плохо... Подлецы мы... Топтать насъ ногами...

— А я-то радовалась, — молвила Ольга Семеновна, прищурясь на окно.

— Милая, милая наша Ольга Семеновна, свѣтомъ вы были для насъ... Бывало, попиваемъ съ Колей водочку, и одна радость—о васъ поговорить, какая вы наша талантливая; думали, поживете у насъ недѣлку отправимъ васъ въ Москву... Коленка-то, какъ прибыли, и растерялся, не покажусь, говорить, ей въ такомъ видѣ... Портной ему пиджакъ и брюки шьетъ.

Ольга Семеновна, подобравъ, наконецъ, платье, зарыдала, упавъ на стулъ, и закрылась шляпой.

VII.

Съ полудня пошелъ теплый дождь, текли шумливые ручьи къ лужѣ передъ гостиницей и въ рѣчку, которая раздулась, дѣлаясь мутной, и лизала рыхлые берега...

Наволоклись, сгрудились сизыя тучи надъ городи-

щемъ, открываясь молніями; катался по вольному раздолью громъ; вапало отовсюду прѣлостью, дождевиками и закружились во мглѣ предвечерней надъ тинной рѣчкой двѣнадцать трясуцихъ лихорадокъ.

Вечеромъ дождь пересталъ и, скользя по грязи растоптанными башмаками, бродилъ Тепловъ, повсюду лица Языкова, раздвигалъ чащи логуховъ, забѣгалъ во дворы и, ударяя себя по лбу, спрашивалъ:

— Гдѣ же онъ прячется все время?

Такъ было тяжело на душѣ, что не вздохнуть... и только одно повторялъ старый Димитрій Тепловъ, два дня уже не пившій водки:

— Хамъ, хамъ, жену друга за деньги продалъ... какъ лошадь... эхъ.

Незамѣтно добрелъ онъ до купчихинаго домика и, вглядываясь сквозь мглу, ухватилъ себя за лысую голову...

У крыльца стояла тройка, два окна были освѣщены и внутри двигались тѣни...

— Увезать, — сказала Тепловъ, — милую нашу...

Съ крыльца къ экипажу сошелъ Колокольцовъ и подалъ руку Ольгѣ Семеновнѣ, закутанной въ вуаль; колокольчикъ прозвенѣлъ и, кидая грязью, покатила коляска мимо Теплова, мимо заборовъ въ темноту...

Долго во слѣдъ ей глядѣлъ Тепловъ, потомъ пошелъ къ рѣчкѣ, подмывающей берегъ неподалеку покинутого домика. Тамъ на травѣ лежали бревна, старая бочка и мусоръ...

Надъ самой водой, прислонясь спиной къ бревнамъ, сидѣлъ въ разлѣтайкѣ Языковъ, обратя лицо на дорогу и горбился...

— Коленька,—воскликнулъ Тепловъ, и молча сѣлъ рядомъ, прижавшись къ его плечу.

— Простудишься, Коленька, на сырой травѣ...

Языковъ молчалъ, опустивъ сѣрое въ сумеркахъ лицо.

Пойдемъ-ка, Коленька, домой, честное слово, водочки выпьемъ за здоровье...

Тепловъ всхлипнулъ, обнявъ голову друга.

— Нѣтъ,—сказалъ Языковъ глухо,—оставь.

— Заживемъ по старому. Тебя земскимъ начальникомъ назначать. Мнѣ сегодня говорили, что назначатъ, честное слово, вотъ крестъ...

— Животъ болить,—сказалъ Языковъ, пожевавъ губами и вдругъ вскрикнулъ...

Тепловъ заботливо къ нему наклонился.

— Не ѣдь ты... Что это — воскликнулъ онъ испуганно—револьверъ... отдай... Господи, да онъ липкій..

— Тепловъ разсматривалъ свои испачканные пальцы...

— Коля, что ты надѣлалъ... Говори же... Спасите!.. пронзительно закричалъ Тепловъ въ ночной тиши и, вскочивъ, метнулся, махая револьверомъ уже холоднымъ давно...

Языковъ все ниже склонялся, пока англійская шапка его не упала на берегъ, покатылась, и тихо понесла ее темная рѣка.

I.

Лизавета Ивановна сидѣла у окна съ вязаньемъ въ рукахъ за рабочимъ столикомъ и, постукивая костяными спицами, говорила ровнымъ своимъ, надоѣдымъ голосомъ.

— Вотъ хотя-бы Шабалова, хорошая женщина — сказать нечего, а я не могу ее терпѣть. Все-то у нея куры да индюшки на умѣ, нѣтъ другого разговора... А сколько у васъ, Лизавета Ивановна, матушка, гусей родилось?.. Двадцать; что-жъ изъ того, двадцать такъ двадцать. А она молчитъ полчаса. У меня нынче тридцать одинъ гусь, скажетъ и вздохнетъ, будто сама тридцать одинъ гусь снесла.

— Нѣтъ, другъ мой Миша,—вынувъ спицу и мелькомъ взглянувъ на сына, продолжала Лизавета Ивановна, — не большіе мы съ тобой помѣщики, а дворяне... такъ-то. Я не говорю, чтобы зазнаваться нужно — для этого купилъ нѣтъ; а такъ на ночь, помолившись Богу, и шепни въ подушку: — слава тебѣ, Создатель, что родилъ меня дворяниномъ. Что-же ты, Миша, мол-

чишь, понять меня не можешь, голова у тебя дурацкая!

Дѣйствительно, голова у Миши или Михайлы Михайловича Камышина была въ видѣ огурца—къ верху уже... брови бѣлыя, рѣсницы и жидкіе волосы, какъ лени, зато толстыя щеки и губы, которыя Лизавета Ивановна звала не иначе, какъ шлепанцы, краснѣли отъ здоровья...

Миша глядѣлъ на тарелку съ бумажкой, гдѣ мерли мухи и, слушая надоѣдныя слова маменьки, молчалъ, обиженно поджавъ ротъ...

— Дуралей, ты дуралей,—продолжала Лизавета Ивановна,—третій разъ тебѣ говорю—поди, посмотри свинью, всёхъ поросятъ сожреть.

— Меня, маменька, тошнитъ, когда свинья поросится,—молвилъ Миша мяукающимъ голосомъ,—у меня и такъ голова болить...

Лизавета Ивановна обѣими руками гнѣвно ударила вазанье о рабочій столъ и, сдѣлавъ круглые глаза, которые были свѣтло голубые, какъ у галки, угрожающе протянула:

— Миша!

Миша всталъ и, повернувшись къ маменькѣ спиной, замѣчательно тѣмъ, что внизу была она мясистая, какъ у бабы, ушелъ...

— Въ кого у него задъ такой,—подумала Лизавета Ивановна,—у дѣдушки Павла былъ громаденъ животъ, должно быть перепуталось.

Миша зажегъ желѣзный фонарь и вышелъ на крыльцо. Отъ оттаявшей въ концѣ апрѣля земли шель густой и душистый запахъ. Позади дома глухо шумѣли ветки; далеко гудѣла вешняя вода въ оврагѣ. Въ голубыхъ сумеркахъ были еле видны строенія, крытая

соломой, шесть колодца и перевернутая телѣга; мычала корова, хотѣвшая пить, и, шлепая по грязи, подошлея къ Мишѣ песь, ткнувъ холоднымъ носомъ въ руку.

Миша поднялъ фонарь и, осторожно обходя лужи, освѣщенные желтымъ кругомъ свѣчи, пошелъ къ зауткѣ.

„Тепло,—думалъ Миша, мороза не будетъ. Маменька небось въ креслѣ сидитъ, а я по грязи шлепаю; всѣ панталоны замажешъ; что это за жизньъ такая. Дворянскій сынъ! Я-бы показалъ, какъ живетъ дворянскій сынъ. Я-бы ходилъ по комнатѣ, да смотрѣлъ въ окно, за окномъ стоялъ-бы прикащикъ, а жена моя кофей бы наливала“.

Миша остановился въ волненіи. Всю зиму ему хотѣлось жениться, а съ весною стало не въ мочь... Лизаветѣ Ивановнѣ онъ не признавался.

— Извела меня маменька своими разговорами,—сказалъ Миша,—не хочу больше такъ жить...

И, вздохнувъ громко, такъ что песь, шедшій сади, зарычалъ, Миша отворилъ дверь хлѣва.

Въ теплой зауткѣ лежала на боку бѣлая, толстая свинья; увидавъ свѣтъ, она сердито подняла морду и встонала; Миша присѣлъ около и въ лукошко на солому положилъ двухъ только что рожденныхъ поросятъ... Ухо свиньи начало двигаться, по тѣлу пробѣжали судороги и время отъ времени рожала она поросенка.

Свинья поросилась въ первый разъ, и Лизавета Ивановна, боясь, чтобы скотина не съѣла приплодъ, велѣла Мишѣ ударять свинью кнутикомъ, если она вадумаетъ трогать своихъ дѣтей.

Миша, сидя на корточкахъ съ кнутомъ въ рукѣ,

брезгливо морщился, моргая свѣтлыми рѣсницами, и думалъ:

„Мамаша нарочно меня унижаетъ, какой мнѣ интересъ на свинью смотрѣть... Вотъ пойти-бы да сказать маменькѣ—идите сами въ хлѣвъ, а я газету почитаю...“

Миша немного утѣшился, представивъ себѣ Лизавету Ивановну послѣ такихъ своихъ словъ, и, взявъ на руки поросенка, сосавшаго палецъ, умилился..

„Свиньѣ уютно,—подумалъ Миша,— у нея дѣти, и у всякой скотины дѣти, а мнѣ холодно, не въ кому прижаться...“

Миша любилъ меланхолю и теперь, чувствуя въ горлѣ слезы, радовался своей чувствительности. Положивъ всѣхъ поросятъ въ лукошко, онъ вытеръ руки о шерсть свиньи и пошелъ въ домъ, обиженно опустивъ губы.

Въ столовой кипѣлъ самоваръ, горѣла висючая лампа, и Лизавета Ивановна на углу стола раскладывала пасьянсъ.

— Ну?—спросила она, не поднимая головы.

Миша вдохнулъ и сказалъ:

— Десять. Эхъ, маменька...

— Что, дуралей?

— Какой я дуралей?—воскликнулъ Миша сердито, но подъ взглядомъ матери смирился:—была-бы у меня жена, не звала бы дурацеемъ,—добавилъ онъ тихо...

Лизавета Ивановна положила колоду и, облокотясь, стала глядѣть на сына. Миша пилъ чай и ѣлъ, сопя носомъ. Самоваръ пѣлъ тоненько.

— Гостей заываетъ!—молвила Лизавета Ивановна, оканчивая этимъ нить своихъ мыслей, и, взявъ колоду, разложила большого слона.

Съ этого вечера Миша все время думалъ о женитьбѣ воображая себя отцомъ маленькихъ, многочисленныхъ дѣтей. Матери онъ началъ грубить;

Однажды Лизавета Ивановна сказала:

— Поросята подросли, отвези-ка пару Павала-Шимковскому, онъ любитъ оркширъ. Да не расстрай дорогой... Вотъ вѣдь, хороший, кажется, человекъ Павала, а дѣтей распустилъ, срамота. Я всегда говорю, не давай дѣтямъ воли.

Миша придѣлся, самъ выбралъ двухъ лучшихъ поросятъ, посадилъ ихъ въ мѣшокъ, мѣшокъ положилъ подъ козлы въ телѣжку и на гнѣдомъ меринѣ поѣхалъ въ село Марьевку, гдѣ земскимъ начальникомъ служилъ Павала-Шимковский, живя съ дочкой Катенькой и сыномъ Алексѣемъ.

II.

Въ крытыхъ, вдоль дворовой стѣны, сѣняхъ и на крыльцѣ стояли мужики, прѣхавшіе изъ дальнихъ деревень и здѣшніе, съ утра ожидая выходъ земскаго начальника. Мужики пришли насчетъ податей и шумѣли, обсуждая неожиданно увеличенные на четыре рубля платежи.

Иныхъ вызвали по повѣсткамъ для судебного разбирательства, стояли они въ сѣняхъ безъ шапокъ, напряженно ожидая. Мальчикъ, въ синей рубахѣ съ оловяннымъ крестикомъ на толстомъ шнуркѣ и въ новыхъ валенкахъ, ходилъ то въ домъ, то къ мужикамъ, отбирая повѣстки.

Для крестьянина повѣстка, вообще бумага съ казенной печатью, гдѣ написаны на первый взглядъ простыя

и ясны слова, всегда таинственна и враждебна. Получить онъ ее боится, а разъ получивъ, складываетъ въ осьмую долю и прячетъ за оную. Зная, что хуже смерти ничего не будетъ, онъ все-таки ни за что не разстанется съ этой бумажкой, сулящей невѣдомую бѣду, и на требованія отвѣчаетъ кротко: — на что тебѣ ее, малый, я самъ начальнику представлю.

— Давай, говорятъ, отберемъ повѣстки, начальникъ встанетъ и разберетъ, — сердится мальчикъ въ валенкахъ.

— А все спать баринъ-то?..

— Охъ, Господи, — вздыхаетъ рябой мужикъ, — мы пестравскіе, по солнцу выѣхали, коней заморили и съ утра неѣвши.

— Все спать, — отвѣчаетъ ему статный крестьянинъ въ русой, курчавой бородѣ и съ серьгой въ ухѣ, — все спать. Давеча я приходилъ, — что баринъ? Спать еще, говорятъ; теперь прихожу, — онъ, говорятъ, опять спать... До ночи прождемъ. Эдакій вѣдь сонъ на человѣка напалъ.

— Теперь спать не полагается, — громко заговорилъ, протискиваясь къ нимъ, черный и злой крестьянинъ Назаръ, махая на уровнѣ лица заскорузлой рукой, — теперь законъ — свобода.

— Это правильно, — отвѣтилъ лысый мужикъ, — сталъ нашъ баринъ околицу затворять на замокъ — ѣзди, говорить, кругомъ. Хорошо. Мы ему говоримъ: теперь околицу заперать не полагается, теперь свобода. А онъ къ намъ съ револьвертомъ. Я, говоритъ, покажу вамъ свободу. Околицу мы поломали, ушли. А онъ телеграмму и шваринулъ. А мы развѣ бунтуемъ, мы насчетъ дороги...

— Въ одно слово, — молвилъ красивый мужикъ съ серьгой, — лѣтось къ намъ худощавый человѣкъ приходилъ, все яйца ѣлъ сырыя, ей Богу, мы даже глядѣть ходили. Собралъ онъ сходъ и говоритъ: помѣщикъ, молъ, вамъ пользуется, пупки раститъ, а вы безъ земли. Хорошо такъ рассказывалъ, только все прибавлялъ: благодаря тому, да благодаря тому, мы такъ и не поняли, за что это онъ насъ благодарить... Мы и подумали — больно ужъ несуразный.

Въ сѣняхъ мужики задвигались и замолкли; вышелъ Алексѣй и тихимъ голосомъ, заикаясь и вытягивая жилистую шею, сказалъ:

— Подождать придется, мужички, до вечера. папа спать...

Мужики разглядывали его молча, какъ диковину. Безъ усовъ и бороды зеленое, обтянутое лицо Алексѣя было все въ морщинахъ, словно истомленное тайнымъ недугомъ, но голубые, страдальческіе глаза глядѣли жалобно, какъ у побитаго щенка.

Алексѣй нырнулъ шеей и, вытянувъ съ усиленіемъ губы, — добавилъ: — такъ подождите.

Мужики, посмотрѣвъшись и рѣшивъ, что разъ это барскій сынъ, то можетъ быть чудачкомъ какимъ угодно, сразу зашумѣли:

— Намъ ждать нельзя, у насъ лошади не кормлены, сами ѣсть хотимъ; что за порядки — деньги принесли, а онъ не беретъ... Разбудить его. Спать-то всякій насобачится сумѣетъ.

— Какъ хотите, — говорилъ Алексѣй ближайшимъ къ нему мужикамъ, — я бы самъ, конечно...

— Идемъ, ребята, — покрывая всѣ голоса, закричалъ Назаръ, — разбудимъ его, что встали, напирай!

Мужики всё сразу заговорили и двинулись къ сѣнямъ, тѣсня Алексѣя; Назаръ, протискиваясь, взялся за скобку двери, но дверь распахнулась сама, и на порогѣ встала полная дѣвушка небольшого роста, красивая русской красотой, насмѣшливой и лѣнливой...

— Молчать,—крикнула дѣвушка:—какъ вы смѣете! Узкія брови ея сдвинулись, и на круглой, бѣлой щецкѣ чернѣла маленькая мушка.

Мужики сняли шапки, а дѣвушка спросила сурово:

— Что вамъ надо. Деньги принесли?

— Мы къ его милости—нельзя ли отложить. Тяжело намъ; рабочее время...

— Отецъ васъ приметъ ночью, а я, если хотите, сейчасъ. Эй, Степка,—не дожидаясь согласія, воскликнула дѣвушка,—вызывай очередныхъ...

Она закрыла дверь, а мальчикъ въ валенкахъ — Степка, закричалъ тонкимъ голоскомъ:

— Петръ Терентьевъ Карнаушкинъ Сизовъ!

— Здѣсь.—торопливо отвѣтилъ красивый мужикъ съ серьгой и, встряхнувъ блестящими отъ коровьяго масла кудрями, нагнувшись, вошелъ въ домъ.

Тѣмъ временемъ Михайла Михайловичъ Камышинъ, потряхиваясь въ дребезжащей тельфажѣ по горбатымъ доскамъ моста черезъ глинистую рѣку Марью, въѣхалъ въ село и, завидя зеленый куполъ церкви, перекрестился, не теряя достоинства, то есть помахалъ пальцами между подбородкомъ и животомъ.

Всю дорогу представлялъ себѣ Миша, какъ лихо проѣдетъ по селу и всё скажутъ: вонъ Камышинскій помѣщикъ, но больше всего хотѣлось, чтобы такъ воскликнула дочь земскаго начальника, о которой Миша

часто думалъ, лежа въ постели, хотя не видалъ ея никогда.

Миша нахлесталъ мерина и, распугивая куръ, сопровождаемый лающей собакой, подкатилъ по площади къ крыльцу Павла Шимковскаго, спосивъ глаза на окно съ кисейной занавѣской.

Маленькая ручка приподняла занавѣску, и къ стеклу придвинулась женская голова...

— Она,—подумалъ Миша и поскорѣ отвернулся,—а я, Господи, въ пыли и носъ навѣрное нечистъ...

Ворота открылъ мальчикъ въ валенкахъ и, бросивъ ему возжъ, Миша вошелъ на крыльцо, гдѣ, склонивъ головы вкругъ, что-то разсматривали крестьяне.

— Пропусти-ка, милѣйшій,—важно сказалъ Миша, указательнымъ пальцемъ, нажавъ плечо загораживавшему дорогу мужику. Мужикъ оглянулся, посторонился и сказалъ:

— Да ты прочти, Сизовъ...

— Я неграмотный; я отдалъ ей платежныхъ 16 рублей и получилъ фитанецъ.

— Вотъ, баринъ, прочитайте, мы тутъ не разберемъ,—обратился тотъ же мужикъ къ Мишѣ.

— Сомнѣваемся мы,—сказалъ Назаръ громко.

Миша брезгливо, такъ же какъ тогда въ хлѣву, улыбунулся и поднесъ къ близорукимъ своимъ глазамъ ключекъ бумаги.

— Получила отъ Петра Терентьева Карнаушкина Сизова долгъ 16 рублей, Екатерина,—прочелъ онъ.

— Правильно,—кивая радостно головой и улыбаясь, сказалъ Сизовъ,—это я самый...

Степка выкрикнулъ слѣдующаго недоимщика, а Миша, отеревъ лицо, вошелъ въ домъ за мальчикомъ, кото-

рый сказал:—не сюда, направо, въ гостиную пожалуйте.

III.

Войдя въ длинную, съ лопнувшими обоями коричневаго цвѣта, комнату, гдѣ вдоль одной стѣны стояли вѣнские стулья, вдоль другой ломберный столъ и лампа, накрытая вязанымъ колпачкомъ, и съ унылымъ пѣньемъ летали мухи, толкаясь въ засаженные стекла, Миша обернулся, поклонившись сидящему въ высокомъ креслѣ у стола сутулому старику.

На старикѣ былъ надѣтъ сѣрый капотъ, продранный на локтяхъ, на шеѣ красный платокъ и, когда онъ обернулъ къ вошедшему узкое свое, давно не бритое, съ крючковатымъ носомъ лицо, Миша еще разъ поклонился, оробѣвъ отъ пристальныхъ, устремленныхъ на него, зеленыхъ глазъ.

— Что надо?—спросилъ старикъ шепотомъ.

— Мамаша прислала вамъ пару поросятъ, Лизавета Ивановна.

— Поросятъ,—прошенталъ старикъ Павала, и глупая улыбка растянула присохшія къ беззубымъ деснамъ его губы,—Лизавета Ивановна, помню, помню и люблю вашу мамашу, садитесь, молодой человекъ.

Топчей рукой Павала запахнулъ халатъ и указалъ Мишѣ на стулъ...

— А я кашку ѣмъ,—продолжалъ онъ, еще разъ запахиваясь,—устаю отъ дѣлъ...

Сдѣлавъ строгіе глаза, Павала пододвинулъ къ себѣ синюю кастрюльку, ложкой размѣшивая содержимое.

— Хитрая штука хоршо сварить кашку,—продолжалъ онъ, посвящая Мишу въ тайны.—Одна Катенька.

моя только и умѣть. Нужно, чтобы кашка была не слишкомъ густа и не слишкомъ жидкая, молоко нужно сначала хорошенъко истопить, да чтобы оно не подгорѣло, а изюмъ мочить всю ночь въ мадерѣ...

Павала положилъ въ ротъ кусокъ каши и, закрывъ строгіе глаза, сталъ часто пережевывать беззубымъ ртомъ, причемъ конецъ его носа тоже двигался.

Миша такъ засмотрѣлся на Павалу, что изъ угла губы пустилъ слюну, подхлебнувъ, покрасивъ, а старикъ открылъ глаза и молвилъ:

— Вашей матушки дѣло у меня есть, тяжба съ мужиками... разберемъ, разберемъ... Я, молодой человекъ, стараго закала, я мужика знаю, онъ всегда виноватъ. Воръ онъ, пьяница, въ церковь не ходитъ, жалуется, что попы плохи... А сами другъ у дружки снопы воруютъ. А помѣщицу Чембулатову сожгли и лошадамя ея ноги перебили...

Павала не въ силахъ громко говорить, захрипѣлъ и, выкативъ глаза, которые стали оловянными, окончилъ, дергая свой шейный платокъ:

— Что?... Что вы сказали?—хотя Миша молчалъ, моргалъ отъ страха.

— Папаша, нельзя волноваться!—воскликнула, войдя, та же красивая дѣвушка съ родинкой на щекѣ.

Миша всталъ. Дѣвушка протянула ему пухлую, маленькую руку.

— Я вась въ окно увидала... Познакомимтесь... Шимковская...

И, нагнувшись къ Мишиному уху, словно близко знакомая, шепнула, поведя выпуклыми своими, сучьими глазами на отца:

— Не волнуйте его...

— Моя дочь Катерина,—молвилъ Павала, вытирая лобъ салфеткой,—а это Лизаветы Ивановны сыночек.. какъ васъ?

— Миша,—подсказалъ Миша и тотчасъ же добавилъ:—Михайль-сь.

За стѣной въ это время послышались голоса, и Катенька поспѣшно подошла къ двери, прихрамывая. Отъ этого еще милѣе показалась она Мишѣ. Павала же, повернувшись на шумъ, сказалъ, къ изумленію Миши, басомъ:

— Гоня ихъ къ чорту, Катя! Алешка, гдѣ же ты? Голоса за дверью усиливались, и слышно было, какъ кричалъ Назаръ:

— Развѣ это порядки: мы деньги платимъ, а она намъ фитанецъ не выдаетъ... Развѣ это фитанецъ? Цыгарку свернуть...

— Дуракъ,—сказала Катенька тихо.—Гдѣ же этотъ лѣбный старшина?

Внезапно шумъ затихъ, и густой, спокойный голосъ вразумительно произнесъ:

— Что шумите... шумите-то съ чего? Какой фитанецъ, покажи... Самый истинный... А зачѣмъ тебѣ печать? Да ты за грудки не хватай! Эй, десятники!..

Возня и шумъ усилились, и затѣмъ мужики ватопали ногами, расходясь, и громко бранились.

Потомъ въ комнату вошелъ, безъ шапки, кланяясь, коренастый мужикъ съ черной бородой, въ синемъ кафтанѣ, съ глазами чистыми, какъ цѣбъ воды,—старшина Евдокимъ Лаптевъ.

— Здравія желаемъ,—сказалъ старшина, проведъ широкой рукой по бородѣ и усамъ, словно прогоняя

улыбку, и крѣпко всталъ на коренастыхъ своихъ ногахъ.

— Бунтуетъ общество...—молвилъ онъ, не въ силахъ, наконецъ, сдержать улыбки.

Павала, поднявъ голову, прищурилъ глаза. Евдокимъ продолжалъ:

— По ихнему расчету приходится податей по девяти рублей да недоимокъ три, а начальникъ, молъ, требуетъ шестнадцать. Что съ ними подѣлаешь... Я говорилъ, что начальство лучше ихъ знаетъ... Да еще въ фитанцахъ сомнѣваются...

— Бунтъ...—прошепталъ Павала, багровѣя такъ, что на лбу налились жилы.—Бунтовать... За стражниками послать... Я ихъ...

Онъ подпрыгнулъ въ креслѣ, протянулъ надъ столомъ костлявыя руки; потомъ вдругъ сѣлъ, успокоился и посмотрѣлъ на кашку.

Евдокимъ вадохнулъ:

— Слушаюсь...

Катенька, прихрамывая, подошла къ Мишѣ, тронула его за руку и сладко улыбнулась:

— Пройдемтесь по саду, папа о дѣлахъ будетъ говорить.

То, что Катенька называла садомъ, былъ огородъ, гдѣ росъ крыжовникъ и малина и около плетня раскинула плакучія вѣтви старая ветла.

Миша, глядя на Катенькину округлую спину, потряхивающуюся на ходу и припадающую чуть чуть въ розовомъ со множествомъ бантиковъ платѣѣ, краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ волненія, вытирая украдкой потъ съ лица. Проходя мимо своей телѣжки, онъ вытряхнулъ изъ мѣшка вдругъ завязжавшихъ поросятъ.

Катенька обернулась съ улыбкой, наклонивъ на бокъ голову, сказала „merci“... и отворила калитку въ огородъ.

— У насъ много будетъ крыжовника нынче,—молвила она, пристально глядя на ветлу,—а у васъ есть крыжовникъ?

И, гнѣвно стиснувъ брови, топнула ногой.

— Да, маменька любить крыжовникъ,—отвѣтилъ Миша,—съ изумленіемъ глядя по направленію глазъ дѣвушки.

Подъ ветлой, лицомъ къ плетню и голому выгону, сидѣлъ, подперевъ обѣ щеки кулаками, Алексѣй; грудь его вадрогивала и по впалымъ щекамъ текли слезы.

— Алена,—говзвала Катенька,—ты опять?

Алексѣй вадрогнулъ, но не обернулся; обтеревъ ладонями глаза и щеки, онъ сказалъ тонкимъ голосомъ:

— Скучно мнѣ очень, надоѣло...

Катенька усмѣхнулась и, поправляя на полной груди низко вырѣзанный воротъ, объяснила Мишѣ:

— Большой онъ, съ молодую за нимъ не смотрѣли и набаловался...

— Поле какое голое,—продолжалъ жаловаться Алексѣй,—ветла шумить и больше нѣтъ интереснаго.

— Поди о чаѣ похлопочи,—перебила его Катенька и, взявъ Мишу за руку, повела вглубь огорода, гдѣ въ густой лебедѣ стояла скамья.

— У насъ въ Марьевѣ огородъ да поле,—защебетала дѣвушка, близко садясь около Миши,—а весело только во время ярмарки... Вотъ вы счастливый, у васъ все есть, къ сосѣдямъ можно ѣздить, а насъ никто не приглашаетъ...

— Приѣзжайте къ намъ... Непремѣнно... Ну пожа-

луйста,—сказалъ Миша, покраснѣвъ и, вспомнивъ о Лизаветѣ Ивановнѣ, рѣшилъ: „пустъ ругается, чтожъ не могу я, въ самомъ дѣлѣ, гостей угощать“.

— А я приѣду,—близко наклонясь и, глядя въ глаза, протянула Катенька... Вы рады будете?..

— Я то... конечно...

Катенька стала закрывать глаза, въ изнеможеніи склоняясь къ Мишиному плечу...

— Любить какъ хочется, Михайло Михайловичъ,—прошептала она.

Миша тотчасъ-же вспотѣлъ, съ ужасомъ и восторгомъ глядя на близкую отъ его губъ бѣлую щеку съ мушкой... Грудь дѣвушки часто дышала и отъ тѣла пахло...

— Вотъ оно,—подумалъ Миша, словно проваливаясь,—дождался...

Катенька медленно подняла вѣки на затуманенныхъ своихъ сѣрыхъ глазахъ, полураскрыла ротъ, обжигая дыханіемъ, придвинулась и, внезапно оттолкнувъ Мишу, проговорила глухимъ голосомъ, превозмогая себя...

— Что я дѣлаю, вы Богъ знаете за кого меня примете...

А Миша только улыбался и мялъ Катенькину руку въ своихъ потныхъ ладоняхъ...

— Довольно!—Катенька встала, поправляя волосы, оглянувшись на калитку и, вдругъ взявъ Мишу за плечи, съ невыразимой нѣжностью сказала:—милый мой! и поцѣловала въ щеку:—любите меня?

— Да, да!—завопилъ Миша, ослѣпнувъ и хватая ускользающую со смѣхомъ Катеньку...

Онъ прикладывалъ руки къ груди и толстое лицо

его расплылось, какъ у поросенка, нащупавшаго, наконецъ, губами родную грудь.

IV.

Катенька какъ будто разсердилась на высказанныя Мишѣ чувства и стояла, обрывая цвѣтокъ; рябая дѣвка отворила калитку огорода, почесала волосы подъ платкомъ и крикнула:—идите чай хлебать!

Катенька обернулась, сорвала крыжовникъ, воскликнула: ахъ, какое гнѣздышко, —раздвинула вѣтки руками и, оцарапавъ палецъ, надула губы...

Миша вялая ее за этотъ палецъ, потянулъ, что-то бормоча, она ударила его вѣткой, и онъ, блаженно улыбаясь, пошелъ за нею въ домъ.

Поцѣлуй, который дала Катенька, былъ какъ солнце, сразу освѣтившій все вокругъ, отчего стало стыдно и сладко, и, какъ солнце, была сама Катенька, розовая и нѣжная, предлагавшая то чай, то варенье.

Вечеромъ Миша уѣхалъ, долго оглядываясь на милый домъ Павалы-Шимковскаго и на крыльцо, гдѣ махала Катенька носовымъ платкомъ.

А въ полѣ, среди зеленыхъ хлѣбовъ и душистаго сѣнокоса, застала Мишу, подъ крики невидимыхъ перепеловъ, звѣздная ночь.

Нешибко, похрапывая бѣжала лошадь, а Миша, запрокинувшись, глядѣлъ на небо; радость кружила голову и, съ глазами полными слезъ, шепталъ Миша:

— Господи, какъ хорошо!

Катенька со всеми своими бантиками, полными ручками, съ мушкой на щекѣ, представлялась неудовимой, и только выпуклые глаза ея глядѣли отовсюду —

между звѣздъ, изъ темныхъ зеленей, подъ покачивающею надъ горизонтомъ дугой бѣгущаго коня.

— Катенька, Катенька...—шепталъ Миша и почему-то вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ повторялъ: „ахъ, ты, Катенька, распузатенька“...

— Какая гадость!—воскликнулъ Миша, разсмѣялся и заплѣлъ дикимъ своимъ голосомъ на всю стѣнь несуразныя слова.

Такъ плѣлъ, улыбался и плакалъ, пока лошадь не завезла телѣжку въ оврагъ.

— Только бы не отказала,—говорилъ Миша, вытаскивая изъ грязи заднія колеса,—согласилась бы выйти за меня замужъ.

— „Спать пора!“—закричалъ перепелъ на горкѣ.

— Трк... — отвѣтилъ коростель изъ сырой лощины.—Трк...

Миша выпрямилъ спину, сдвинулъ картузь на затылокъ и громко засмѣялся.

— Я васъ! — крикнулъ онъ птицамъ. — Что вы кричите?..

И тотчасъ же, должно быть по тону голоса, вспомнилъ маменьку—Лизавету Ивановну. Вспомнивъ маменьку, Миша, пересталъ плѣть и смѣяться, раздумывая, что бы такое сдѣлать, чтобы Лизавета Ивановна оставила его въ покоѣ и разрѣшила жениться.

Но, несмотря на смѣлость такихъ мыслей, приближаясь къ дому, чаще вдыхалъ Миша, вертѣлся на сидѣньи и хотѣлъ даже повернуть обратно въ стѣнь, гдѣ такъ славно кричали перепела, но лошадь внезапно быстро побѣжала, остановилась у крыльца, и изъ окна, высунувшись, проговорила Лизавета Ивановна охальнымъ своимъ голосомъ:

— Опять заблудился, дуралей... отпусти тебя одного...
— Маменька,—превозмогая себя, сказала Миша и вошелъ въ комнату,—маменька, я въ послѣдній разъ вамъ повторяю...

Тутъ Миша остановился, взглянувъ на круглую, маленькую фигуру матери въ ночной кофть и бѣломъ на головѣ чепцѣ, концы котораго, торча въ видѣ ро-говъ, покачивались на стѣнѣ огромной тѣнью.

Большой ротъ Лизаветы Ивановны разошелся, при-готовляясь къ ехиднымъ словамъ, а Миша, наклонивъ голову, попытлся къ дверямъ и вышелъ, повторяя про себя:

— Такъ пускай же все провалится; возьму и умру, сами пожалеете потомъ...

V.

Катенька, проводивъ Мишу, убирала со стола, швыряя чайными ложками.

— Идите-ка спать, будетъ вамъ глаза-то пилить,—сказала она отцу,—надоѣли.

Павала робко сняла руки со стола, прошептавъ:
— Я уйду, Катенька, зачѣмъ же сердиться...

Глаза его, переставъ съ уходомъ Миши быть стро-гими, робко помаргивали.

— А зачѣмъ,—крикнула Катенька,—что мѣшаете! Вонъ подъ столомъ нагадили... ротъ у васъ оглоблей, валится все, ѣсть и то разучились.

— Уйду, сейчасъ уйду...—Павала встала, опира-ясь на палку и горбясь.— А гдѣ, Катенька, поросе-ночки, что этотъ милый молодой человекъ привезъ?

Катенька фыркнула:—я не пастухъ,—и понесла чашки въ буфетъ.

Павала поплеяла къ себѣ, но дочь у двери схватила его за руку и дернула такъ, что онъ едва не упалъ...

— Не сюда! — крикнула Катенька, — мученье съ вами... Въ Алешкину комнату идите спать, у меня го-сти сегодня...

Павала, улыбаясь, закивалъ головой, дѣлая видъ, что все поняла и одобряетъ. Затворяя за собой дверь, онъ обернулся и, замѣтивъ, что Катенька его не ви-дитъ, показалъ ей языкъ и, удовлетворенный, ушелъ.

Катенька, убравъ со стола, поправляла волосы пе-редъ зеркаломъ. Этотъ розовый Миша, свѣжій, какъ огурецъ, взволновалъ съ трудомъ сдерживаемыя ея чув-ства. Каждый мѣсяцъ (особенно сильно это было вес-ной) Катенька бунтовала и искала удовлетворенія, на-сколько это было возможно въ деревенской глуши. По-томъ наступалъ упадокъ, раскаяніе, и, съ тупой злобой, мучила дѣвушка отца и брата...

— Глупый поросенокъ,—прошептала Катенька, са-мой себѣ улыбаясь въ зеркало,—туда-же съ любовью полѣзь. Погоди у меня, оберну тебя вокругъ пальца и буду Камышинская...

Катенька дернула вышившій локоть, посмотрѣла на мушку, на алая свои губы, на вырѣвъ платья и по-звала сначала не громко, потомъ гвѣвно:

— Алеша, Алексѣй...

Алексѣй вошелъ съ коробкой гильзъ, которыя на-бивалъ, затыкая бумажкой отъ обертки...

— Собѣгай, Алеша, за виномъ и за этимъ,—быстро проговорила Катенька, замаялась и, разсердившись со-всѣмъ, добавила,—ну знаешь за кѣмъ, старшиной. Силъ больше нѣтъ монхъ... Скорѣе...

Катенька сѣла на стулъ у стѣны, страннымъ взо-

ромъ потемнѣвшихъ глазъ глядя на Алексѣя, губы котораго скривились съ одного бока не то усмѣшкой, не то болью.

— Ты-же обѣщала, Катя, что больше не будетъ этого,—скааать онъ, не въ силахъ сдержать трясущуюся въ рукахъ коробку съ папиросами,—помнишь обѣщаніе?

— Ахъ,—молвила Катенька, быстро охвативъ колѣно.—равнѣ я что могу... Все же Евдокимъ лучше, тѣмъ ты...

Ты... она сказала шепотомъ и усмѣхнулась безстыдно и жалобно, словно грубостью желая прикрыть, не тревожить большое мѣсто...

Щеки Алексѣя вспыхнули, но Катенька гнѣвно топнула ногой:—иди-же, что стоишь.

Чтобы не видно было съ улицы, ставни затворили и зажгли одну лампадку, скудно освѣщавшую столъ, на которомъ стояла водка, пиво, огурцы и конфеты въ бумажкахъ.

Емельянтъ Лаптевъ, снявъ поддевку и, подливая себѣ пиво въ стаканъ, махалъ лѣвой рукой, скаля бѣлые зубы и говоря:

— Гуляю я. Барышня, поцѣлуй меня...

Алексѣй тихо игралъ на гитарѣ, сидя въ отдаленіи, и пилъ, ничѣмъ не закусывая, водку изъ чайной чашки; а Катенька, поможивъ на колѣни Емельяну ногу въ красномъ чулкѣ, такъ что видно было тѣло, смѣялась плачущимъ смѣхомъ каждому слову бородатаго мучника...

— Краля,—говорилъ Емельянтъ,—большой я до тебя любитель...

— Еще бы, губа не дура,—смѣялась Катенька,—всѣ мужчины мнѣ удивляются.

— А чѣмъ я хуже другихъ, Играй, Алеша...

Емельянтъ Лаптевъ, хотя и понималъ, что не къ добру ведутъ эти пирушки и мужицкимъ своимъ умомъ осуждалъ ихъ и прежде всего Катеньку, но, обязанный по долгу службы, притворялся болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ, и разгульнымъ.

— Грудн-то разстегни, Катя,—заплетааясь, говорилъ Емельянтъ,—желаю васъ посмотреть.

— Чего захогѣлъ, самъ разстегни, а я не дамся... Ай, обжамить, разорвешь...

Емельянтъ, наклонившись и икая, разрывалъ петли на кофточкѣ; Катенька отбивалась и льнула, Алексѣй изо всей силы дергалъ струны гитары...

— У тебя нога деревянная,—кричалъ Емельянтъ,—я не люблю деревянную, къ чему мнѣ она!

— Молчи,—завизгнула Катенька,—она не деревянная, дуракъ, что ты понимаешь.

Емельянтъ, охвативъ дѣвушку въ охапку, валилъ и барахтался,—а по мнѣ хоть деревянная, да за то ты барышня...

— Уйди, Алеша,—сказала Катенька... Алексѣй бросилъ гитару на полъ и, повернувшись къ стѣнѣ, судорожно всхлипнулъ.

Въ это время громко ударили въ ставню, за окномъ загудѣли голоса, и шаги послышались въ сѣняхъ...

Емельянтъ вскочилъ и сталъ шарить поддевку; Ка-

тенька, придерживая кофту на груди, подбѣжала къ двери...

— Кто здѣсь?—крикнула дѣвушка...

Вмѣсто отвѣта дверь дернули, крючок соскочилъ, и изъ темноты сѣней просунулась лохматая, злая голова Назара...

— Здѣсь они,—сказалъ Назаръ...

За нимъ, возбужденные, тѣсня другъ друга, двинулись въ комнату мужики...

VI.

Миша, войдя въ свою комнату, поставилъ свѣчу и, подперевъ щеку ладонью, сѣлъ на диванчикъ, на которомъ обычно спалъ подъ шубой даже въ лѣтнее время.

Въ узкой комнатѣ, съ единственнымъ окномъ въ садъ, пѣли комары и на подсвѣчникѣ тонко жужжала муха, оналивъ крылья объ огонь.

Рѣшивъ умереть, Миша сталъ жалѣть себя и громко выдыхалъ, стараясь поддерживать, возникшія при встрѣчѣ съ маменькой, черныя мысли.

— Пусть, пусть,—повторяетъ онъ, теперь уже позабывъ, что пусть, а въ голову лѣзли сладкія воспоминанія.

Весь сегодняшній день припомнился отъ пріѣзда въ Марьевку до желанія, чтобы все провалилось, и образъ Катеньки, еще болѣе прекрасный и туманный, выглянулъ изъ темнаго угла.

— Катя, Катюбочка,—сказалъ Миша громко и до слезъ умилился звуку жалобныхъ своихъ словъ...

Продолжая думать о сладкомъ, вспомнилъ Миша одну ночь, когда не могъ заснуть на этомъ диванчикѣ,

зная, что на дворѣ, въ угольномъ сараѣ, спитъ дѣвушка; (имени ея онъ теперь не помнилъ), съ голубыми глазами и высокой грудью... Миша ворочался тогда подъ шубой, глядѣлъ на сѣрый квадратъ окна и, распаяясь, сѣлъ, наконецъ, прислушавшись—всѣ ли спятъ... Сознательно въ первый разъ рѣшилъ тогда онъ обмануть маменьку—утаить, что хочетъ сдѣлать, и выглязъ въ окно. Дѣвушку онъ увидалъ сразу—спала она между двухъ бабъ, слегка всхрапывая во снѣ. Нагнувшись Миша различилъ тоненькую ея руку, положенную на грудь, и вытянутую ногу въ шерстяномъ чулкѣ и латкѣ... Еще разъ превозмогая стыдъ приподнял Миша платье и хотѣлъ поцѣловать бѣлую ногу выше мочалки, которая была повязана надъ колѣномъ, но локтемъ задѣлъ сосѣднюю бабу. Баба заворочалась. Дѣвушка, почувствовавъ холодъ, вздохнула и подобрала ноги... Миша въ страхѣ прижался къ земляному полу.

— Кто тутъ,—сказала баба громко,—ахъ ты, безстыдникъ, вотъ ужъ маменькѣ пожалуюсь...

Миша выползъ на волю и долго кружилъ около каретника, забредая въ канавку и все думая о мочалкѣ...

Потомъ, на слѣдующій день сорвалъ дыню и понесъ той дѣвушкѣ на работу.

Увидавъ рядомъ съ ней вчерашнюю бабу, сѣлъ поодаль и, глядя въ сторону, сталъ дыню ѣсть. Тогда явился конюхъ Василій и сказалъ, что за эту самую дыню покажетъ Мишѣ фокусъ—протачить сквозь щеку иглу съ ниткой. Миша не повѣрилъ. Конюхъ Василій вынулъ изъ картуза иглу съ черной ниткой и сталъ изнутри прокалывать щеку. Игла шла туго и Миша морщился, потомъ Василій все-таки проткнулъ и, захва-

тивъ конецъ пальцами, протаскилъ иглу и нитку. На щекѣхъ осталось черное пятнышко. Съѣвъ дыню, Василій рассказываетъ, какъ сегодня подь утро измазалъ Настю дегтемъ.

Миша этого никогда не могъ забыть.

— Трусъ,—теперь ругалъ себя Миша,—постоянно упускать случаи. Когда Катенька меня поцѣловала—нужно было ее въ лебеду повалить... Ахъ!

Это было настолько очевидно, что Миша вскакивалъ, замычавъ отъ боли.

— Теперь она даже не подпуститъ, Боже мой...

Миша съѣлъ опять, повернувшись, легъ на спину и, закинувъ руки, сталъ думать.

Мысли правильно текли одна вслѣдъ за другой, но, дойдя до маменьки Лизаветы Ивановны, спутались, и получилась каша—чортъ знаетъ, что...

— Маменька, маменька!—сказалъ Миша.—Вотъ поѣду завтра въ Марьевку и сдѣлаю предложеніе. Хочу жениться—и все тутъ... Мнѣ девятнадцать лѣтъ...

Не помнить Миша, долго ли пролежалъ такъ, думая и вздыхая. Проснулся онъ въ восемь часовъ и глядѣлъ на обои, пока не вошла Лизавета Ивановна и сразу дребезжащимъ голосомъ заговорила:

— Спишь все, лѣнтяй... и такъ тебя низъ перетягиваетъ.

— Какой тамъ низъ, маменька!—сказалъ Миша отчаяннымъ голосомъ.—Ничего такого нѣтъ... я не позволю!

— Что?

— Мамаша,—продолжалъ Миша, натягивая на себя шубу и все болѣе утверждаясь въ самостоятельности,—мамаша, я жениться хочу!

И, не давая маменькѣ опомниться, окончилъ:

— Все равно—убѣгу, женюсь.

— На комъ же, дурень, женишься?—съ любопытствомъ и удивлясь спросила Лизавета Ивановна.

— На Катеринѣ Павала-Шимковской; вчера я предложеніе сдѣлалъ.

— На потаскушкѣ этой!.. Да ты съ ума сошелъ!

Лизавета Ивановна всплеснула короткими ручками и вдругъ засмѣялась, трепыхаясь всѣмъ тѣломъ.

— Одурачъ, одурачъ! Пойду въ кухню, расскажу...

— Индюшка,—сказалъ Миша,—ахъ, Катенька, душа моя, если бы ты только знала!

Миша проворно выскочилъ изъ подъ шубы, надѣлъ покойнаго паленьки сюртукъ, розовый галстухъ, часы и, обернувъ шляпу платкомъ, чтобы не запылилась, пошелъ, во всеуслышанье топая ногами, на конюшню.

По пути онъ слышалъ изъ кухни захлебывающійся голосъ маменьки и визгливый смѣхъ кухарки Марфы. Но Миша не обратилъ на это вниманія: мысли его были далеко, бѣлыя брови рѣшительно сдвинуты и страсть закалила сердце за эту ночь.

Гнѣдой меринъ, бойко добѣжавъ до косогора, откуда стали видны соломенные крыши Марьевки, колодцы, деревья на огородахъ и бѣлый корабль церкви, замедляя шагъ.

Отъ села вверхъ и направо въ унылую степь шли топче телеграфные столбы, словно отъ усталости выставлявъ подпорку въ видѣ ноги; а вдоль узкой дороги росли кусты шиповника, скрывая неизвѣстно кѣмъ и когда вырытыя ямы...

Помѣщица Чумбулатова рассказывала, что на этомъ мѣстѣ стояла когда-то усадьба, но помѣщика убили

его-же кучеръ и, привязавъ къ конскому хвосту, пустилъ въ степь... А хуторъ разрушился самъ собой.

Проѣзжая мимо ямъ, Миша остановилъ коня, такъ какъ навстрѣчу, раздвигая вѣтки шиповника, поднялся человекъ.

Поднявшійся взмахнулъ вверхъ руками и присѣлъ словно отъ безмѣрнаго отчаянія. Миша по шляпѣ и рубахѣ узналъ Алексѣя.

— Остановитесь,—громко зашепталъ Алексѣй, оглядываясь на село—туда нельзя ѣхать. Боже мой, Боже мой, что-то будетъ...

Онъ схватился за голову, раскачиваясь, а Миша испуганно спросилъ:

— Что случилось?

— Я убѣждалъ... Сестру и старшину Евдокима связали и посадили въ мірской амбаръ. Живы-ли не знаю... А что съ папашей—тоже не знаю,—пробормоталъ Алексѣй.

Миша похолодѣлъ, передъ глазами пошли синіе круги и на лицѣ выступилъ потъ...

Когда трясущимися губами хотѣлъ отъ спросить—для чего это сдѣлали — Алексѣй, замахалъ рукой и полѣлъ опять въ кусты.

По дорогѣ отъ Марьевки поднималась телѣга, въ которой сидѣли два мужика.

Нахлеставъ коня, поворотилъ Миша обратно, думая: не догонять, а вдругъ догонять... Только, когда лошадь, прыгавшая въ гору, захрапѣла, замедливъ шагъ, онъ обернулся—телѣга съ мужиками, поворотивъ на боковую межу, спокойно удалялась. Мишѣ стало совѣстно.

— Чего испугаюсь,—подумалъ онъ,—вотъ трусь!

Еще разъ обернувшись, Миша сообразилъ, что Ка-

Тенька въ плѣну и тамъ ее, быть можетъ, мучаютъ.

— Что дѣлать!—повторялъ Миша, отлично зналъ, что, но это „что“ было страшно, и онъ все удалялся отъ села, стараясь убѣдить себя, что не сможетъ освободить Катеньку.

— Что я сдѣлаю одинъ,—думалъ Миша,—трусъ, трусъ,—точасъ-же повторялъ онъ,—а еще жениться хочешь...

Незамѣтно натягивая правую возжу, описалъ Миша большой кругъ по цѣлинѣ, испугался и обрадовался, увидавъ себя на прежней дорогѣ, лицомъ къ селу, и привсталъ въ телѣжкѣ, взглядываясь въ голубоватые порядки избъ.

Тамъ все было тихо...

— Э!—воскликнулъ Миша,—спасу!

И, ударивъ лошадь кнутомъ, быстро покатишь подъ гору.

Не доѣзжая церковной площади, у мірскаго амбара увидалъ Миша сильно шумѣвшихъ мужиковъ; мальчишки, чтобы лучше видѣть, повѣзали на крышу и ворота, откуда ихъ гнала хворостинной старуха въ черномъ сарафанѣ и бѣлыхъ рукавахъ.

Мужики стояли кругомъ, мѣшая проѣзду; Миша крѣпко сказалъ въ рукѣ кнутъ, сказалъ:—эй, борода, посторонись-ка!—но голосъ его потонулъ въ общемъ шумѣ, а близъ стоящій крестьянинъ поставилъ ногу на подножку телѣжки и, глядя въ глаза веселыми, подвыпившими глазами, молвилъ:

— Э, баринъ, прошла ваша воля, теперь наша воля настала.

Мишны губы задрожали.

— Пусты проѣхать,—сказалъ онъ...

— Что же, я тебя не держу. Да ты не къ земскому-ли. То-то я тебя вчера видалъ. Эй, ребята,—обернулся мужикъ къ толпѣ,—баринъ-то къ земскому чай кушать прѣѣхалъ!..

Стоящіе около телѣжки громко засмѣялись, а веселый мужикъ продолжалъ,—съ земскимъ мы, милый, пошабали, ищи другого... А дочка его съ милымъ другомъ въ амбарѣ спитъ...

Опять захохотали мужики, а Миша, выдернувъ возжи изъ рукъ, закричалъ пронзительно: — пустите меня!—Голосъ его былъ визгливый и отчаянный, внушившій добродушно смѣявшимся мужикамъ алое желаніе. Многія лица нахмурились. А изъ тѣснаго круга слышенъ былъ охрипшій голосъ Назаръ.

— Теперь, ребята, другъ за дружку стоять твердо.

— Что-жь,—раздались кругомъ голоса,—развѣ мы зря что дѣлали.

— Развѣ это законъ—баба съ насъ деньги беретъ...

— Вѣрно. Устроились—на наши денежки пакость развели. Учить ихъ. Веревку на шею да въ воду—лучше будетъ... Погуляла на мужицкія деньги...

Назаръ опять началъ говорить, но въ это время закричалъ кто-то испугано и задыхавшись:

— Дядя Назаръ, дядя Назаръ, сейчасъ тятка изъ Утевки прѣѣхалъ, говорить—стражники оттуда ѣдутъ...

Толпа сразу замолкла. Расталкивая локтями продаляся изъ круга Назаръ; увидѣвъ лошадь и Мишу въ телѣжкѣ, спросилъ злобно:—тебѣ что нужно?

Миша, притихшій во время шума, жалобно улыбаясь, теперь вдругъ покраснѣлъ отъ злости и, хлеснувъ кнутовищемъ по козламъ, закричалъ:—бунтовщикъ, сію минуту пропусти меня... знаешь, кто я?

— Полегче,—сказалъ Назаръ,

— Сію минуту освободи барышню. Иначе... стражники... стражниками тебя...

Мотая головой и губами, захлебнулся Миша слюной, а Назаръ, вытянувшись, воскликнулъ такъ, что всѣ слышали:

— Ребята, Камышинскій баринъ за стражниками послалъ, этотъ самый,—и указалъ на Мишу...

Толпа вздохнула; возвышаясь надъ головами высокимъ своимъ ростомъ, вчерашній красавецъ Сизовъ налегъ плечемъ на стоящихъ впереди мужиковъ, подошелъ къ телѣжкѣ и лѣвой рукой взялъ Мишу за грудь... Мокрые волосы падали Сизову на мѣдно-красное лице и изъ открытаго рта пахло виномъ. Миша забился, затихъ ненадолго, тонко закричалъ, какъ зайцъ, и ногтями сталъ отдирать руку Сизова; потомъ, закинулъ голову, закусилъ губы... Мужики, вытянувъ шеи, молча глядѣли. Назаръ, ваявшись за желѣзо телѣжки, смотрѣлъ Мишѣ въ лицо, накупившись. Сизовъ, какъ бы примѣриваясь, встряхнулъ Мишу на лѣвой рукѣ, отвелъ правую, долго стискивая мозолистые, черные свои пальцы и, вскрикнувъ для подбодренія не своимъ голосомъ, сухо ударилъ Мишу въ переносею.

Миша мотнулъ головой, лошадь дернула, и множество рукъ потянулось, вытацило изъ телѣжки и смяло тѣло.

— Дѣвку, дѣвку давай сюда!—закричалъ народъ... Пихаясь хлынула толпа къ амбару, открыла дверь и на мгновеніе поднялась и канула внизъ черная, съ разинутымъ ртомъ, голова Емельяна Лаптева...

Согнувъ въ розовой рубашкѣ спину, первымъ вскричалъ въ амбаръ Сизовъ, въ узкой и темной двери тѣсно

нялись мужики... и, всё голоса покрывая, долгий острый вылетѣлъ изъ амбара женскій вопль.

Старуха, гонявшая ребяты хворостиной, перекрестилась, говоря:—задавили рабу божью.

По площади къ толпѣ, подобравъ полы капота, бѣжалъ безъ шляпы, гримасничая и спотыкаясь, старый сѣдой Павала.

Лизавета Ивановна похоронила Мишу въ саду и до зимы лежала больная. Земскій врачъ, прѣзжая черезъ день, къ ноябрю поставилъ ее на ноги и кухарка Марфа по вечерамъ опять приходила спрашивать, что готовить на завтра.

Лизавета Ивановна, подперевъ щеку ладонью, по цѣлымъ днямъ сидѣла у окна за рабочимъ столикомъ и на вопросы Марфы отвѣчала:

— Да все равно, Марфуша, готовь что-нибудь... вѣдь... вѣдь...

Губы Лизаветы Ивановны начинали дергаться, двѣ слезы повисали на рѣсницахъ, и Марфуша, громко вадывая, уходила на кухню, чтобы отвести душу въ заунывномъ, безконечномъ пѣніи пѣсенъ, словъ которыхъ она не понимала.

Однажды вечеромъ залаяли собаки и въ сѣняхъ послышались жосткій топотъ промерзшихъ валенокъ и голоса.

Лизавета Ивановна, какъ въ лихорадкѣ, задрожала всѣмъ тѣломъ; Марфа побѣжала отворять. Въ корридоръ вошелъ запорошенный снѣгомъ Алексѣй, подерживая подъ руки отца, голова котораго была обвязана пуховымъ платкомъ...

Увидѣвъ ихъ, Лизавета Ивановна громко зарыдала, отмахиваясь руками...

— Мы съ папашей обогрѣться хотѣли, — сказалъ Алексѣй,—папашу со службы уволили, мы на родину ѣдемъ, а лошадка у насъ одна...

Тогда Лизавета Ивановна обняла старика Павалу, прижала Алексѣя къ своей груди и повела въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ, а за окнами выла вьюга, и старый домъ држалъ подъ вѣтромъ всю долгую ночь...

— Покупайте, покупайте,—сказала Лизавета Ивановна,—вы бездомные, а мнѣ жить нечаѣтъ... Оскудѣли мы...

Павала голодными глазами глядѣлъ на масло. Алеша молча сидѣлъ въ тѣни, щеки его совсѣмъ втянулись и глаза стали огромны, а Лизавета Ивановна молвила:

— Вотъ какъ мы съ вами сосватали дочку вашу съ моимъ... моимъ дуралеемъ...

Павала перевелъ глаза съ масла на чайное полотенце, которымъ Лизавета Ивановна вытирала глаза, и сказалъ, вдругъ широко улыбувшись:

— А помните, какъ онъ мнѣ поросеночка привезъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТР.
Заволжье	7
Недѣля въ Туреневѣ	63
Аггѣй Коровинъ	109
Архипъ	155
Два друга	185
Сваговство	203

Литературно-художествен. Альманахи.

КНИГА ПЕРВАЯ.

- А. Серафимовичъ. У обрыва.—А. Купринъ. Бредъ.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Лѣсная топь. Н. Гаринъ. Когда-то...—Бор. Зайцевъ. Полковникъ Розовъ. В. Брюсовъ. Городъ (стихотвореніе). М. Добужинскій. Городъ. Будни. Праздникъ. (рисунки).—Л. Бакетъ. Улица (рисунокъ). Н. Рерихъ. Городъ (рисунокъ). Леонидъ Андреевъ. Жизнь Человѣка. Цѣна 1 р.

КНИГА ВТОРАЯ.

- В. Муйжель. Пока...—А. Койранскій. Холодъ.—И. Бунинъ. У истока дней.—Бор. Зайцевъ. Май. Стихи.—Ив. Бунинъ. Петровъ день. Проводы. Геймдалъ. Александръ въ Египтѣ.—Серг. Геродецкий. Русь. Веснянка.—Ал. Блокъ. Н. Н. Волоховой. Легенда.—Александръ Бенча. „Смерть“ 6 рисунковъ.—Сентъ Жоржъ де-Буэлье. Король безъ вѣнца. Цѣна 1 р.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

- Леонидъ Андреевъ. Тьма.—Ив. Бунинъ. Астия.—Бор. Зайцевъ. Сестра.—А. Купринъ. Изумрудъ.—А. Серафимовичъ. Пески. Ал. Блокъ. Стихи.—Г. Чулковъ. Золотая ночь. Стихи.—Федоръ Селогубъ.—Навъи Чары. Романъ. Часть первая. Творимая легенда. Цѣна 1 р.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

- Бор. Зайцевъ. Аграфена.—Семень Юшкевичъ. Похождения Леона Дрея.—Валерій Брюсовъ. Исполненное обѣщаніе. Поэма.—Ал. Блокъ. Клеопатра. Ты и Я. Стихотворенія.—Леонидъ Андреевъ. Смерть человѣка. Цѣна 1 р.

КНИГА ПЯТАЯ.

- Шаломъ Ашъ. Субботай Цени.—К. Бальмонтъ. Литва.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое.—Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣщенныхъ. Цѣна 1 р.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Леонидъ Андреевъ. Мои записки (повѣсть).—К. Бальмонтъ I. Ревность (разсказъ). II. Крикъ въ ночи (разсказъ).—Андрей Бѣлый. Голоса въ поляхъ (стих.).—Н. Минский. Треугольникъ (стих.). Видѣние (стих.).—Морисъ Метерлинкъ. Синяя Птица. Цѣна 1 р.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Леонидъ Андреевъ. Черныя маски.—Петръ Нилусъ.—На берегу моря.—Анатолий Франсъ. Разсказы Жака Турнеброша.—Федоръ Сологубъ. Навьи чары. Романъ. Часть вторая. Капли крови. Цѣна 1 р.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Леонидъ Семеновъ. I. У порога неизбежности. II. Листки. —М. Розенкнопъ. Городъ.—А. Чапыгинъ. I. Прозрѣние. II. Образъ.—С. Миртовъ. Каштаны.—Вѣра Яровая. Три комнаты.—Сергѣй Городецкий. I. Кроты. II. Осъ.—Вл. Велкенштейнъ. Иоаннъ Грозный. Цѣна 1 р.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

С. Сергѣевъ-Ценский. Печаль полей.—Бор. Зайцевъ. Сны.—Леонидъ Андреевъ. Сынъ человѣческой.—А. Блокъ. Пѣсня судьбы. Цѣна 1 р.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Морисъ Метерлинкъ. Марія Магдалина.—Федоръ Сологубъ. Навьи чары. Романъ. Часть третья: Королева Ортруда.—Александръ Блокъ. На Куликовомъ полѣ. Цѣна 1 р.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ.

Борисъ Зайцевъ. Вѣрность.—П. Гиришейвъ. Обручение.—Ю. Словацкий. Геліонъ-Эоліонъ.—Леонидъ Андреевъ. Анфиса. Цѣна 1 р.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Бор. Зайцевъ. Заря.—Г. Флорберъ. Простое сердце.—А. Толстой Заволжье.—Федоръ Сологубъ. Путь въ Дамаскъ.—Федоръ Сологубъ. Стихи.—Н. Минский. Малый соблазнъ. Цѣна 1 рубль.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Леонидъ Андреевъ. Gaudeamus.—Бор. Зайцевъ. Смерть.—Саша Черный. Стихи.—А. И. Толстой. Святство.—Ал. Ремизовъ. Крестовыя сестры. Ц. 1 р. 25 к.

Литературно-художеств. альманахи. Кн. I—XII	П. 1.—
Литературно-художеств. альманахи. Кн. XIII	€ 1.25
Ссылнымъ и заключеннымъ. Сборн. изд. 2-ое.	€ 1.—
„Итали“. Сборн. въ пользу пострад. отъ землетряс. въ Сицилии.	€ 1.—
Книга о новомъ театрѣ. Изд. второе.	€ 2.—
Сѣверные сборники Кн. I. Изд. второе.	(распродано).
€	II—III (распродано).
€	IV
€	Y
€	VI
€	Кн. VII
Собрание сочин. Леонида Андреева. т. V—VII	по 1.25
Собрание сочинен. Федора Сологуба. т. I. Стихи.	Ц. 1.50
€	II. Тяжелые сны. Романъ. Изд. четвертое.
€	€ 1.75
€	III. Разсказы.
€	€ 1.25
€	IV. Разсказы.
€	€ 1.25
€	Y. Стихи.
€	€ 1.50
€	VI. Малый бѣсъ. Романъ. Изд. шестое.
€	€ 1.75
€	VII. Разсказы.
€	€ 1.25
€	VIII. Драммы.
€	€ 1.50
€	IX. Стихи.
€	€ 1.50
€	X. Сказанія и статьи.
Собрание соч. Бориса Зайцева. Кн. I. Изд. третье.	€ —50
€	II.
Собрание соч. С. Сергѣева-Ценского. Кн. I—V	по 1.25
Собр. сочин. Арнадія Аверченко. Кн. I—III.	€ 1.25
Собр. сочин. Тэффи Кн. I—II.	€ 1.25
Леонидъ Андреевъ. Анатолий.	Ц. 1.—
€	€ 1.—
€	Царь Головъ.
Осипъ Дымовъ. Разсказы. Книга I-ая	€ 1.25
В. Мунинель. Разсказы. Книга I-ая (нонф.)	1.—
Маркъ Кривичский. Разсказы. Книга I-ая	€ 1.—
€	Кн. II
€	1.25
Петръ Кожевниковъ. Разсказы. Книга II-ая	€ 1.—
К. Новальский. Разсказы.	€ 1.—
Г. Чулковъ. Разсказы. Книга I-ая	€ 1.—
€	Разсказы. Книга II-ая
€	€ 1.25
€	€ 1.—
С. Городецкий. Разсказы. (Комф.)	€ 1.—
Б. Рошинъ. Кошъ блѣдный. Разсказъ.	(распродано).
С. Рафаловичъ. На всѣхъ справедливости. Романъ.	Ц. 1.50
€	€ —.60
€	Отвергнутый Дюль-Жуанъ.
€	€ 1.20
Ал. Блокъ. Три пьесы.	(распродано).
Евг. Чириковъ. Марія Ивановна.	II. —.60
С. Найденовъ. Хорошенькая.	(распродано).
Леонидъ Андреевъ. Жизнь Человѣка.	II. —.75
А. Вознесенскій. Хохотъ.	€ —.75
С. Сергѣевъ-Ценский. Смерть.	€ 1.—
А. Серафимовичъ. Дѣтское разсказъ	€ 1.—
Собран. соч. А. Ремизова. Кн. I—VI. (печ.)	по 1.25
Ремизовъ. А. Морщичка.	€ —.50

Собран. соч. Кнута Гамсуна. Т. I—XII	по 1.25
Собран. соч. Г. Д. Уэллса. Т. I—XII	по 1.25
Собран. соч. Г. д'Аннунцио. Т. I—XII	по 1.25
Анталь Франсъ. Острова Пингвиновъ.	Ц. 1.40
Октавъ Мирбо. Путешествіе въ автомобилѣ.	(распродано).
Гергартъ Гауптманъ. Потопнувшій колоколъ.	Ц. —.65
Франкъ Ведениндъ. Шьесм. Кн. I-ая	„ 1.20
„ „ „ II-ая	„ 1.25
„ „ Пробужденіе весны.	(распродано).
Шаломъ Ашъ. Рассказы.	Ц. 1.—
„ Геронокъ.	(распродано).
Гомеръ. Илиада. Пер. Н. Миксиаго. Изд. 2-ое, исправл.	Ц. 1.25
Байронъ. Кавъ. Пер. Ив. Бунина.	„ —.75
К. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухѣ.	„ 2.—
„ Зеленыя вертоградъ.	(распродано)
Андрей Бѣлый. Пещель.	Ц. 2.—
Евг. Тарасовъ. Земляныя дали.	„ —.60
Тэффи. Семь огней.	„ 1.—
Обри Бердслей. Альбомъ.	(распродано).
Александръ Бенуа. Гойя.	Ц. 2.—

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

подъ редакціей В. Базарова, Б. Столлера и П. Юшневича

1) Джемсъ. Прагматизмъ. Переводъ и предисловіе П. Юшневича	Цѣна 1 р. 50 к.
2) Гейфдингъ. Учебникъ по исторіи новой философіи. Пер. Б. Столлера.	Цѣна 1 р. 75 к.
3) Бутру. Наука и религія. Пер. В. Базарова.	Ц. 2 р. 25 к.
4) Клейнпетеръ. Теорія познанія совр. естествознанія. Пер. Р. Лембергъ.	Цѣна 1 р. 25 к.
5) Рауль Рихтеръ. Исторія скептицизма въ философіи	Ц. 5 р.
6) Пирсонъ. Грамматика науки	Ц. 3 р. 50 к.
7) Христиансенъ. Философія красоты (печ.)	Ц. 2 р. 50 к.
8) Г. Гомперцъ. Ученіе о мировоззрѣніи (печ.)	Ц. 3 р. 50 к.
Карлъ Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи.	Ц. —.90.
Карлъ Наутский. Англичій міръ, іудейство и христіанство.	„ 2.—
Г. Влехановъ. Н. Г. Чернышевскій.	„ 3.—
А. Луначарскій. Религія и социализмъ. Т. I.	„ 1.50
„ „ „ II.	„ 2.50
Г. Лягардель. Революціонный синдикализмъ.	„ —.40
Іозефъ Петцельдъ. Проблема міра.	„ 1.—
Г. Члуповъ. Анархич. идеи въ драмахъ Ибсена.	„ —.30
Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи.	„ —.80
Н. Тренцій. Туда и обратно.	„ —.60
А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ.	„ —.50
А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Изд. втор. (распрод.)	
А. Луначарскій. Пять фарсовъ.	Ц. —.40

Открытыя письма на социально-политическія темы. 43 сюжетовъ. Цѣна красочныхъ—5 к. шт. Цѣна однотонныхъ—3 к. шт.